

ОТЧЕТЪ

О СЕМНАДЦАТОМЪ ПРИСУЖДЕНИИ

НАГРАДЪ ГРАФА УВАРОВА.

25 Сентября 1874.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ, 1875.

ПРОДАЕТСЯ У КОММИССИОНЕРОВЪ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМИИ НАУКЪ:

А. Бабунова, въ С. П. Б.
И. Глазунова, въ С. П. Б.
Я. А. Исакова, въ С. П. Б.
А. Черкесова, въ С. П. Б.

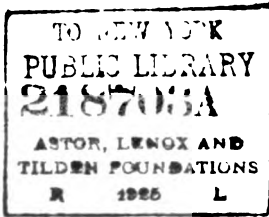
Эггерса и Коми., въ С. П. Б.
Г. Шиндорова, въ С. П. Б.
Н. Книшеля, въ Ригѣ.
Эюнджанца и Коми., въ Тифлисѣ.

М. И. Бѣлова, въ Одессѣ.

Цена 60 коп.

Akademiya:

*A C E

Напечатано по распоряженію Императорской Академіи Наукъ.
С.-Петербургъ, Ноябрь 1875 г.

Испремѣнный Секретарь *К. Веселовскій*.

Типографія Императорской Академіи Наукъ.

(Вас. Остр., 9 л., № 12.)

ОГЛАВЛЕНИЕ.

	Стран.
Отчетъ о семнадцатомъ присужденіи награды графа Уварова, за историческія сочиненія, составленный Непременнымъ Секретаремъ К. С. Веселовскимъ и читанный въ публичномъ засѣданіи Императорской Академіи Наукъ 25 Сентября 1874 г.	1 — 20
Отчетъ о присужденіи награды графа Уварова за драматическое сочиненіе, составленный Ординарнымъ Академикомъ А. В. Нивитенко, и читанный въ публичномъ засѣданіи Академіи 25 Сентября 1874 г.	21 — 28
I. «Исторія возсоединенія западно-русскихъ униатовъ старыхъ временъ». Соч. М. О. Кояловича. Рецензія А. Н. Попова.	29 — 59
II. «Сборникъ памятниковъ, относящихся до книгопечатанія въ Россіи». Выпускъ первый. Текстъ В. Е. Румянцева. Рецензія Авад. А. Ѳ. Бычкова.	60 — 72
III. «Очерки русской исторической географіи. Географія начальной лѣтописи». Соч. Н. Барсова. Рецензія профессора Е. Е. Замысловскаго.	73 — 100
IV. «Очеркъ внутренней исторіи Пскова». Соч. А. Никитскаго. Рецензія профессора И. Е. Энгельмана.	101 — 146

1875

ОТЧЕТЪ

0

СЕМНАДЦАТОМЪ ПРИСУЖДЕНІИ НАГРАДЪ ГРАФА УВАРОВА ЗА ИСТОРИЧЕСКІЯ СОЧИНЕНІЯ,

составленный Непремѣннымъ Секретаремъ К. С. Веселовскимъ и читан-
ный въ публичномъ засѣданіи Императорской Академіи Наукъ
25 Сентября 1874 г.

Сочиненій по части русской и славянской исторіи, представ-
ленныхъ на соисканіе наградъ графа Уварова, было девять; кромѣ
того въ соисканіи участвовало одно сочиненіе, отложенное отъ
прошлагодняго конкурса. Для разсмотрѣнія этихъ трудовъ, Конфе-
ренціею Академіи была назначена комісія, подъ предсѣдатель-
ствомъ Непремѣннаго Секретаря, изъ гг. Академикомъ: А. А. Ку-
ника, И. И. Срезневскаго, М. И. Сухомлинова, Я. К. Грота,
А. Ф. Бычкова, М. И. Броссе и А. В. Никитенко.

Ознакомившись съ переданными ей на разсмотрѣніе сочине-
ніями, комісія для каждаго изъ нихъ избрала рецензентовъ,
частью изъ среды своей, частью изъ постороннихъ ученыхъ, и
пригласила ихъ сообщить ей подробные разборы къ назначенному
для того сроку.

По полученіи этихъ рецензій и по внимательномъ обсужденіи
сравнительнаго достоинства конкурсныхъ сочиненій, комісія, въ
засѣданіи 10 сего сентября, положила удостоить меньшихъ Ува-
ровскихъ премій (въ 500 р. каждая) слѣдующія четыре книги:

I.

*Исторія возсоединенія западно-русскихъ Уніатовъ старыхъ вре-
мень. М. О. Кояловича. С.-Петербургъ 1873 г.*

Это сочиненіе было разсмотрѣно членомъ-корреспондентомъ

Увар. отч.

1

Академія А. Н. Поповымъ, который въ своей рецензіи, подробно указавъ на достоинства труда г. Кояловича, вмѣстѣ съ тѣмъ изложилъ тѣ основанія, по которымъ онъ не считаетъ возможнымъ согласиться съ нѣкоторыми взглядами автора.

Сущность замѣчаній рецензіи состоитъ въ слѣдующемъ:

Имя профессора С.-Петербургской духовной академіи М. О. Кояловича давно извѣстно въ нашей ученой литературѣ, и прежніе его труды оцѣнены по достоинству. Еще въ 1859 и 1861 гг. онъ издалъ два тома изслѣдованій о Литовской церковной униіи. Затѣмъ, какъ самъ онъ говоритъ, въ рѣчи, произнесенной имъ передъ защитою разсматриваемаго нами сочиненія, которое было представлено на соисканіе ученой степени доктора, — онъ «началъ заниматься, одиннадцать лѣтъ тому назадъ, исторіею воссоединенія униатовъ въ 1839 г. Но, изучивъ главнѣйшіе памятники этого событія въ собраніи бумагъ покойнаго графа Д. Н. Блудова, въ громадномъ собраніи дѣлъ архивовъ канцеляріи оберъ-прокурора Св. Синода и греко-униатской коллегіи, и въ нѣкоторыхъ мѣстныхъ въ Западной Россіи, и послѣ бесѣдъ съ современными свидѣтелями этого событія, авторъ пришелъ къ убѣжденію, что воссоединеніе униатовъ 1839 г., въ главѣ котораго стоялъ необыкновенный человекъ нашего времени, покойный митрополитъ Литовскій Іосифъ Сѣмашко, не было дѣломъ новымъ, имъ измышленнымъ, или искусственно-созданнымъ русскимъ Правительствомъ, а составляло продолженіе направленія, давно существовавшаго и только около времени митрополита Іосифа заслоненнаго извѣстною политическою системою дѣйствій князя Адама Чарторійскаго, нашествіемъ Французовъ и господствомъ въ нашей интеллигенціи западно-европейскихъ идей». — Изъ этихъ словъ видно, что авторъ въ продолженіе многихъ лѣтъ постоянно и непрерывно посвящалъ свои занятія изслѣдованіямъ объ историческихъ судьбахъ униіи или, какъ онъ постоянно ее называетъ — *униатской церкви*. Начавъ свои занятія исторіею униіи со времени первоначальнаго ея установленія, г. Кояловичъ намѣревался перейти затѣмъ къ изслѣдованію того событія, которымъ окончилось ея существованіе въ предѣлахъ русской Имперіи, т. е. къ воссоединенію униатовъ съ восточною церковью въ 1839 г. Но продолжая занятія своимъ предметомъ, онъ естественно пришелъ къ тому убѣжденію, что это событіе не можетъ быть ни понято, ни объяснено надлежащимъ образомъ безъ предварительнаго изслѣдованія предшествовавшихъ ему явленій въ исторіи униіи. Плодомъ этихъ изслѣ-

дованій представляется новый трудъ г. Кояловича, служацій переходомъ отъ первыхъ его, уже обнародованныхъ изслѣдованій объ униі, къ розысканіямъ, предположеннымъ въ будущемъ, о воссоединеніи униатовъ при Императорѣ Николаѣ. Обиліе и особое свойство источниковъ дали возможность сочинителю подробно изложить происшествія второй половины XVIII столѣтія и сообщить своему изложенію особенную живость. Много источниковъ уже обнародовано комисією для разбора древнихъ актовъ при Кіевскомъ генералъ-губернаторѣ, комисією бывшею при Виленскомъ учебномъ округѣ, Археографическою комисією и пр. Но еще большее ихъ количество хранится въ архивахъ. Всѣми такими матеріалами пользовался авторъ. «Въ борьбѣ, происходившей въ униі, говоритъ М. О. Кояловичъ, часть русскихъ людей, оставшаяся въ предѣлахъ Польши и лишенная почти всей своей интеллигенціи, съ поразительной искренностію и самоотверженіемъ ратуетъ за свое русское и православное званіе. Мы видимъ, что во время этой борьбы всѣ слои народа, простые крестьяне, ктиторы, т. е. церковные старосты, священники, иноки, стоятъ за одно, *обладаютъ большими свѣдѣніями политическими, знаютъ даже секреты политическіе*, и такъ какъ въ главѣ этого русскаго общества стояли духовные, которымъ естественно было сообщать свои свѣдѣнія нашему центральному духовному правительству; то отсюда вышло что нашъ Синодъ обладалъ полными и вѣрными свѣдѣніями о дѣлахъ въ Польшѣ». Но эта борьба части русскаго народа, находившагося въ Польшѣ, шла съ униатами и латинянами-Поляками, которые съ своей стороны оставили не менѣе извѣстій, какъ напечатанныхъ, такъ и хранящихся въ архивахъ. Архивъ униатскихъ митрополитовъ сохраняетъ значительное количество такихъ извѣстій и между ними г. Кояловичъ весьма справедливо считаетъ *чрезвычайно важною* переписку, продолжавшуюся непрерывно десять лѣтъ между королевскимъ секретаремъ и въ то же время униатскимъ архидіакономъ, а потомъ епископомъ Левинскимъ съ униатскимъ митрополитомъ Смогоржевскимъ. Въ этой перепискѣ дѣйствительно *замѣтны нѣкоторыя свѣдѣнія о дѣлахъ политики и даже тайныхъ*, но эти свѣдѣнія незначительны. Вообще же они не могли быть извѣстны въ то время никому, кромѣ нѣкоторыхъ кабинетовъ европейскихъ державъ и по преимуществу русскому. Въ извѣстіяхъ, оставленныхъ латинянами и поляками даже о происшествіяхъ того времени, замѣчается разнообразіе. Такъ-ли могли относиться къ дѣламъ того времени иезуиты, уничтоженные

въ то время папою, преслѣдуемые въ Польшѣ и нашедшіе себѣ пріютъ въ Россіи, какъ относилась польская латинская іерархія, руководимая папскими нунціями? Одинаковы-ли между собою свѣдѣнія объ этихъ дѣлахъ, какія могли сообщать тѣ польскіе паны, которые не только не преслѣдовали православныхъ, но даже защищали ихъ, и тѣ свѣдѣнія, какія оставили въ наслѣдство исторіи правительство и шляхетство Польскія? Въ самой средѣ уніатовъ шла въ то время роковая борьба двухъ направленій, постоянно въ ней существовавшихъ, и она не могла не отразиться на источникахъ, вышедшихъ изъ этой среды.

При такихъ условіяхъ историческіе памятники этой эпохи уніи весьма многочисленны, разнообразны по направленію и по степени правдивости. Разнообразіе, условленное вліяніемъ среды, изъ которой они происходили, усиливалось еще болѣе тѣмъ особеннымъ порядкомъ или, лучше сказать, безпорядкомъ устройства польскаго государства, который допускалъ необузданность личности, несдерживаемой ни законами, ни обычаями, ни государственною властью. Это свойство придавало особый, такъ сказать, *индивидуальный* характеръ большей части этихъ памятниковъ; но въ то же время оно давало и возможность каждой личности оставить въ память потомству свой обликъ со всѣми достоинствами и недостатками, со всѣми страстями и увлеченіями.

Такія свойства историческихъ источниковъ, представляя огромное преимущество, даютъ обильныя краски для начертанія оживленной картины прошедшаго; но вмѣстѣ съ тѣмъ они представляютъ и большую опасность: они могутъ увлечь историка въ одну сторону и лишить его необходимаго безпристрастія. Такое вліяніе этихъ источниковъ отражалось на всѣхъ сочиненіяхъ объ уніи писанныхъ въ Польшѣ и западной Европѣ. Конечно, эта опасность менѣе всѣхъ угрожаетъ русскому православному историку, потому что въ этомъ случаѣ правда на его сторонѣ; но тѣмъ не менѣе на немъ лежитъ обязанность подчинить себѣ эти источники и уберечься отъ ошибокъ.

По добросовѣстности и подробности, съ которыми авторъ излагаетъ происшествія избраннаго имъ періода въ исторіи уніи, его сочиненіе составляетъ важный вкладъ въ науку русской исторіи. Если, какъ замѣчаетъ рецензентъ, и возможно указать въ этомъ трудѣ на нѣкоторыя неточности, неизбѣжныя какъ по сложности работы, такъ и по свойству источниковъ, то онѣ не настолько значительны, чтобы могли уменьшить достоинство сочиненія. Но что

касается до оцѣнки нѣкоторыхъ русскихъ, дѣйствовавшихъ въ это время, лицъ и взгляда вообще на политику Императрицы Екатерины въ отношеніи къ вопросу объ униі, то г. Поповъ не соглашается съ мнѣніями почтеннаго профессора духовной академіи, и въ своемъ отзывѣ приводитъ тѣ основанія, по которымъ онъ полагаетъ, что объективное и менѣе одностороннее изученіе историческихъ свидѣтельствъ должно приводить къ нѣскольکو иной оцѣнкѣ нѣкоторыхъ лицъ, чѣмъ та, которую дѣлаетъ авторъ.

II.

Сборникъ памятниковъ, относящихся до книгопечатанія въ Россіи. Выпускъ I-й. Текстъ В. С. Румянцева. Москва 1872 г. (1873).

Постановляя приговоръ свой объ этомъ сочиненіи, комисія имѣла въ виду его разборъ, написанный по ея порученію, академикомъ А. Ф. Бычковымъ.

Поводомъ къ изданію сборника памятниковъ русскаго книгопечатанія было исполнившееся въ 1864 г. трехсотлѣтіе со времени выхода въ свѣтъ первой печатной книги изъ Московской типографіи, существующей и доселѣ подъ именемъ Синодальной. Представленный Академіи первый выпускъ этого роскошнаго изданія содержитъ въ себѣ исторію Московскаго печатнаго двора, до разоренія его въ смутное время, и дѣлится на слѣдующіе шесть отдѣловъ: 1) учрежденіе печатнаго двора въ Москвѣ, 2) Московскіе первопечатники, 3) первыя Московскія изданія, 4) распространеніе книгопечатанія на юго-западѣ Россіи, 5) книгопечатаніе въ Москвѣ до Литовскаго нашествія и 6) библиографическія свѣдѣнія объ изданіяхъ Московскаго печатнаго двора со времени основанія до Литовскаго разоренія.

Главными матеріалами для исторіи типографскаго дѣла въ Россіи доселѣ были: данныя о книгопечатаніи въ южно-славянскихъ земляхъ, послѣловія къ печатнымъ книгамъ, выходившимъ изъ Московской и другихъ русскихъ типографій, и два, поясняющія исторію Московскаго книгопечатанія сказанія, находящіяся въ одномъ изъ сборниковъ Синодальной бібліотеки. Всѣ же другіе матеріалы, которыхъ число впрочемъ весьма ограничено, особенно для періода съ 1553 по 1611 г., имѣютъ второстепенное значеніе и могутъ лишь служить иногда къ поясненію главныхъ фактовъ. Послѣ трудовъ митрополита Евгенія, Сопикова, Снегирева и въ особенности П. М. Строева, современный изслѣдователь, если

только онъ случайно не найдетъ новыхъ, неизвѣстныхъ матерьяловъ, едвали въ состояніи сказать что-либо новое объ исторіи книгопечатанія въ Россіи; но обязанность такого изслѣдователя — отнестись критически къ трудамъ своихъ предшественниковъ, и, очистивъ извѣстное отъ невѣрныхъ данныхъ или бездоказательныхъ предположеній, изложить въ стройномъ цѣломъ все, что добыто наукою до послѣдняго времени. Эту задачу исполнилъ г. Румянцевъ. Изъ подъ его пера, по отзыву рецензента, явился трудъ, въ которомъ не пропущено и не оставлено безъ вниманія ни одного изъ дошедшихъ до насъ данныхъ, а нѣкоторымъ фактамъ сдѣланы новыя объясненія, — словомъ, трудъ, далеко оставившій за собою всѣ предшествовавшіе труды по этому предмету.

Чтобы доказать справедливость такого сужденія о книгѣ г. Румянцева, академикъ Бычковъ входитъ въ подробное разсмотрѣніе каждаго изъ ея отдѣловъ, при чемъ указываетъ на наиболѣе важные выводы, добытые авторомъ. Съ особымъ вниманіемъ останавливается рецензентъ на исторіи появленія въ свѣтъ и на описаніи «Дѣяній апостольскихъ и посланій соборныхъ и святаго апостола Павла посланіяхъ» — первой, сколько до сихъ поръ извѣстно, печатной книги, вышедшей изъ Московской типографіи. Эту книгу, образецъ изящной печати, которому нельзя не удивляться даже и въ наше время, г. Румянцевъ впервые описалъ отчетливо и подробно, какъ съ внѣшней стороны, такъ и со стороны типографской техники. Его описаніе, по свидѣтельству г. Быčkoвa, даетъ о ней самое вѣрное понятіе и возбуждаетъ невольное сожалѣніе о томъ, что такимъ же образомъ не описаны у автора и другія книги, выпущенныя изъ Московской типографіи, по крайней мѣрѣ такъ называемыя первоначальныя изданія. Рукопись, по которой печатался Апостолъ 1564 г., не дошла до насъ, а славянскій текстъ его до сихъ поръ не былъ еще изслѣдованъ, и наши ученые, какъ наприм. С. М. Соловьевъ и архіепископъ Харьковскій Филаретъ, имѣли о немъ сбивчивыя и невѣрныя понятія; поэтому г. Румянцевъ, для болѣе точнаго ознакомленія съ особенностями текста Апостола и для сравнительнаго опредѣленія его достоинства, сличилъ текстъ означенной книги съ текстомъ, находящимся въ древнѣйшихъ рукописяхъ Апостола, хранящихся въ Московской Синодальной библиотекѣ, и въ печатныхъ изданіяхъ: Острожскомъ 1581 года и нынѣшнемъ. Для успѣшнаго разрѣшенія этой нелегкой, а между тѣмъ очень существенной задачи, г. Румянцеву послужила немаловажнымъ пособіемъ най-

денная имъ и напечатанная въ приложеніи къ его изслѣдованію, обширная «Докладная выписка», составленная справщиками печатнаго двора, и между прочимъ извѣстнымъ Медвѣдевымъ, по приказанію патріарха Іоакима, о замѣченныхъ ими разностяхъ при сличеніи напечатанной въ 1671 г. книги Апостола «съ древними апостолами рукописанными и харатейными словенскими, съ бесѣдами апостольскими и со иными преводами». Г. Румянцевъ все, довольно значительное число указанныхъ въ выпискѣ и найденныхъ имъ самимъ разностей въ текстѣ первопечатнаго Апостола и другихъ текстахъ, раздѣлилъ на три группы. Къ первой онъ отнесъ мѣста, въ которыхъ слова и рѣченія несогласны съ принятыми въ нынѣшнемъ текстѣ или и совсѣмъ изъ него исключены, съ указаніемъ тѣхъ мѣстъ, которыя въ Острожской библии исправлены сходно съ нынѣшнимъ текстомъ. Во вторую группу онъ помѣстилъ слова и рѣченія, встрѣчающіяся только въ первопечатномъ Апостолѣ и которыхъ Іоакимовскіе справщики не нашли въ имѣвшихся у нихъ рукописяхъ и печатныхъ изданіяхъ. Наконецъ третью группу образовали мѣста первопечатнаго Апостола, въ которыхъ противъ бумажныхъ списковъ встрѣчаются новыя исправленія какъ въ чтеніяхъ греческаго текста, такъ и въ переводѣ. На основаніи такого сличенія, которое нельзя не признать весьма цѣннымъ вкладомъ для исторіи славянскаго текста Апостола и которое даетъ точное понятіе какъ о недостаткахъ и достоинствахъ текста первопечатнаго Апостола, такъ и объ его отношеніи къ тексту древнѣйшихъ и современныхъ ему рукописныхъ Апостоловъ, а также къ Острожскому и нынѣшнему печатнымъ, авторъ изслѣдованія дѣлаетъ свой выводъ о первопечатномъ текстѣ, который, «принадлежа къ фамиліи бумажныхъ списковъ, въ тоже время является самостоятельнымъ, и притомъ не только тамъ, гдѣ онъ представляетъ другія чтенія или другой переводъ противъ списковъ, но и въ самыхъ заимствованіяхъ своихъ изъ рукописей. Эти заимствованія дѣлаются въ немъ иногда изъ бумажныхъ, иногда изъ харатейныхъ списковъ, иногда изъ древняго перевода, сохранившагося въ синодальныхъ толковыхъ апостолахъ. Вообще видно, что издатели первопечатнаго апостола имѣли подъ руками не мало славянскихъ списковъ разныхъ переводовъ или редакцій. Руководствуясь этими списками, а иногда, по-видимому, и собственнымъ разумѣніемъ, они внесли въ текстъ бумажныхъ списковъ, бывшихъ въ то время во всеобщемъ употребленіи, весьма много новыхъ исправленій. Исправленія эти, если не вездѣ, то по крайней мѣрѣ въ большей части случаевъ,

сдѣланы были удачно и вообще болѣе всѣхъ извѣстныхъ списковъ приблизили славянскій апостольскій текстъ къ принятому нынѣ».

Послѣ замѣчаній объ языкѣ первопечатнаго Апостола и его правописаніи и краткаго описанія часовника—второй книги, напечатанной въ Москвѣ, авторъ приводитъ свѣдѣнія о томъ, какимъ образомъ и при какихъ обстоятельствахъ книгопечатаніе распространилось изъ Москвы на юго-западъ Россіи, и излагаетъ послѣдующую исторію типографскаго дѣла въ самой Москвѣ, до Литовскаго нашествія. Не сообщая при этомъ новыхъ фактовъ, онъ не упускаетъ изъ виду ничего, что было добыто другими изслѣдователями и, подвергая уже извѣстныя данныя ученой критикѣ, искусно группируетъ ихъ и выставляетъ въ надлежащемъ свѣтѣ.

Кромѣ вышеупомянутой «Докладной выписки» и библиографическихъ свѣдѣній объ изданіяхъ Московскаго печатнаго двора, г. Румянцевъ приложилъ къ своему труду 27 листовъ снимковъ съ печатныхъ книгъ и съ византійско-русскихъ украшеній. Эти таблицы исполнены превосходно и служатъ нагляднымъ пособіемъ къ изученію исторіи типографскаго у насъ искусства до 1611 года. Выборъ помѣщеннаго на таблицахъ сдѣланъ искусно и съ большимъ знаніемъ дѣла: изъ каждой книги взято наиболѣе характеристичное, именно то, что отличаетъ ее отъ всѣхъ прочихъ: гравюры, заставки, заглавныя буквы, вязь, цвѣтки и узлы. Сверхъ того на нѣкоторыхъ таблицахъ заключаются данныя, посредствомъ которыхъ каждому изслѣдователю легко опредѣлить степень вліянія иноземныхъ и западно-русскихъ типографій на Московскую.

Свою рецензію г. Бычковъ оканчиваетъ замѣчаніемъ, что книга г. Румянцева, при всѣхъ ея достоинствахъ, имѣетъ и недостатки, состоящіе въ нѣкоторыхъ недомолвкахъ и въ слишкомъ краткомъ описаніи книгъ, вышедшихъ изъ Московской типографіи, за исключеніемъ первопечатнаго Апостола. Но эти недостатки не могутъ уменьшить важности разсматриваемаго труда, составляющаго, по одному уже описанію Апостола 1564 года, значительное приобрѣтеніе для науки.

III.

Очеркъ внутренней исторіи Пскова, А. Никитскаго. Спб. 1873 г.

Рецензія этого сочиненія была, по приглашенію Академіи, составлена профессоромъ Дерптскаго университета И. Е. Энгельманомъ, который въ особенности указываетъ на тщательность и

добросовѣстность изслѣдованій автора. Г. Никитскій старался выискать въ истинный смыслъ источниковъ и извлечь изъ нихъ все, что они содержатъ; мѣтко схватывая особенности Псковскаго быта, онъ заботится объ объясненіи ихъ происхожденія особеными обстоятельствами существованія Пскова. Добросовѣстность въ собираніи фактовъ, правильность ихъ оцѣнки и наглядность группировки, таковы, по словамъ рецензента, отличительныя качества сочиненія г. Никитскаго. Оно несомнѣнно принесетъ пользу наукѣ, требующей именно подробнаго и строгаго разбора источниковъ и надлежащей обработки фактовъ. Тѣмъ не менѣе рецензентъ находитъ, что автору недостаетъ навыка въ примѣненіи приѣмовъ исторической критики. Иногда считая дѣло совершенно яснымъ, онъ не беретъ на себя труда собрать всѣ извѣстія, касающіяся до этого предмета, и заглянуть во всѣ источники, вслѣдствіе чего мѣстамъ приходится къ поверхностнымъ результатамъ. Иной разъ, въ своихъ сужденіяхъ, онъ теряетъ изъ вида общій планъ изслѣдованія; рассматривая извѣстную сторону предмета, онъ плѣняется ею, забываетъ другую сторону, а переходя къ другой, увлекается п ею и противорѣчитъ самому себѣ, такъ что читателю трудно рѣшить какого же наконецъ мнѣнія придерживается авторъ. Но самый главный недостатокъ г. Никитскаго состоитъ въ томъ, что онъ не ограничиваетъ свой трудъ тѣмъ предметомъ и тѣми способами изслѣдованія, которыми умѣетъ пользоваться, — у него является иногда охота пускаться въ сравнительную исторію права и въ историко-философскія разсужденія и соображенія, что ему очевидно не подь силу. Нельзя также не замѣтить его страсти къ громкимъ и необыкновеннымъ словамъ, поражающимъ читателя, его небрежности въ употребленіи нѣкоторыхъ выраженій и наконецъ излишества иностранныхъ словъ.

Послѣ общихъ замѣчаній о рассмотрѣнной имъ книгѣ, г. Энгельманъ дѣлаетъ оцѣнку отдѣльныхъ ея частей.

Изслѣдованіе г. Никитскаго, раздѣленное на шесть главъ, изъ которыхъ первая названа введеніемъ, распадается на самомъ дѣлѣ на двѣ части, неимѣющія ничего между собой общаго: въ первой излагается взглядъ автора на родовой бытъ въ древней Руси, а вторая посвящена самому изслѣдованію внутренней исторіи Пскова. Эта вторая часть состоитъ изъ пяти главъ: 1) областной бытъ Великаго Новгорода, 2) Псковъ и его устройство, 3) состояніе церкви во Псковѣ, 4) торжество Московскаго порядка и 5) вліяніе Москвы на церковныя дѣла.

При изложениі своего взгляда на родовой бытъ въ древней Руси, авторъ не ограничивается положительными данными, но вѣдается и въ общія историко-философскія разсужденія и, забираясь слишкомъ далеко, касается исторіи цивилизаціи народовъ по поводу такого спеціальнаго предмета, какъ внутренняя исторіи Пскова. При этомъ онъ затрогиваетъ разные обширные вопросы исторіи цивилизаціи, которые въ двухъ-трехъ словахъ не могутъ быть не только разрѣшаемы, но и излагаемы ясно и понятно. Въ этомъ отдѣлѣ труда г. Никитскаго рецензентъ находитъ заслуживающими вниманія изслѣдованія о различіи между круговой порукой, существовавшей вѣроятно уже въ древнѣйшее время, и тою, которая встрѣчается въ позднѣйшую, историческую пору, о характерѣ родовыхъ отношеній, о значеніи родоначальника, городовъ, о паденіи родоваго быта и установленіи государственнаго начала и т. п. Рецензентъ находитъ здѣсь много основательныхъ замѣчаній, къ сожалѣнію слишкомъ часто прерываемыхъ фикціями или слишкомъ искусственными объясненіями автора.

Въ главѣ, посвященной изображенію Новгородскаго строя, г. Никитскій, придавая этому предмету значеніе лишь введенія въ исторію Пскова, не рисуетъ полной картины историческаго развитія Новгородскаго быта, но указываетъ лишь на тѣ явленія, которыя имѣютъ особенную важность: онъ объясняетъ, какое значеніе имѣло понятіе старшинства на отношенія городовъ между собою; затѣмъ рассматриваетъ тѣ средства, которыми старѣйшій городъ Новгородъ располагалъ для вліянія на областной бытъ. По отзыву рецензента, весьма понятно и ясно изложены здѣсь отношенія Новгорода къ сосѣднимъ великимъ князьямъ по спорнымъ землямъ, значеніе служилыхъ людей, вступившихъ, какъ доказываетъ авторъ, въ такія же отношенія къ Новгороду, въ какія они вступали къ великимъ князьямъ, отношеніе Двинской земли къ Новгороду и проч.

Въ исторіи самого Пскова, г. Никитскій съ особымъ вниманіемъ излагаетъ ходъ событій, доведшихъ этотъ городъ до совершенной независимости отъ Новгорода; онъ доказываетъ коренное различіе между положеніемъ князей во Псковѣ и въ Новгородѣ — различіе, на которое до сихъ поръ не было обращено должнаго вниманія, и утверждаетъ, что Псковскіе князья были сначала только кормленщики, лишь мало-по-малу получили другое значеніе, и, наконецъ, съ конца первой четверти XIV вѣка явились самостоятельными князьями. Это положеніе г. Никитскій старается вывести

сь особенною послѣдовательностью, такъ что измѣненіе въ характерѣ княжеской власти представляется у него необходимымъ слѣдствиемъ опредѣленныхъ стремленій. По мнѣнію рецензента, такого стройнаго развитія этихъ отношеній не было въ дѣйствительности; въ Псковѣ, даже ранѣ XIV вѣка, бывали, хотя и изрѣдка, самостоятельные князья, такъ что напрасно авторъ всѣми средствами старается низвести ихъ на степень простыхъ Новгородскихъ наместниковъ, а самый Псковъ на степень простаго пригорода. Вообще все изслѣдованіе о положеніи хозяйства во Псковѣ, по замѣчанію г. Энгельмана, отличается несомнѣнными достоинствами, тщательнымъ обслѣдованіемъ источниковъ и отдѣльныхъ фактовъ, удачной группировкой провѣреннаго матеріала, но страдаетъ тѣмъ, что авторъ слишкомъ усердно старается доказать, что до первой четверти XIV вѣка оставалось все по прежнему, а послѣ того все измѣнилось, и подкрѣпляетъ это положеніе выводами, которые нельзя не считать натяжками.

Въ главѣ «Псковъ и его устройство» авторъ даетъ возможно полную картину Псковскаго общественнаго строя; подробно и обстоятельно объясняетъ онъ положеніе и значеніе Псковской области и города, характеризуетъ княжескую власть, значеніе вѣча и вліяніе бояръ на ходъ политическихъ дѣлъ. Это обстоятельное и серьезное изслѣдованіе рецензентъ считаетъ весьма важнымъ приобритеніемъ русской исторической литературы.

Говоря, въ III и V главахъ, о состояніи церкви во Псковѣ и о вліяніи Москвы на церковныя дѣла, г. Никитскій выказываетъ какъ умѣніе пользоваться источниками, такъ и талантъ для изслѣдованій въ области положительной исторіи. Здѣсь рецензентъ не находитъ ничего существеннаго, что можно было бы возразить автору; его изслѣдованіе, основанное на подробномъ изученіи источниковъ, тѣмъ важнѣе, что до послѣдняго времени свѣтскіе писатели по большей части упускали изъ виду вліяніе церковныхъ дѣлъ на гражданскія и политическія обстоятельства.

Не менѣе любопытна IV глава, гдѣ разсказывается о торжествѣ Московскаго порядка, т. е. о паденіи «господина Пскова» и всей Псковской земли, объ уничтоженіи въ ней мѣстной жизни, ея строя, ея права, ея стариннаго быта. Въ отношеніи способа изслѣдованія, эта глава, по свидѣтельству рецензента, отличается тѣми же достоинствами, какъ и главы II, III и V; тѣмъ не менѣе и здѣсь, при чтеніи разсказа о происшествіяхъ и столкновеніяхъ, подготовившихъ для Пскова трагическій конецъ, читателя поражаетъ

странность нѣкоторыхъ общихъ сужденій автора, противорѣчащихъ не только тѣмъ фактамъ, которые онъ самъ же сообщаетъ, но и его собственной характеристикѣ происшествій, въ особенности поступковъ Московскихъ князей.

Въ заключеніе своей рецензій, г. Энгельманъ замѣчаетъ, что всѣ указанные имъ недостатки труда г. Никитскаго встрѣчаются во веденіи къ оному и въ предварительныхъ разсужденіяхъ автора, неимѣющихъ прямого отношенія къ его спеціальной задачѣ; частью же эти недостатки вредятъ нѣкоторымъ его воззрѣніямъ и общимъ сужденіямъ, имѣющимъ только внѣшнюю связь съ его разысканіями. Поэтому они не оказали вліянія на внутреннее содержаніе изслѣдованія. Собственно же историческія розысканія изъ положительной исторіи выказываютъ въ авторѣ несомнѣнный талантъ, и русская историческая литература можетъ ожидать отъ него еще многого.

IV.

Очерки русской исторической географіи. Географія начальной этнописи. Изслѣдованія Н. П. Барсова. Варшава. 1873.

При самомъ зарожденіи русской исторіи, какъ науки, въ началѣ XVIII столѣтія, изслѣдователи не могли не обратить вниманія на изученіе явленій, составляющихъ въ настоящее время предметъ особой отрасли знаній — исторической географіи. Въ теченіе этого столѣтія, область ея значительно расширилась открытіемъ новыхъ источниковъ, сборниками матеріаловъ по мѣстной исторіи, и изданіемъ путешествій по Россіи, содержащихъ въ себѣ драгоцѣнныя данныя по этнографіи и археологіи.—Однако, несмотря на эти успѣхи, наша древнѣйшая географія еще долго не была самостоятельною отраслью исторической науки, и труды ученыхъ XVIII вѣка не давали яснаго представленія о древней географіи Россіи. Тому, кто впервые сдѣлалъ исторію нашего отечества доступною для большинства, принадлежитъ и важная заслуга въ дѣлѣ разработки предмета, о которомъ идетъ рѣчь: пользуясь нашими письменными памятниками, на сколько они были необходимы для построенія общей исторіи Россіи, Карамзинъ, не смотря на неудовлетворительность въ его время историческихъ пособій, избѣгъ тѣхъ произвольныхъ догадокъ и ошибокъ, въ какія нерѣдко впадали его предшественники, такъ что на основаніи его объясненій можно было составить довольно вѣрную карту древней Руси. Около того же времени явились превосходныя изслѣдованія Лерберга, приемы котораго въ

изученія историко-географическихъ вопросовъ до сихъ поръ остаются образцовыми. Изъ слѣдовавшихъ затѣмъ трудовъ по русской исторической географіи замѣчательны сочиненія Арцыбышева, Надеждина, Неволіна и Погодина. Независимо отъ того, въ послѣдніе двадцать лѣтъ явилось, кромѣ нѣкоторыхъ монографій, не мало замѣтокъ и указаній въ различныхъ изданіяхъ; напечатаны дотолѣ неизвѣстные памятники, заключающіе въ себѣ новыя данныя; явились разныя пособія по географіи Россіи; критическая разработка древнѣйшихъ памятниковъ подвинулась впередъ, впервые было обращено вниманіе на распространеніе географическихъ свѣдѣній въ древней Руси, болѣе и болѣе сталъ выясняться вопросъ о вліяніи природы восточной Европы на народы, въ ней обитавшіе, была признана важность вопроса о колонизаціи русской народности, вслѣдствіе чего и предметъ исторической географіи получилъ новое освѣщеніе.

Все это привело къ убѣжденію въ необходимости новаго труда, въ которомъ были бы сведены въ одно цѣлое результаты частныхъ изысканій и дополнены, а также провѣрены предшествовавшія работы по русской исторической географіи.

Такого рода трудъ для географіи древнѣйшаго лѣтописнаго свода исполненъ нынѣ г. Барсовымъ. Подробная и основательная оцѣнка его сдѣлана, по приглашенію Академіи, профессоромъ Е. Е. Замысловскимъ, который, въ своей рецензіи, отзываясь о немъ съ большою похвалою, замѣчаетъ, что въ немногихъ трудахъ русскихъ ученыхъ по исторической географіи можно встрѣтить такое обстоятельное изученіе источниковъ, какимъ отличается трудъ г. Барсова.

Самъ авторъ говоритъ, что онъ имѣлъ цѣлью не полное и всестороннее изложеніе исторической географіи Руси въ эпоху, занимаемую начальною лѣтописью, но главнымъ образомъ разъясненіе только тѣхъ вопросовъ этого обширнаго предмета, которые ставитъ сама лѣтопись, и что поэтому, онъ «ограничивается разборомъ географическаго матеріала, который она представляетъ». Несмотря на такое скромное опредѣленіе задачи авторомъ, его трудъ, по замѣчанію рецензента, представляетъ разборъ не только матеріала начальной лѣтописи, но и другихъ памятниковъ; видно, что авторъ хорошо изучилъ предметъ и приложилъ стараніе къ удовлетворительному рѣшенію даже и такихъ вопросовъ, которые не имѣли прямого отношенія къ его изслѣдованію. При этомъ, касаясь какого либо еще мало выясненнаго или спорнаго вопроса, ав-

торъ обстоятельно знакомитъ читателя съ литературою этого вопроса, и пользуется источниками согласно требованіямъ современной исторической критики.

Кромѣ этихъ достоинствъ, рецензентъ ставитъ г. Барсову въ заслугу и строгость его изложенія. Отъ опредѣленія понятій о мірѣ, извѣстномъ начальной лѣтописи, авторъ обращается къ описанію рѣчныхъ системъ, а затѣмъ переходитъ къ разбору извѣстій о племенахъ литовскомъ, финскомъ и славянскомъ; извѣстія же о тюркскомъ племени, къ сожалѣнію, не сведены имъ въ одно цѣлое, но разбросаны по разнымъ мѣстамъ.

Входя въ подробную оцѣнку отдѣльныхъ частей сочиненія, рецензентъ указываетъ на любопытнѣйшія изъ заключеній автора. Въ особенности замѣчательнымъ, по обстоятельности доказательствъ и разнообразію ученыхъ пріемовъ, г. Замысловскій считаетъ изслѣдованіе г. Барсова о томъ, какую область занимали Ятвяги, вопросъ о національности которыхъ онъ признаетъ еще не рѣшеннымъ. Въ этомъ изслѣдованіи, едва-ли не лучшемъ отдѣлѣ всего сочиненія, авторъ, принявъ въ соображеніе и раннія, и болѣе позднія извѣстія, находящіяся какъ въ русскихъ, такъ и въ польскихъ источникахъ, а равно и данныя нынѣшней номенклатуры, пришелъ къ выводу, отличному отъ общепринятаго въ настоящее время, и состоящему въ томъ, что первоначальныя поселенія Ятвяговъ простирались по Нѣману и его южнымъ притокамъ, отъ водораздѣла съ Припетью и Побужьемъ, на сѣверо-западъ отъ того мѣста, гдѣ Нѣманъ принимаетъ сѣверное направленіе у Гродна. Для опредѣленія области, которую занимало племя Вель, авторъ приводитъ много указаній изъ современной географической номенклатуры, могущихъ служить для дальнѣйшей разработки исторической географіи. Любопытно также объясненіе, какое даетъ онъ характеру извѣстій начальной лѣтописи о финскихъ племенахъ вообще, — объясненіе, которое существенно разнится отъ объясненія Шегрена. Наконецъ г. Замысловскій считаетъ новымъ и важнымъ то, что сдѣлано авторомъ для опредѣленія колонизаціи каждаго славянскаго племени въ Восточной Европѣ.

Указавъ на достоинства разсмотрѣннаго имъ труда, рецензентъ не скрываетъ и его недостатковъ. Онъ находитъ, что нѣкоторые изъ выводовъ автора построены на нетвердомъ основаніи. Сколь ни многочисленны были матеріалы, находившіеся въ распоряженіи г. Барсова, онъ однако упустилъ изъ виду нѣкоторыя важныя пособія. Не говоря уже о томъ, что онъ не пользо-

вався статьями и замѣтками, разсѣянными въ губернскихъ вѣдомостяхъ и другихъ провинціальныхъ изданіяхъ, представляется страннымъ то обстоятельство, что ему, по-видимому, было неизвѣстно изслѣдованіе Академика Видемана о прежней судьбѣ и нынѣшнемъ состояніи Ливовъ, тогда какъ въ этомъ сочиненіи онъ нашель бы немало полезныхъ для себя данныхъ. Жаль также, что авторъ недостаточно воспользовался указаніями, которыя онъ могъ бы найти въ изданныхъ Центральнымъ Статистическимъ Комитетомъ спискахъ населенныхъ мѣстъ.

Впрочемъ, несмотря на недостатки и нѣкоторыя неточности въ изложеніи, трудъ г. Барсова, по мнѣнію рецензента, долженъ занять мѣсто въ ряду полезныхъ изслѣдованій по русской исторіи

По присужденіи Уваровскихъ наградъ, Академія сочла своимъ долгомъ публично выразить свою признательность А. Н. Попову, и профессорамъ И. Е. Энгельману, Е. Е. Замысловскому и К. Н. Бестужеву-Рюмину за содѣйствіе, которое они ей оказали при оцѣнкѣ конкурсныхъ сочиненій, и присудила имъ установленныя для сего золотыя Уваровскія медали.

Независимо отъ большихъ и малыхъ наградъ графа Уварова, Положеніемъ объ этихъ наградахъ установлена особая поощрительная премія, въ 500 руб., за удовлетворительное рѣшеніе задачъ, предлагаемыхъ Академіею по исторіи и древностямъ русскимъ.

На нынѣшній разъ Академія вновь обращаетъ вниманіе занимающихся русскою исторіею на вопросы, предложенные ею прежде, и приглашаетъ ихъ доставить ей рѣшеніе слѣдующихъ задачъ:

1. Исторія древне-русскихъ княжествъ.
2. Историческія отношенія Польскаго народа и государства къ русскому племени.
3. О составѣ Западно-русскихъ, такъ называемыхъ Литовскихъ лѣтописей.
- и 4. Историко-литературное обозрѣніе печатныхъ полемиическихъ сочиненій, статей и брошюръ, изданныхъ въ свѣтъ русскими въ Сѣверо и Юго-Западномъ краяхъ Россіи съ конца XVI до начала XVIII столѣтій.

Кромѣ того, Академія предлагаетъ слѣдующія двѣ новыя задачи:

1. Коментарій на договоры Кіевскихъ великихъ князей съ византійскими царями.
2. Исторія мореплаванія у славянскихъ народовъ до XIII вѣка.

Задачи, предлагаемыя Императорскою Академіею Наукъ на соисканіе поощрительныхъ премій графа Уварова.

I. ЗАДАЧИ, ПРЕЖДЕ ПРЕДЛОЖЕННЫЯ И НЫНЬ ВОЗОБНОВЛЕННЫЯ:

1.

Исторія древне-русскихъ княжествъ.

Монографіи, касающіяся исторіи древне-русскихъ княжествъ вообще не многочисленны и не всё удовлетворяютъ условіямъ современной науки. Принимая это во вниманіе, Академія приглашаетъ желающихъ заняться изслѣдованіями по этому предмету. Имѣя въ виду обширность предлагаемой задачи, Академія предоставляетъ конкурентамъ—самимъ избрать себѣ предметомъ то или другое княжество и дать своему сочиненію болѣе или менѣе обширный объемъ. Хотя наша историческая литература еще нуждается въ хорошихъ сочиненіяхъ касательно исторіи княжествъ: Кіевскаго, Полоцкаго, Смоленскаго, Владимірскаго, Тверскаго и пр., однако къ конкурсу допускаются, кромѣ сочиненій объ этихъ достоинствахъ Рюриковой династіи, изслѣдованія и о литовско-русскихъ княжествахъ Гедеминовой династіи.

2.

Объ историческихъ отношеніяхъ Польскаго народа и государства къ Русскому племени.

Предметъ этотъ уже самъ по себѣ столь богатъ важными эпизодами, что, предлагая соискателямъ Уваровской преміи заняться имъ, Академія предоставляетъ ихъ произволу избрать себѣ какой либо специальный предметъ по этой отрасли исторической науки. Не излишне однако замѣтить, что здѣсь, подъ историческими отношеніями, разумѣются не исключительно войны и дипломатическія сношенія Польши съ Россіей, но литературныя, юридическія и церковныя дѣла, преимущественно Великаго Княжества Литовскаго, въ которыхъ отразилась борьба Польскаго и Русскаго элементовъ. Самъ собою разумѣется, что авторъ, разбирая эту борьбу, долженъ соблюдать строгое безпристрастіе въ оцѣнкѣ историческихъ личностей и событій.

Хотя Академія не желаетъ стѣснять конкурентовъ въ вынорѣ специальныхъ изслѣдованій, имѣющихъ цѣлью разъяснить историческія отношенія польскаго племени къ русскому, однако она сочла

полезнымъ на этотъ разъ обратить особенное вниманіе ученыхъ на два слѣдующіе предмета:

3.

О составѣ Западно-Русскихъ, такъ называемыхъ Литовскихъ, лѣтописей.

Въ ряду источниковъ отечественной исторіи занимаютъ не послѣднее мѣсто Западно-Русскія лѣтописи о Великомъ Княжествѣ Литовскомъ. До насъ дошло нѣсколько ихъ списковъ; изъ нихъ одни напечатаны, другіе остаются еще въ рукописяхъ; сверхъ того, есть указаніе въ Польскихъ историкахъ на существованіе лѣтописей этого же разряда, болѣе подробныхъ, чѣмъ тѣ, которыя находятся теперь у насъ въ рукахъ. Академія предлагаетъ на разрѣшеніе слѣдующую задачу: опредѣлить по печатнымъ спискамъ, а если угодно, то и по рукописнымъ, время составленія дошедшихъ до насъ Западно-Русскихъ, такъ называемыхъ Литовскихъ, лѣтописей и ихъ составъ, и показать, какими извѣстіями изъ этихъ лѣтописей воспользовались съ одной стороны составители Русскихъ Лѣтописныхъ Сборниковъ, а съ другой Польскіе историки какъ напр.: Длугошъ, Стрымковскій, Бѣльскій и другіе. При этомъ изъ Польскихъ историковъ необходимо сдѣлать выборку событій, имѣющихъ отношеніе къ Западно-Русскому краю и ненаходящихся въ напечатанныхъ спискахъ Западно-Русскихъ лѣтописей; расположить ихъ въ хронологическомъ порядкѣ и привести соотвѣтствующія имъ мѣста, если таковыя имѣются, изъ Сѣверно-Русскихъ и Южно-Русскихъ лѣтописей, и указать, какія изъ этихъ извѣстій и на какомъ основаніи должны были находиться въ Литовскихъ лѣтописяхъ.

4.

Историко-литературное обозрѣніе печатныхъ полемическихъ сочиненій, статей и брошюръ, изданныхъ въ свѣтъ русскими въ Сѣверо-и Юго-Западныхъ краяхъ Россіи съ конца XVI до начала XVII столѣтій.

Сочиненія эти хотя и касаются по большей части богословскихъ предметовъ, однако въ то же время заключаютъ въ себѣ не мало характеристическихъ чертъ и указаній для исторіи политическихъ отношеній, нравовъ и просвѣщенія помянутой эпохи. Въмѣстѣ съ тѣмъ тамъ сохранены свѣдѣнія о писателяхъ и дѣятеляхъ, въ настоящее время или забытыхъ, или очень мало извѣстныхъ. Все это имѣетъ значеніе не только по отношенію къ исторіи русской литературы, но и для уразумѣнія духа и направленія умовъ въ тѣхъ

краяхъ. Само собою разумѣется, что въ подобномъ изслѣдованіи нельзя пройти безъ вниманія польско-латинскія книги и брошюры, которыя или вызывали, или преслѣдовали полемическія сочленія бѣлорусскія и малорусскія, но такъ какъ о первыхъ есть уже обстоятельныя описанія въ польской литературѣ (въ трудахъ Гохера, Вишнявскаго, Мацѣевскаго и друг.), то о нихъ въ обзорѣнн можно уже говорить лишь на столько, на сколько эти книги и брошюры послужатъ матеріаломъ для разъясненія бѣлорусскихъ и малорусскихъ произведеній.

II. ЗАДАЧИ, ВНОВЬ ПРЕДЛОЖЕННЫЯ.

1.

Исторія мореплаванія у Славянскихъ народовъ до XIII вѣка.

Между многочисленными пробѣлами, которые замѣчаются въ отечественной исторіи, особенно чувствителенъ недостатокъ исторіи русской торговли и связаннаго съ нею плаванія по рѣкамъ и морямъ до Петра Великаго. Восполнить этотъ пробѣлъ — становится одной изъ главныхъ задачъ для всѣхъ понимающихъ тѣсную связь, которая существуетъ между культурною жизнью древней Россіи и расширеніемъ ея торговыхъ сношеній.

Чтобы обратить вниманіе на этотъ предметъ, Академія предлагаетъ задачу объ исторіи мореплаванія у славянскихъ народовъ до XIII-го вѣка. Форма изложенія этой задачи совершенно представляется соискателямъ наградъ.

При разнообразіи и частію при малой извѣстности источниковъ о началѣ славянскаго мореплаванія, точныя ссылки на лѣтописи и другіе документы необходимы.

Сравнительное изученіе мореплаванія славянскихъ народовъ не можетъ не быть плодотворнымъ, особенно при оцѣнкѣ перваго періода его. Вотъ почему не лишнимъ будетъ собраніе и разборъ древнихъ терминовъ, касающихся до морскаго дѣла, общихъ всѣмъ славянамъ или заимствованныхъ въ упомянутый періодъ отъ другихъ народовъ. Кроме того нельзя не желать отъ составителя такой специальной исторіи точнаго изложенія причинъ, по которымъ тотъ или другой славянскій народъ, хотя жившій по большой рѣкѣ или на берегу моря, не успѣлъ ознаменоваться себя морскими предпріятіями какъ для военныхъ, такъ и для торговыхъ цѣлей.

Хотя морскіе набѣги и торговыя предпріятія на морѣ Македонскихъ, Далматинскихъ и Померанскихъ славянъ должны занять видъ

ное мѣсто въ исторіи славянскаго мореплаванія до XIII вѣка, тѣмъ же менѣе необходимо обратить особенное вниманіе на происхожденіе и первоначальное развитіе русскаго мореплаванія на Черномъ, Каспійскомъ и Балтійскомъ моряхъ, при чемъ слѣдуетъ ясно указать обстоятельства, вслѣдствіе которыхъ, уже во время удѣльнаго періода нашей исторіи, мореходное дѣло приходило въ упадокъ еще до нашествія татаръ.

При малочисленности имѣющихся по предмету такого изслѣдованія матеріаловъ, настоящая задача не можетъ, кажется, представить особенныхъ затрудненій.

2.

Комментарій на договоры великихъ князей Кіевскихъ съ Византійскою имперіей.

Давно уже сознано, что договоры 907, 911, 944 и 972 годовъ, дошедшіе до насъ въ славяно-русскомъ переводѣ, и то только по сохранившимся позднимъ спискамъ; представляютъ для изслѣдователей много затрудненій и даже совершенно темныхъ мѣстъ. Одна изъ главныхъ тому причинъ, которыхъ, какъ извѣстно, не мало — та, что переводчики слишкомъ заботились о дословной передачѣ содержанія византійскаго подлинника.

Много уже сдѣлано для объясненія этихъ драгоценныхъ памятниковъ русской старины. Но для полнаго пониманія и систематическаго изложенія содержанія ихъ предстоитъ еще предварительная обработка нѣкоторыхъ отдѣльныхъ болѣе или менѣе темныхъ вопросовъ. Конечно, все это, при современномъ положеніи бытовой исторіи какъ Византіи, такъ и славянскаго племени, не по силамъ одному лицу. Академія же, считая своевременнымъ пригласить изслѣдователей къ критической оцѣнкѣ всего того, что до сихъ поръ уже сдѣлано по этому предмету, предлагаетъ задачу о составленіи филологическаго и историческаго комментарія на помянутые договоры. Но вмѣстѣ съ тѣмъ, не желая стѣснять соискателей особою программой, Академія полагасть однако не лишнимъ указать на нѣкоторыя условія, которыя необходимо имѣть въ виду будущему комментатору договоровъ.

Прежде всего текстъ договоровъ долженъ быть восстановленъ по всѣмъ дошедшимъ до насъ спискамъ, заслуживающимъ вниманія, и раздѣленъ на статьи. Само собою разумѣется, что, при разбросанности трудовъ, касающихся языка и содержанія договоровъ, необходимо сколь возможно полное исчисленіе этихъ предваритель-

ныхъ разысканій въ связи съ критическимъ разборомъ тѣхъ изъ нихъ, которыя способствовали къ научному пониманію договоровъ. Коментарій же долженъ представить краткій сводъ всего того, что до сихъ поръ сдѣлано для объясненія заключающихся въ договорахъ статей или особенно важныхъ терминовъ. Это критическое сравненіе, безъ сомнѣнія, поведетъ комментатора къ новымъ соображеніямъ, но весьма желательно, чтобы онъ при этомъ не пренебрегалъ другими памятниками славяно-русской и византійской письменности, могущими служить новымъ подспорьемъ предмету, тѣмъ болѣе что въ послѣднія двадцать лѣтъ число византійскихъ договорныхъ и другихъ грамотъ значительно увеличилось. Исчерпать этотъ запасъ источниковъ — дѣло времени, но обращеніе паралельныхъ мѣстъ въ договорахъ и подобныхъ памятникахъ значительно облегчитъ задачу будущихъ историковъ произвести переводъ договоровъ на официально-литературномъ языкѣ, бывшемъ въ употребленіи въ Византіи.

Въ концѣ коментарія слѣдуетъ приложить алфавитный указатель словъ и именъ, заключающихся въ договорахъ, съ указаніемъ на мѣсто, гдѣ то или другое изъ нихъ объяснено.

ОТЧЕТЪ

0

ПРИСУЖДЕНІИ НАГРАДЫ ГРАФА УВАРОВА ЗА ДРАМАТИЧЕСКОЕ СОЧИНЕНІЕ,

составленный Ординарнымъ Академикомъ А. В. Никитенко, и читанный въ публичномъ засѣданіи Академіи 25 сентября 1874 года.

Въ настоящемъ году, въ соисканіи Уваровскихъ наградъ участвовало 6 драматическихъ сочиненій. Для разсмотрѣнія ихъ и для постановленія о нихъ приговора, Конференціею Академіи была назначена, согласно правиламъ объ этихъ наградахъ, особая комисія изъ семи членовъ и изъ Непремѣннаго Секретаря Академіи. Эта комисія, ознакомившись съ подлежащими ея суду пьесами, поручила ближайшее ихъ разсмотрѣніе одному изъ своихъ членовъ, который въ засѣданіи комисіи 10 сентября представилъ свое донесеніе о состязавшихся пьесахъ и, выставивъ достоинство и недостатки каждой изъ нихъ, обратилъ особенное вниманіе комисіи на находившуюся въ ихъ числѣ комедію, подъ заглавіемъ: *Разоренное Гнѣздо*.

Эта пьеса была въ числѣ другихъ драматическихъ произведеній представлена въ Академію еще въ декабрѣ мѣсяцѣ 1873гъ авторъ скрылъ свое имя въ запечатанномъ пакетѣ, подъ девизомъ: *To be or not to be*. Когда пьеса находилась уже на разсмотрѣніи, въ майской книжкѣ «Вѣстника Европы» появилась таже пьеса подъ другимъ названіемъ: *Стылая Письма* — и здѣсь уже выставлено имя автора, г. Минаева *).

---

*) Такимъ образомъ, собственно говоря, въ публичномъ засѣданіи 25 сентября уже не настояло бы надобности, по установленному порядку, вскрывать пакетъ съ именемъ автора; но онъ былъ вскрытъ только для повѣрки.

Пьеса задумана по широкому плану. Разоренное Гнѣздо—это семейство одного богатаго помѣщика, Барскаго, проведшаго жизнь, какъ это дѣлають многіе, въ заботахъ о своихъ собственныхъ удовольствіяхъ, а не о воспитаніи и судьбѣ своихъ дѣтей. Вышло то, чему слѣдовало быть—въ семействѣ не оказалось ни здравыхъ понятій о жизни, ни порядка и согласія и взаимности чувствованій между его членами; всѣ пошли врознь и въ концѣ концовъ одряхлѣвшій и немощный глава его, пораженный параличемъ, остался одинокимъ. Не изображеніе однако неудавшагося семейнаго быта съ его драматическими эффектами составляетъ задачу автора: это служить только, такъ сказать, почвою, на которой онъ разработалъ другую, болѣе знаменательную идею, или поводомъ для изображенія другаго болѣе сложнаго состоянія вещей. Планъ его захватываетъ цѣлый слой общественной среды въ данный моментъ ея существованія съ той стороны, гдѣ явленія ея даютъ обильную жатву сатирѣ. Авторъ смѣлою рукою вскрываетъ покровы съ самыхъ разнообразныхъ симптомовъ нравственной несостоятельности и безпорядка, разлада нравовъ, понятій и положеній съ тѣмъ, что должно служить опоркою общества и обезпеченіемъ его прогресса—разлада, созданнаго ходомъ неустановившейся искусственной образованности. Автору нечего было много заботиться о выборѣ матеріаловъ для задуманнаго имъ содержанія: они были на лицо передъ его глазами. Тутъ есть и безнравственность модныхъ женщинъ, извиняющихъ свое дурное поведеніе неудачнымъ бракомъ, тутъ есть матеріализмъ, превращающій чувственныя наслажденія въ основной догматъ жизни, тутъ добываніе разныхъ преимуществъ и выгодъ по службѣ безъ всякихъ заслугъ и уваженія къ общественнымъ интересамъ, тутъ хилый индиферентизмъ и безучастіе ко всѣмъ общепольнымъ дѣламъ, ко всѣмъ высшимъ задачамъ жизни вслѣдствіе неосуществившихся идеаловъ юности и утопическихъ теорій, тутъ пошлая и мелкая игра самолюбій, у людей, считающихъ себя передовыми умами, одержимыхъ духомъ нетерпимости и неуваженія къ умственному достоинству, мнѣніямъ и трудамъ другихъ, у людей, замѣняющихъ правдивую и честную оцѣнку ихъ школьническихъ глумленіемъ, которое выдастся за остроуміе; но тутъ также, есть благородная и просвѣщенная готовность жить и дѣйствовать для общества въ духѣ его новыхъ потребностей, стремлений и интересовъ, готовность, преграждаемая сторонниками противоположныхъ мнѣній и клеветокъ,—словомъ, тутъ есть все, чего бы не должно быть и чего, казалось бы, можно избѣжать, но что

не избѣгается въ текущемъ ходѣ дѣлъ человѣческихъ. Въ виду автора было возбудить не столько негодованіе или презрѣніе правдыми изображеніемъ всѣхъ этихъ аномалій, сколько сожалѣніе о ихъ возможности. Онъ чуждъ личностей, желчи и злобы, онъ объективенъ въ своихъ изображеніяхъ — и это даетъ имъ особенную цѣну. Въ нелогичности всего, что происходитъ между людьми изображаемаго авторомъ момента, чувствуешь присутствіе какой-то неотразимой исторической логики вещей и утѣшаешься мыслью, что все это наносное, несущественное есть временное, что оно пройдетъ и настанетъ лучшая пора жизни обновленной и вызрѣвшей въ тревогахъ и броженіи перерождающейся общественности. Авторъ ясно выражаетъ эту мысль въ словахъ Балкашина на вопросъ его жены:

Гдѣ же люди?

Быть можетъ (отвѣчаетъ онъ), въ колыбели.

У нихъ еще нѣтъ силъ, но племя ихъ растетъ;

Другое поколѣніе придетъ

Къ завѣтной и желанной нашей цѣли.

Вотъ будущее чье! И тамъ, гдѣ видимъ мы

Глубокій мракъ, которымъ жизнь гнетется,

Тамъ солнце лучезарное зажжется

Для поколѣній новыхъ въ царствѣ тьмы,

И ихъ зальетъ потокомъ свѣта.

Да, будущее ихъ, а наша пѣсня свѣта.

Утописты могутъ осуждать послѣднія слова; но Балкашинъ какъ и нѣкоторые другіе изъ дѣятелей, не достигшихъ еще предсмертнаго возраста, могутъ повторять эти слова искренно, не опасаясь за лучшее будущее и не сбѣгая о томъ, что имъ не дано устривать. Довольно, если они честно и разумно пролагали къ нему путь.

Разсматривая пьесу со стороны ея построенія, нельзя не замѣтить, что ей недостаетъ фактическаго единства, или того, что называется узломъ, завязкою драмы, нѣтъ опредѣленнаго, видимаго центра, около котораго группировались бы и къ которому бы тяготѣли дѣйствующія лица. Нельзя же семейный бытъ Барскаго признавать этимъ центромъ, потому что собственно въ этомъ быту, какъ мы замѣтили и выше, не существуетъ господствующаго притягивающаго элемента. И вообще дѣйствующія лица обозначены не стремленіемъ достигать какой-либо опредѣленной цѣли, относящейся къ общему ходу драмы, а выраженіемъ ихъ страстей, ихъ внутренняго настроенія. Это скорѣе галерея портретовъ, замѣчательныхъ

не только по сходству ихъ съ оригиналами, но и по искусной технической отдѣлкѣ, чѣмъ созданіе, имѣющее свое начало, средину и конецъ. Но тѣмъ не менѣе въ драмѣ есть другое, внутреннее единство, единство идеи, въ чемъ, кажется, нельзя сомнѣваться послѣ сказаннаго нами выше. Если мы уподобили произведеніе автора галереѣ портретовъ, то этимъ вовсе не лишаемъ его цѣлости: эти портреты всѣ, такъ сказать, фамильные, между ними есть родственная связь и соотношеніе. При томъ каждый изъ нихъ представленъ въ опредѣленномъ соответственномъ ему дѣйствіи, а не въ холодной и сухой неподвижности и всѣ они вѣрны господствующему тону и духу цѣлаго произведенія.

Отдѣлка этихъ главныхъ характеровъ въ разбираемой нами драмѣ имѣетъ важное художественное значеніе. Оно даетъ ей значительную цѣну, независимо отъ какой бы то ни было остроумно придуманной интриги, или басни. Приведенные нами характеры до того индивидуальны и живы, до того присущи той сторонѣ дѣйствительности, къ которой относятся, до того объективны, что какъ ни мало возбуждаютъ они нравственныхъ симпатій, однако въ художественномъ отношеніи они вполне удовлетворяютъ требованіямъ сатирической драмы.

Мы остановимся на нѣкоторыхъ особенно выдающихся въ пьесѣ лицахъ. Прежде всего на сцену появляется молодая женщина большаго свѣта, Вѣра Сергѣевна, дочь Барскаго. Она замужемъ за княземъ Сарматовымъ, но для нея не существуетъ узъ семейныхъ. Она принадлежитъ къ разряду дамъ высшаго полета, получившихъ воспитаніе, которое придаетъ людямъ извѣстнаго круга лоскъ внѣшней образованности, не дѣлая ихъ лучшими, оставляя умъ ихъ въ пустотѣ, а сердце наполняя одною жаждою роскоши и наслажденія. Въ замужествѣ за человѣкомъ, колеблющимся въ добрѣ, она также не нашла ни руководства, ни примѣра, ни возбужденія къ чемунибудь высшему. Она презираетъ мужа и утопаетъ въ любовныхъ интригахъ. Впрочемъ она не желаетъ обманывать ни мужа и никого; она достигла той степени нравственной испорченности, гдѣ даже не чувствуютъ потребности скрывать порочныя наклонности. Теорій у ней о женскихъ правахъ и свободѣ нѣтъ никакихъ, но на практикѣ она вполне эманципированная женщина. Такія изъ нашихъ женщинъ, прикрываясь еще у себя дома нѣкоторымъ прозрачнымъ покровомъ благопристойности, обыкновенно отправляются за границу, гдѣ ихъ похождения снискиваютъ имъ громкую извѣстность неслыханныхъ куртизанокъ. Она открыто содержитъ при

себѣ любовника, нѣкогого Иваницкаго, на что мужъ смотритъ съ полнѣйшимъ равнодушіемъ. Но неожиданно является новое лицо— умный, благородный Балкашинъ, пылавшій нѣкогда въ первой молодости своей страстной любовью къ Вѣрѣ и презрѣнный тогда ею за его простодушіе и идеализмъ. Но теперь, наскучивши и пресытаясь любовниками безъ сердца, съ одними чувственными побужденіями, она вдругъ, изъ прихоти, для развлеченія, захотѣла вкусить прелесть истинной любви и рѣшилась во что бы то ни стало завладѣть сердцемъ прежняго своего поклонника, котораго она такъ жестоко отъ себя оттолкнула. Но время образумило Балкашина, а поведеніе ея поселило въ немъ глубокое къ ней отвращеніе, несмотря на ея все еще цвѣтущую красоту. При томъ же онъ полюбилъ сестру, милую и чистую дѣвушку Любочку. Отвергнутая Балкашиннымъ, она рѣшилась помѣшать его женитьбѣ на сестрѣ, употребляя для этого даже клевету на него передъ слабодушнымъ отцомъ Барскимъ. Въ характерѣ этого Барскаго есть много комическаго. Это добрая, но въ высшей степени слабая натура. Не способный ни на какое дѣло, требующее воли и рѣшимости, онъ вполнѣ зависитъ отъ окружающихъ его и между прочимъ отъ своего стараго слуги, присматривающаго за нимъ за каждымъ шагомъ, какъ за ребенкомъ, за его особою и деньгами, которыя баринъ готовъ тратить и на добро и на пустяки, безъ счету. У него двѣ дочери, Вѣра и Любочка, да кромѣ ихъ—сынъ, безпутный, ни на что не годный малый, вѣчно просящій у отца денегъ, проматывающій ихъ и готовый разорить его въ конецъ. Старикъ имѣетъ претензію сочувствовать новымъ идеямъ; но трусливый до смѣшнаго, боится безпрестанно промолвиться какимъ нибудь неосторожнымъ словомъ. Въ молодости онъ дѣйствительно самымъ невиннымъ образомъ игралъ, такъ сказать, *по маленькой въ либерализмъ*, но за то ему казалось и теперь кажется, что за нимъ безпрестанно слѣдятъ шпионы и жандармы, готовые предать его въ руки правосудія. Балкашинъ, о которомъ сказано выше, проситъ руки его младшей дочери и онъ не прочь дать свое согласіе; но Вѣра настраиваетъ его такъ противъ молодаго человѣка, будто отъявленнаго и рьянаго либерала и уже отмѣченнаго въ этомъ характерѣ властями, что старикъ, страшно испуганный, отказываетъ ему. Это однако не помѣшало Балкашину и Любочкѣ тайно перевѣнчаться, и отецъ больше удивленный, чѣмъ разгнѣванный, по слабости своего характера, легко склоняется на прощеніе. Раздраженная неудачею своего злаго замысла противъ сестры и ея жениха, Вѣра уѣзжаетъ за границу съ какимъ то но-

вымъ любовникомъ. Потомъ опять на короткое время возвращается, чтобы уже навсегда бросить мужа, къ удовольствію его и къ ужасу отца своего. Зять его, Балкашинъ, тоже послѣ неудавшагося намѣренія быть общественнымъ дѣятелемъ, съ женою оставляетъ его, также уѣзжая изъ столицы, а въ заключеніе ему объявляютъ, что сынъ его уличенъ въ поддѣлкѣ векселей и это, какъ мы сказали выше, окончательно разрушаетъ семейный очагъ жалкаго старика.

Но вотъ особенно выдающаяся личность, занимающая одно изъ главныхъ, если не главное мѣсто въ драмѣ — князь Сарматовъ. Это человѣкъ съ замѣчательными способностями и образованіемъ, какое мы находимъ у многихъ такъ называемыхъ образованныхъ или интеллигентныхъ людей нашего времени, достаточнымъ для того, чтобы они въ состояніи были говорить много и хорошо о всѣхъ предметахъ, и даже предметахъ важныхъ, и вовсе недостаточнымъ, чтобы они могли дѣйствовать хорошо. Въ юности онъ увлекался до излишества новыми идеями, безъ разбора, что изъ нихъ вѣрно и пригодно обществу и что вовсе и непримѣнимо и неразумно; онъ могъ бы трудиться съ пользою для общества, чего по видимому и желалъ; но какъ для труда нужно постоянство, мужество, разсудительность и какъ у князя Сарматова ничего этого не оказалось, то онъ рѣшился ничего не дѣлать подѣ предлогомъ, что ничего и сдѣлать хорошаго, т. е. хорошаго съ его точки зрѣнія, нельзя, а остается только смотрѣть на все равнодушно, и въ этомъ эгоистическомъ скептицизмѣ осмѣивать все и всѣхъ, къ чему независимо отъ природнаго расположенія, онъ одаренъ и достаточною долею остроумія. Въ нѣкоторыхъ его выходкахъ можно встрѣтить какъ бы нѣчто напоминающее Чацкаго; но Чацкій сердитъ, желченъ, князь же Сарматовъ всегда веселъ, спокоенъ и какъ то добродушно насмѣшливъ. Даже надъ измѣной жены онъ шутитъ, считая это обычнымъ явленіемъ свѣта, и не сердится. Въ одной сценѣ только, послѣ оправдательнаго объясненія своей жены, почему она сдѣлалась такою, какъ есть, онъ съ нѣкоторою серьезностью сознается въ неправости своего поведения, когда не оказывалъ должнаго уваженія къ потребностямъ ея сердца и нѣкоторымъ образомъ самъ содѣйствовалъ ея паденію:

Пилюлю проглоти и молча носъ повѣсь,

(говорить онъ)

Рѣшеніемъ однимъ неумолимымъ

Изъ обвинителей я самъ сталъ подсудимымъ.

И даже свисхожденія лишень;
Но отвергать я правды не могу же!
Поставьте насъ на мѣсто нашихъ женъ,
Мы были бы, пожалуй, вдвое хуже.

Обращаясь еще къ мнимому сходству Сарматова съ Чацкимъ, нельзя не видѣть, что воззрѣніе перваго обнимаетъ горизонтъ гораздо обширнѣе, чѣмъ послѣдняго. Одинъ рисуетъ темныя стороны московскаго общества, другой касается разныхъ сторонъ всего современнаго общества, — и какъ онъ самъ есть прямое олицетвореніе нравственной и умственной несостоятельности въ немъ многихъ, то это придаетъ особенную полноту и dokonченность картинѣ.

Сарматову авторъ удѣляетъ наибольшую долю значенія въ своей пьесѣ. Онъ принадлежитъ къ тѣмъ замѣчательнымъ лицамъ нашего времени, которыя, не умѣвъ справиться ни съ жизнью, ни съ идеями, желая однако сохранить видъ нѣкотораго превосходства надъ другими, въ глумленіи, составляющемъ, какъ извѣстно, завѣтную черту неудавшихся претензій, находятъ отраду и вознагражденіе себѣ за безуспѣшные опыты возвыситься въ общемъ мнѣніи.

Остальныя изъ дѣйствующихъ лицъ принадлежать къ другой, низшей сферѣ, которую авторъ находитъ въ одномъ изъ медицинскихъ заведеній, куда собираются больные лечиться кумысомъ. Таковы напримѣръ дамы съ привычками провинціальныхъ барынь и претензіями играть видную роль въ обществѣ. Нѣкто Поярковъ, промотавшійся господинъ, не унывающий ни отъ чего и находящій замѣну всѣхъ благъ въ винѣ. Характеристика этихъ лицъ служитъ какъ бы дополненіемъ къ изображенію той среды, на которую авторъ привлекаетъ все вниманіе читателей или зрителей. Хотя живость и естественность въ изображеніи характеровъ этихъ лицъ не противорѣчитъ духу и основной идеѣ пьесы и не ослабляетъ общаго впечатлѣнія, производимаго ею, однако все таки это составляетъ излишекъ въ ней, который можно было бы избѣжать.

Особенное вниманіе въ разбираемой нами пьесѣ долженъ обратить на себя языкъ. Она написана стихами и отличается такимъ безыскусственнымъ изяществомъ рѣчи, какое рѣдко мы находимъ у нашихъ драматическихъ писателей. Вообще діалогическая часть ведена авторомъ превосходно. Въ тонѣ разговаривающихъ лицъ, въ репликахъ, вездѣ выдержанъ ихъ характеръ, вездѣ видно живое слово, возбужденное самимъ дѣйствіемъ и отношеніями лицъ; ничего нѣтъ натянутого, нѣтъ никакихъ ненужныхъ длиннотъ

все развивается легко, быстро, непринужденно. Во всемъ видѣнь художественный тактъ автора, вполне понимающаго требованіе простоты и естественности, безъ потворства притязаніямъ грубаго и односторонняго литературнаго реализма.

Само собою разумѣется, въ разбираемой нами пьесѣ есть недостатки; мы ихъ и указали. Можно еще упомянуть о нѣсколькихъ, впрочемъ весьма немногихъ неудачныхъ стихахъ, производящихъ непріятное впечатлѣніе. Они легко могутъ быть исправлены авторомъ, который такъ блистательно владѣетъ перомъ. Но если достиженіе степени безусловнаго достоинства во всякомъ произведеніи литературы, особенно въ драмѣ, есть идеаль едва ли выполнимый, то было бы несправедливо не одобрить произведенія, которое вмѣстѣ съ недостатками, представляетъ замѣчательныя красоты въ главныхъ своихъ чертахъ и изобличаетъ въ авторѣ несомнѣнный талантъ.

Одна изъ самыхъ трудныхъ задачъ драматическаго произведенія есть художественная обработка характеровъ — особенно главныхъ; здѣсь требуется: ихъ естественность, индивидуализмъ и выдержанность, а такими именно качествами отличается пьеса: *Разоренное Гнѣздо*. Чрезвычайно также важно еще одно условіе — драматизмъ, такъ сказать, языка, т. е. соотвѣтствіе характеру и положенію лицъ, легкость въ изображеніи оттѣнковъ, чувствованій ихъ и страстей и живость, близкая къ живой рѣчи простаго разговора и общества. И это мы находимъ также въ названной нами пьесѣ.

Въ уваженіе всѣхъ вышеизложенныхъ причинъ пьеса эта, по мнѣнію рецензента, имѣетъ право на присвоеніе ей Уваровской преміи.

Комисія, назначенная для разсмотрѣнія драматическихъ сочиненій, представленныхъ на конкурсъ для соисканія Уваровскихъ премій, по выслушаніи представленнаго членомъ ея, разсматривавшимъ пьесу по порученію комисіи, донесенія и по прочтеніи другими членами драмы: *Разоренное Гнѣздо*, на основаніи Положенія объ этихъ преміяхъ, опредѣлила приступить къ балотировкѣ. По ней оказалось, изъ семи членовъ, составляющихъ комисію, шесть голосовъ въ пользу упомянутаго сочиненія и одинъ противъ; вслѣдствіе чего комисія и присудила автору комедіи: *Разоренное Гнѣздо* Уваровскую премію.

I.

«Исторія возсоединенія западно-русскихъ униатовъ старыхъ временъ».
Соч. М. О. Кояловича. Сиб. 1873 г.

Рецензія А. Н. Попова.

«Мысль объ *уничтоженіи* униі не принадлежитъ какъ новостъ ни времени Павла, ни времени Екатерины. Она носилась надъ униєю во все время ея историческаго развитія и, можно сказать, *родилась* вмѣстѣ съ нею. Въ какую сторону направится это уничтоженіе: въ русскую-ли православную, или въ польскую латинскую, это зависило всегда отъ преобладанія въ данное время русской или польской силы, народной въ исключительныя времена и интеллигентной — въ обычныя времена». Такою общюю и совершенно вѣрною мыслью оканчивается, какъ послѣднимъ выводомъ, М. О. Кояловичъ разсматриваемое нами сочиненіе. Но униа, совершившаяся три столѣтія тому назадъ, принадлежитъ къ числу такихъ историческихъ явленій, которыя вовсе не отошли еще въ область прошедшаго и не сдѣлались полнымъ достояньемъ исторіи. Она существуетъ до сихъ поръ и составляетъ подъ часъ жгучій вопросъ въ жизни, какъ это было недавно въ Холмской епархіи бывшаго царства Польскаго. Возможно-ли, нѣсколько столѣтій продолжающееся и еще до сихъ поръ неоконченное, существованіе для такого явленья, которое съ самаго *рожденья* носило въ самомъ себѣ свое *уничтоженье*? Если такое долговременное существованіе униі не опровергаетъ справедливости выраженной мысли, то во всякомъ случаѣ требуетъ ея объясненья.

I.

Западно-русская церковная униа существенно различается отъ тѣхъ попытокъ къ соединенію церквей, восточной и западной, которыя происходили на совѣщаньяхъ въ Лионѣ (1274) и Флоренціи

(1440 г.). Эти совѣщанья предшествовали учрежденію ордена Іезуитовъ; а Литовская унія была его твореніемъ. Съ первыхъ временъ отдѣленія западнаго патріархата отъ единства вселенской церкви, въ немъ выражался уже духъ іезуитизма, какъ естественное послѣдствіе той особенности его характера, которая составляетъ основное начало всего историческаго развитія Римской церкви, т. е. слиянія духовной власти съ свѣтскою и постепеннаго превращенія христіанской церкви въ церковное государство. Но остатки преданій первобытной, нераздѣленной церкви еще были сильны и сдерживали стремленія Римской куріи, воплощавшей въ себѣ не средоточіе латинской церкви; но именно тѣхъ государственныхъ началъ, которыя обуяли патріарховъ запада въ качествѣ свѣтскихъ государей. Въ то время папа не позволилъ себѣ причислить къ области своей церкви Россію, хотя митрополитъ Исидоръ и подписалъ актъ соединенія восточной церкви съ западною во Флоренціи, конечно потому, что Россія не приняла его въ свою среду и изгнала, какъ измѣнника. Между тѣмъ онъ именно такъ поступилъ въ отношеніи къ западно-русской церковной уніи, устроенной іезуитами, сосредоточившими въ своемъ орденѣ всѣ существенныя начала Римскаго церковнаго государства и сдѣлавшимися могущественнымъ орудіемъ его политики.

Два епископа западно-русской православной церкви, тайно пробравшись въ Римъ, представили подложный актъ, за подписью ихъ, еще третьяго епископа и митрополита Кіевскаго, въ которомъ изъявляли готовность подчинить папѣ восточную церковь, находившуюся въ предѣлахъ Польскаго королевства. Однакоже они просили, чтобы «таинство св. причастія, какъ они доселѣ употребляли подъ двумя видами, хлѣба и вина, всецѣло и ненарушимо соблюдаемо было; а равно и совершеніе таинства св. крещенія оставалось бы безъ всякой перемѣны и прибавленій». Они просили не принуждать ихъ къ исполненію особенныхъ обрядовъ Римско-католической церкви, на примѣръ къ совершенію крестнаго хода въ праздникъ тѣла Христова, освященію огня передъ праздникомъ Пасхи и т. под.; а напротивъ «не лишать ихъ употребленія церемоній, обрядовъ и обычаевъ греческой церкви, которые они исполняютъ, оставить супружество священниковъ и не посылать въ Римъ епископовъ за подтвердительными грамотами на епископской санъ». Папа исполнилъ повидимому желанія западно-русскихъ епископовъ, «дозволивъ и снисходительно допустивъ», чтобы въ уніи соблюдались какъ при совершеніи литургіи и другихъ таинствъ, такъ и

во всѣхъ церковныхъ службахъ, обычая и обряды восточной церкви — «въ той мѣрѣ, въ какой они согласны съ истиною и учениемъ Римской церкви и не препятствуютъ соединенію съ нею». Чтобы понять значеніе этой оговорки, нужно только прочесть ту присягу, которую произнесли западно-русскіе епископы при торжественномъ присоединеніи къ Латинской церкви. Въ этой присягѣ съ особенною тщательностію были перечислены всѣ особенности латинскаго исповѣданія, отличавшія его отъ восточной церкви, какъ въ отношеніи къ ученію, такъ и обрядамъ, указано на постановленія Флорентинскаго собора и Тридентинскаго, названнаго *вселенскимъ*. Принимая ученіе, изложенное въ правилахъ этихъ сборовъ, епископы клялись, что «одобряютъ и принимаютъ также всѣ утвержденныя латинскою церковью *обряды* въ совершеніи таинства»¹⁾.

Такимъ образомъ при самомъ основаніи уніи совершился обманъ. Присягавшіе Риму епископы вполнѣ приняли латинство; а между тѣмъ, не смѣя признаться въ этомъ ни передъ духовенствомъ, ни передъ мірянами своей церкви и скрываясь за оговорку о восточныхъ обрядахъ, выраженную въ папской буллѣ, содѣйствовали распространенію того мнѣнія, будто уніатская церковь составляетъ самостоятельное явленіе, которое можетъ существовать, не сливаясь вполнѣ ни съ восточною, ни съ западною церквами. Этотъ первоначальный обманъ послужилъ исходною точкою всей послѣдующей двусмысленной политики Римскаго двора въ отношеніи къ уніи. Съ одной стороны его нунція, постоянно руководившіе дѣйствіями латинскаго духовенства въ Польшѣ, и вмѣстѣ съ нимъ правительство рѣчи посполитой усиленно привлекали уніатовъ къ латинству, превращали православное монашество въ базилианской ордень латинской церкви съ исключительнымъ подчиненіемъ папѣ, замѣняли обряды восточной церкви западными и наконецъ на Замойскомъ соборѣ (1720 г.) ввели въ уніатское богослуженіе «такія измѣненія и искаженія, которыя совершенно отдалили ее отъ древней обрядности православной и приблизили къ обрядамъ и обычаямъ латинской церкви во всѣхъ, самыхъ существенныхъ ея требованіяхъ и постановленіяхъ»²⁾. Съ другой сто-

¹⁾ Theiner. Die neuesten Zustände der katholischen Kirche in Polen und Russland. Documente № III, IV u. V. Бантышъ-Каменскій. Историч. извѣстіе объ Уніи, стр. 42 и слѣд.

²⁾ А. О. Хойницкій. Западно-русская церковная унія въ ея богослуженіи и обрядахъ. Кіевъ, 1871 г. гл. 1.

роны, не порицая дѣйствій своихъ нунціевъ, благословляя апбстольскую ревность Польскаго духовенства и правительства, утверждая постановленія Замойцкаго собора, папы издавали рядъ буллъ, въ которыхъ выражали готовность обезпечить самостоятельное существованіе уніи и даже запрещали переходъ уніатовъ въ латинство ¹⁾).

Къ этому обстоятельству, опредѣлявшему характеръ уніи, присоединялось и другое, имѣвшее не менѣе важное вліяніе на дальнѣйшія ея судьбы. Актъ присоединенія къ Римской церкви былъ подписанъ четырьмя епископами, изъ которыхъ двое немедленно отказались отъ своихъ подписей. Возвратившіеся изъ Рима епископы были приняты враждебно, слухъ объ уніи взволновалъ западно-русскій народъ; но, не смотря на то, они, пользуясь покровительствомъ польскаго правительства, уговорили митрополита Михаила Рагозу торжественно объявить унію. Назначенъ былъ соборъ въ Брестѣ Литовскомъ (6 окт. 1596 г.), на который собрались православные и защитники уніи. Но, видя незначительное количество послѣднихъ и огромное большинство первыхъ, митрополитъ уклонился отъ открытія собора и безъ участія православныхъ духовенства и мірянъ составилъ актъ на имя папы о принятіи уніи, подписанный немногими изъ его единомышленниковъ. Между тѣмъ православные, духовные, въ числѣ которыхъ находился протосингелъ Константинопольскаго патріарха, и міряне, постановили: лишить сана всѣхъ тѣхъ духовныхъ лицъ, которыя согласились на унію съ Римомъ, и никакихъ не предпринимать перемѣнъ въ вѣрѣ, безъ вѣдома и согласія Константинопольскаго патріарха. Римъ очень хорошо зналъ, что верховнымъ пастыремъ западно-русской церкви былъ этотъ патріархъ, а не митрополитъ Кіевской; но онъ удовольствовался подписью послѣдняго съ немногими соумышленниками и, не смотря на общій протестъ собравшихся въ Брестѣ православныхъ, счелъ дѣло соединенія съ Римомъ западно-русской восточной церкви оконченнымъ и присоединилъ ее къ своей области, основываясь на томъ правилѣ, что *паства должна безмолвно и работливо слѣдовать за своими пастырями*.

Но если-бы она не захотѣла слѣдовать за ними? Въ такомъ случаѣ свѣтское правительство Польскаго королевства должно было ее принудить къ тому мѣрами *насилія*, считая подобное непослушаніе бунтомъ и мятежемъ, который слѣдуетъ усмирять ору-

---

¹⁾ Буллы Климента VIII, Янв. 10, 1595 г. *Magnus dominus*; Бенедикта XIV, 24 Дек. 1743 г. *Demandalam coelitis*; 2-го мая 1744, *Inter plures* и др. буллы.

жіемъ и казнями. Этимъ правиломъ и руководилась неуклонно Польша въ отношеніи къ православнымъ своимъ подданнымъ восточнаго исповѣданія во все время своего самостоятельнаго существованія.

Такимъ образомъ во главу угла, созданнаго іезуитами зданія западно-русской церковной уніи, которую они сами называли только *мостомъ* для перехода къ латинству, положены были обманъ и насиліе. Безъ сомнѣнія, такое зданіе не могло быть прочнымъ, и въ самомъ себѣ, со дня сооруженія, носило свое *уничтоженіе*. Вся исторія этой уніи представляетъ постепенное ея разложеніе и уничтоженіе. Но ходъ этой исторіи и ея продолжительность зависли не отъ самой уніатской церкви, неимѣвшей никакихъ самостоятельныхъ основъ, но отъ взаимныхъ отношеній между тѣми двумя историческими силами, которыя стояли, такъ сказать, по обѣимъ ея сторонамъ, съ востока и запада, латинствомъ и православіемъ, папами и Россією.

Первый періодъ исторіи уніи, періодъ постепеннаго ея распространенія мѣрами соблазна внѣшними правами и преимуществами, даваемыми польскимъ правительствомъ ея исповѣдникамъ, и мѣрами жестокихъ насилій, естественно заключился возстаніемъ всего малороссійскаго народа подъ предводительствомъ Богдана Хмѣльницкаго и присоединеніемъ большой части Малороссіи къ Московскому государству. Это важное происшествіе было первымъ шагомъ къ уничтоженію уніи. Въ той части Малороссіи, которая была присоединена къ великой Россіи, она мгновенно исчезла безъ слѣдовъ, какъ будто бы вовсе тамъ не существовала. Но это происшествіе было въ тоже время и первымъ шагомъ къ уничтоженію того орудія, которое избралъ Римъ для насильственнаго обращенія посредствомъ уніи въ латинство русскаго народа, т. е. королевства Польскаго. Послѣдующіе раздѣлы Польши были только продолженіемъ дѣла, начатаго Малороссією и вызваннаго дѣйствіями самой Польши, и составляли необходимое его послѣдствіе.

Второй періодъ въ исторіи уніи, начавшійся съ отдѣленія отъ Польши восточной заднѣпровской части Малороссіи съ г. Киевомъ и окончившійся съ возшествіемъ на русскій престолъ императрицы Екатерины II-й, сохраняя общія начала, выразившіяся въ первомъ, отличается однакоже и нѣкоторыми особенностями.

Въ мирномъ договорѣ, заключенномъ между Россією и Польшою въ 1686 г., постановлено, что Польскій король «церквямъ Божіимъ и епископіамъ: Лудкой, Галицкой, Перемышлской, Львовской,

Бѣлороссійской и при нихъ монастырямъ, архимандріямъ: Виленской, Минской, Полоцкой, Оршанской и инымъ игуменствамъ, братствамъ, въ которыхъ обрѣталось и нынѣ обрѣтается употребленіе благочестивой Греко-россійской вѣры, и всѣмъ тамъ живущимъ людямъ, въ коронѣ Польской и въ великомъ княжествѣ Литовскомъ, въ той-же вѣрѣ остающимся, никакого угѣсненія и къ вѣрѣ Римской и къ униіи принужденія чинить не велить и быти то не имѣеть; но, по даннымъ правамъ, во всякихъ свободахъ и вольностяхъ церковныхъ будетъ блюсти и вышепомянутымъ епископамъ, въ коронѣ Польской и въ великомъ княжествѣ Литовскомъ пребывающимъ, по духовному ихъ чину и обыкновенію довелось принимать благословеніе и рукоположеніе отъ Кіевскаго митрополита и то никому изъ нихъ власти его королевскаго величества вредити не имѣють. И сію статью (IX-ю) подтвердить на сеймѣ и напечатать въ конституцію». Эта важная статья международнаго договора давала русскому правительству не только право *ходатайствовать* за угнетаемыхъ въ Польшѣ своихъ единовѣрцевъ, ея подданныхъ; но *требовать*, чтобы ея ходатайство было исполнено, возлагая обязанность на Польскаго короля предоставить имъ полную свободу въ дѣлахъ вѣры и не привлекать ихъ ни къ Римской церкви, ни къ униіи. Но она находилась въ полномъ противорѣчій съ требованіями папъ, приславшихъ польскимъ королямъ освященные знамя и мечъ для истребленія еретиковъ, и съ латинскимъ фанатизмомъ польскаго духовенства, пановъ и шляхты. Долго не рѣшались Поляки внести этотъ договоръ съ Россією въ конституціи королевства и внесла только въ 1710 г., уступая силѣ обстоятельствъ и настояніямъ русскаго двора ¹⁾. Не менѣе латинскаго ихъ фанатизма уязвляло ихъ гордость то условіе договора, по которому высшее управленіе православною церковью въ предѣлахъ Польскаго королевства сосредоточивалась въ рукахъ русскаго, Кіевскаго митрополита. Онъ рукополагалъ епископовъ, и отъ него зависели всѣ церковныя власти. При такомъ положеніи дѣлъ, при дѣятельномъ покровительствѣ русской политики, латинская пропаганда могла бы лишиться одного изъ могучихъ орудій для успѣха своихъ дѣйствій: соблазномъ временныхъ благъ привлекать въ унию лицъ православнаго духовенства, занимавшихъ высшія мѣста іерархіи или замѣщать ихъ уже готовыми, тайными униатами.

Такимъ образомъ Московскій договоръ 1686 г. задагъ тяжелую

---

¹⁾ Volumina legum. изд. 1860. Спб. т. VI, стр. 73 и слѣд.

задачу для разрѣшенія Польшѣ, задачу — на жизнь и смерть. Ей оставалось рѣшиться на одно изъ двухъ: или отказаться отъ латинскаго фанатизма и добросовѣстно и рѣшительно признать начала вѣротерпимости христіанскихъ исповѣданій, или истребить совершенно восточную церковь въ предѣлахъ Польскаго королевства, привлечь неумолимымъ насиліемъ всѣхъ ея исповѣдниковъ къ униі и тѣмъ отнять предлогъ къ вмѣшательству за своихъ единовѣрцевъ у Русскаго двора. Рѣшившись внести этотъ договоръ въ свои конституціи и такимъ образомъ придать вмѣшательству и значеніе внутренняго закона страны, Польша какъ бы показывала, что намѣревается измѣнить свою политику въ отношеніи иновѣрцевъ. Таково и было желаніе нѣкоторыхъ изъ Поляковъ, понявшихъ наконецъ, что Римскій дворъ ведетъ Польшу въ неминуемой гибели. Но голоса немногихъ заглушались общимъ фанатизмомъ Польши, и она рѣшилась во что бы то ни стало присоединить всѣхъ своихъ поданныхъ православнаго исповѣданія не только къ униі, но и къ латинской церкви. Именно съ этого времени ходилъ тайно по рукамъ въ Польшѣ «проектъ ¹⁾ объ уничтоженіи православной и униатской вѣры въ русскихъ областяхъ, подвластныхъ Польшѣ», составленный совершенно въ томъ же духѣ, какъ въ 1863 г. сдѣлавшійся извѣстнымъ пресловутый «Польскій катихизисъ». Дѣйствительно, къ такимъ мѣрамъ и приступило Польское правительство; но онѣ развились до послѣдней степени жестокости только во вторую половину этого періода въ исторіи униі, т. е. въ послѣдніе годы царствованія Петра Великаго, и продолжалась до вступленія на престолъ Екатерины II-й. Въ первую половину напротивъ «униа находилась въ великомъ униженіи и даже страхъ за свое существованіе», говоритъ авторъ разсматриваемаго нами сочиненія. «Особенно могущественно дѣйствовалъ на народъ и на униатское духовенство Кіевъ. На пространствѣ большей половины 18 столѣтія, раздавались многочисленныя и нерѣдко отчаянныя вопли, что Кіевъ губить унию, что ничего нельзя сдѣлать съ привязанностію малороссовъ къ Кіеву и съ тѣми впечатленіями, которыя они оттуда выносятъ, и что особенно возмущало униатскія власти, многіе униатскіе священники посылаютъ своихъ дѣтей воспитываться въ Кіевъ... По жалобамъ униатовъ Поляки затрудняли пропускъ православныхъ, отправлявшихся за Днѣпръ; но эта

---

¹⁾ Документы, объясняющіе исторію западно-русскаго края. Спб. 1865 № XXIII.

мѣра не могла быть дѣйствительною. У Поляковъ было слишкомъ мало средствъ устроить хорошую стражу на такой длинной границѣ; притомъ Кіевъ и вообще восточная Малороссія не только оживляли православіе въ приходившихъ къ нимъ изъ западной Малороссіи, но и отъ себя постоянно высылали туда людей». Такое общеніе между Кіевомъ и православными, находившимися въ предѣлахъ Польскаго королевства было естественнымъ послѣдствіемъ ихъ подчиненія въ іерархическомъ отношеніи Кіевскому митрополиту. Страхъ, возбужденный въ Полякахъ возстаніемъ Малороссіи и присоединеніемъ восточной ея части къ Россіи, обуздывалъ нѣкоторое время ихъ ревность къ искорененію православія и въ это-то время оно не только поддерживало свое существованье, но начало распространяться чрезъ постепенное присоединіе бывшихъ православныхъ и насильственно причисленныхъ къ униі. Этому движенію способствовало слѣдующее обстоятельство. Послѣ возстанія Малороссіи, западная ея половина, опустошенная войною, еще болѣе обезлюдѣла въ слѣдствіе переселенія многочисленныхъ ея жителей въ Малороссію восточную, присоединившуюся къ Россіи. «Польскіе паны, заселяя эти пустыни малороссійскія, имѣли обыкновеніе давать сначала поселившемуся народу значительныя льготы. Въ числѣ этихъ льготъ важнѣйшею въ глазахъ народа было дозволеніе исповѣдывать православную вѣру. Такого обыкновенья держались знатнѣйшіе паны Украйны, какъ Яблоновскіе, Любомірскіе, Потоцкіе. Эта льгота побуждала съ одной стороны многихъ изъ переселившихся съ запада униатовъ сбрасывать иго униі и объявлять себя православными, съ другой — они располагали многихъ малороссовъ, выселившихся на восточную сторону Днѣпра, возвращаться назадъ. Эти переселенцы основывали приходы, строили церкви и добывали себѣ священниковъ то изъ Валахій, то еще чаще изъ Кіева и Переяславля южнаго». Личныя ли выгоды, или пережѣна въ образѣ мыслей этихъ пановъ были причиною того, что они защищали отъ угнетенія униатовъ поселившихся на ихъ земляхъ православныхъ крестьянъ; но ихъ защита оказывала важное вліяніе на успѣхи православія и скрѣпляла духовныя связи западной Малороссіи съ Кіевомъ. «Многіе изъ переселившихся на восточную сторону Днѣпра возвращались назадъ и поселялись тамъ, гдѣ больше было льготы. Многіе изъ духовныхъ православныхъ тоже шли за ними; униаты сильно жаловались, что выходцы изъ Россіи губятъ унию. Эти выходцы, можно сказать, устроили на западной сторонѣ Днѣпра свою сторожевую линію для охраны и

оживленія православія. По этому берегу, южиѣ Кіева и особенно противъ Переяславля, въ лѣсахъ былъ рядъ монастырей, въ которыхъ народъ западной Малороссіи находилъ удовлетвореніе своимъ духовнымъ потребностямъ, когда не могъ идти за Днѣпръ, и въ которыхъ утверждались прежде всего проповѣдники православія и переселенцы, выходившіе въ западную Малороссію изъ-за Днѣпра. Послѣдствіемъ всѣхъ этихъ обстоятельствъ было такое сильное оживленіе православія въ западной Малороссіи, что передъ ними преклонилось обычное противодѣйствіе православію польскихъ пановъ Украйны, а униаты пришли въ отчаяніе». Безъ сомнѣнія, этому оживленію православія способствовало и то, что во главѣ движенія стояли такіе замѣчательныя личности, твердыя духомъ и неутомимо дѣятельныя, какъ Георгій Конискій, епископъ Могилевскій, «апостольскій трудникъ», какъ называли его Малороссы, Гервасій Линцевскій, рукоположенный въ Петербургѣ въ 1757 г. въ епископы Переяславля и викарія Кіевского митрополита, и Мельхеседекъ Яворскій, игуменъ Мотренинскаго монастыря, находившагося въ Чигиринской области, неподалеку отъ Жаботина, и сдѣлавшагося подъ его управленіемъ средоточіемъ православнаго движенія въ Малороссіи. «Онъ единогласно былъ избранъ братією въ игумены, народъ берегъ его какъ зеницу ока, и онъ умѣлъ свискать вниманье и уваженіе всѣхъ пановъ, *ладившихъ съ народомъ*», говоритъ М. О. Кояловичъ; но за то былъ страшно гонимъ и оклеветанъ Польскимъ правительствомъ.

Такое оживленіе движенія въ средѣ православныхъ подданныхъ Польскаго королевства естественно возбуждало опасенія и жалобы со стороны западно-русскихъ униатовъ, ожесточенье латинянъ и усиленныя преслѣдованія православныхъ. Оставляя на нѣкоторое время въ покоѣ часть Малороссіи, прилегавшую къ русскимъ границамъ, гоненіе поднято было въ другихъ областяхъ Польши, населенныхъ русскимъ народомъ и особенно въ Бѣлорусіи. Георгій Конискій непрерывно, одно за другимъ, посылалъ извѣстія о неистовствахъ униатовъ и Поляковъ и просилъ о заступничествѣ Русское правительство. Всѣ эти извѣстія сообщались нашимъ посланникамъ при Польскомъ дворѣ съ порученіемъ настоятельно требовать отъ Польскаго правительства исполненія условія Московскаго договора, внесеннаго въ конституціи самого Польскаго королевства. Но эти требованья не имѣли никакого успѣха и способствовали только къ большему усилению гоненій. Изъ четырехъ православныхъ епархій, признанныхъ Польскимъ правительствомъ

по Московскому договору, къ половинѣ 18 столѣтія осталась только одна Бѣлорусская. «Въ западной Малороссіи опасно было вводить унию прямо, потому, что изъ за этого народъ поднималъ возстаніе; Поляки придумали особенную мѣру. Они тайно увлекли въ униі епископовъ этой области, Львовскаго и Луцкаго, и заставили народъ подчиняться имъ по прежнему. Въ началѣ 18 столѣтія Львовскій епископъ Іосифъ Шумлянскій и Луцкій Діонисій Жабокритскій сняли маску и объявили себя униатами. Польскіе паны, не обращая вниманія на эту перемѣну, по прежнему настаивали, чтобы народъ подчинился имъ». Мало того, когда униатскій епископъ Жабокритскій въ 1711 г., по приказанію Петра Великаго, былъ сосланъ въ Россію, а назначенный на его мѣсто Кириллъ Шумлянскій не хотѣлъ принять униі, то волынскіе паны не пустили его въ епархію — «а приказали Луцкой паствѣ обращаться къ Холмскому униатскому епископу. Благодаря этимъ хитростямъ и панскому гнету на народъ, многіе православные на Волыни и Подоліи привыкли къ духовной униатской власти и къ названію себя униатами. Въ тридцатыхъ годахъ 18 столѣтія униатскихъ приходоѡ въ западной Малороссіи считалось 150; но съ этого времени униі начинается быстрѣе и быстрѣе подвигаться на юго-востокъ, въ глубь Украйны. Тогда особенно успѣшно заселялись пустынные мѣста этой страны. За переселенцами изъ униатскихъ областей подвигалась и униатская іерархія. Польскіе паны основывали приходы, униатскія власти утверждали это (такъ называемыя ерекціи), освящали церкви, назначали священниковъ. Въ половинѣ 18 столѣтія въ западной Малороссіи считалось уже до 800 приходоѡ, а къ 1764 г. до 2000. Въ это время въ западную Малороссію, именно въ Радомысль, была перенесена митрополичья униатская кафедра, соединявшаяся передъ тѣмъ съ Полоцкою архіепископскою кафедрою. Сами униаты называли это время цвѣтущимъ временемъ униі, и это мнѣніе вполне подтверждается тогдашними взглядами на унию латинянъ. Они считали дѣло униі поконченнымъ, стали обращать въ латинство сотни приходоѡ, обсуждали какъ бы совсѣмъ уничтожить унию и даже склоняли уже на это правительство папы». Дѣйствительно въ это время собирались уже Поляки покончить дѣло униі и мѣры насилія перенесли въ ту страну Малороссіи, гдѣ было укрѣпилось и начало развиваться православное движеніе. Они наложили руку по средоточіе этого движенія — Мотренинскій монастырь. Въ началѣ 1765 г. униатскій оффиціалъ Любинскій обратился съ просьбою къ епископу Гервасію, чтобы онъ запретилъ

инокамъ этого монастыря вторгаться въ униатскую паству, а въ тоже время униатскіе власти прислали въ этотъ монастырь объявленіе, что онъ имъ принадлежитъ и долженъ имъ повиноваться. Такое же объявленіе они прислали и Мошнегорскому монастырю, и въ этомъ углѣ Малороссіи начали насильственное обращеніе православныхъ къ униі. Въ виду такого положенія дѣлъ, Мельхеседекъ выпросилъ отпускъ у епископа Гервасія, чтобы ѣхать въ Петербургъ ходатайствовать о заступничествѣ за Мотренинскій монастырь. Мошнегорскій монастырь далъ ему полномочіе ходатайствовать и за него, а Чигиринское духовное правленіе прислало ему просьбу такого же рода отъ имени духовенства и народа всей области. Такимъ образомъ ходатаемъ за поддержаніе православія въ Малороссіи явился въ Петербургъ Мельхеседекъ тогда, какъ тамъ уже находился Георгій Конисскій, прибывшій съ тою же цѣлю отъ лица православныхъ въ Бѣлоруссіи. Въ это время совершилось важное событіе въ судьбахъ Россіи — вступила на престолъ Екатерина Великая. Съ этого времени и начался новый періодъ въ исторіи униі. Происходившія въ ней движенія и происшествія въ продолженіе этого царствованія и составляютъ предметъ разсматриваемаго нами сочиненія, изложенный съ полнотою и подробностію въ 10 главахъ; но первая, изъ которой мы привели нѣсколько выписокъ, составляетъ лишь введеніе, потому что относится къ предшествовавшему періоду въ исторіи униі.»

II.

Едва ли нужно входить въ подробныя разсужденія о достоинствахъ новаго, добросовѣстнаго труда, такого писателя, какъ М. О. Кояловичъ. Его имя давно извѣстно въ нашей ученой литературѣ и прежніе его труды оцѣнены по достоинству. Еще въ 1859 и 1861 гг. онъ издалъ два тома изслѣдованій о *Литовской церковной униі*. За тѣмъ, какъ самъ онъ говоритъ въ *речи*, произнесенной имъ передъ защитою разсматриваемаго нами сочиненія, которое было представлено имъ на соисканіе ученой степени доктора, — онъ «началъ заниматься, одинадцать лѣтъ тому назадъ, исторію воссоединенія униатовъ совершившагося въ 1839 г. Но, изучивъ главнѣйшіе памятники этого событія въ собраніи бумагъ покойнаго графа Д. Н. Блудова, въ громадномъ собраніи дѣлъ о воссоединеніи въ архивѣ канцеляріи оберъ-прокурора Св. Синода, въ архивѣ греко-униатской коллегіи, въ нѣкоторыхъ мѣстныхъ за-

падно-русскихъ архивахъ и послѣ бесѣдъ съ современными свидѣтелями этого событія, я пришелъ къ убѣжденію, говоритъ г. Кояловичъ, что работаю съ конца событія, что необходимо отойти назадъ къ прежнимъ временамъ; именно: я пришелъ къ убѣжденію, что воссоединеніе уніатовъ 1839 года, во главѣ котораго стоялъ необыкновенный человѣкъ нашего времени, покойный митрополитъ Литовскій Іосифъ Сѣмашко, не было дѣломъ новымъ, имъ измышленнымъ или искусственно созданнымъ русскимъ правительствомъ, а составляло продолженіе направленія, давно существовавшаго и только около времени митрополита Іосифа Сѣмашки заслоненнаго извѣстною политическою системою дѣйствій кн. Адама Чарторійскаго, нашествіемъ Французовъ и господствомъ въ нашей интеллигенціи западно-европейскихъ идей». Изъ этихъ словъ очевидно, что авторъ разсматриваемаго сочиненья въ продолженіи многихъ лѣтъ постоянно и непрерывно посвящалъ свои занятія изслѣдованіямъ объ историческихъ судьбахъ уніи или, какъ онъ постоянно ее называетъ — *уніатской церкви*. Съ этимъ названіемъ едва-ли можно согласиться, потому что унія не представляетъ такого самостоятельнаго явленія, какъ церковь восточная или западная. Въ ней выражалась борьба двухъ направленій; однимъ изъ нихъ она примыкала къ восточной церкви, но принявшей только подчиненность папамъ; другимъ — къ западной, но желавшей сохранить лишь нѣкоторыя обычаи и обряды восточной церкви. Но дѣло не въ этомъ названьи, а въ томъ, что продолжительныя и добросовѣстные занятія однимъ и тѣмъ-же предметомъ заставляютъ отнести къ новому сочиненью автора съ особеннымъ вниманьемъ, какъ къ сочиненью, написанному знатокомъ дѣла. Начавъ свои занятія исторіею уніи со временъ первоначальнаго ея установленія, М. О. Кояловичъ намѣревался перейти за тѣмъ къ изслѣдованію такого событія, которымъ окончилось ея существованіе, по крайнѣй мѣрѣ въ предѣлахъ русской имперіи, т. е. къ воссоединенію уніатовъ съ восточною церковью въ 1839 г. Но продолжая добросовѣстно занятія предметомъ, онъ естественно пришелъ, и не могъ не придти, къ тому убѣжденію, что это событіе не можетъ быть ни понято, ни объяснено подлежащимъ образомъ безъ предварительнаго изслѣдованія предшествовавшихъ ему явленій въ исторіи уніи. Послѣдствіе этихъ изслѣдованій и составляетъ разсматриваемое нами сочиненье автора, пополняющее средину между первыми его, уже обнародованными, изслѣдованіями объ уніи и предположеннымъ въ будущемъ — о воссоединеніи уніатовъ въ 1839 г.

Обиліе источниковъ дало возможность сочинителю подробно изложить происшествія, совершившіяся въ униі во второй половинѣ 18-го столѣтія, а ихъ особенное свойство придать живость изложению. На это особенное свойство источниковъ, которыми по преимуществу руководствовался авторъ разсматриваемаго сочиненія, нельзя не обратить должнаго вниманья. Много источниковъ уже обнаружено комиссією для разбора древнихъ актовъ при Киевскомъ генераль-губернаторѣ, комиссією, бывшею при Виленскомъ учебномъ округѣ, Археографическою комиссією и въ другихъ частныхъ изданіяхъ; но еще большее ихъ количество хранится въ Архивахъ Св. Синода, униатскихъ митрополитовъ, греко-униатской коллегіи и канцеляріи оберъ-прокурора Св. Синода. Не только печатными, но и тѣми, которые находятся въ рукописи, въ дѣлахъ этихъ архивовъ, пользовался авторъ разсматриваемаго сочиненія. Это — такой трудъ, который могутъ оцѣнить тѣ, которые знакомы съ затрудненьями, соединенными съ работами по дѣламъ архивовъ. «Въ борьбѣ, совершившейся въ это время въ униі, говоритъ М. О. Кояловичъ, часть русскихъ людей, оставшаяся въ предѣлахъ Польши и лишенная почти всей своей интеллигенціи, съ поразительною искренностію и самоотверженіемъ ратуетъ за свое русское и православное званіе. Мы видимъ, что во время этой борьбы всѣ слои этого народа — простые крестьяне, ктиторы т. е. церковные старосты, священники, иноки, стоятъ за одно, *обладаютъ большими свѣденіями политическими* знаютъ даже *секреты политическіе*, и такъ какъ во главѣ этого русскаго общества стояли духовные, которымъ естественно было сообщать свои свѣденія нашему центральному духовному правительству, то отсюда вышло, что нашъ синодъ обладалъ полными и вѣрными свѣденіями о дѣлахъ въ Польшѣ». Но эта борьба части русскаго народа, находившагося въ Польшѣ, шла съ униатами и латинянами-Поляками, которые съ своей стороны оставили не менѣе извѣстій, какъ напечатанныхъ, такъ и хранящихся въ архивахъ. Архивъ униатскихъ митрополитовъ сохраняетъ значительное количество такихъ источниковъ для исторіи этого времени и между ними, авторъ разсматриваемаго сочиненія, считаетъ и весьма справедливо, *чрезвычайно важнымъ* переписку, продолжавшуюся непрерывно десять лѣтъ между королевскимъ секретаремъ и въ тоже время униатскимъ архидіакономъ и потомъ епископомъ Левинскимъ съ униатскимъ митрополитомъ Сморгоржевскимъ. Въ этой перепискѣ дѣйствительно замѣтны нѣкоторыя *свѣденія въ дѣлахъ политики* и даже *тайны*; но незначитель

ныя. Вообще-же они не могли быть извѣстны въ то время никому, кромѣ нѣкоторыхъ кабинетовъ Европейскихъ державъ, и по преимуществу русскому. Въ извѣстіяхъ, оставленныхъ латинянами и Поляками даже о происшествіяхъ того времени, замѣчается разнообразіе. Такъ ли могли относиться къ дѣламъ того времени иезуиты, которыхъ орденъ былъ уничтоженъ въ это время папою, преслѣдуемый въ Польшѣ и нашедшій себѣ безопасный пріютъ въ Россіи, какъ относилась польская латинская іерархія, руководимая папскими нунціями? Одинаковыя-ли свѣденія объ этихъ дѣлахъ могли сообщать тѣ Польскіе паны, которые не только не преслѣдовали православныхъ, но защищали ихъ съ тѣми, которыя оставили въ наслѣдство исторіи правительство и шляхетство Польское? Въ самой средѣ униатовъ шла роковая борьба въ это время двухъ направленій, постоянно въ ней существовавшихъ, и она не могла не отразиться на источникахъ, вышедшихъ изъ этой среды.

При такихъ условіяхъ историческіе памятники этой эпохи униіи весьма многочисленны, разнообразны по направленію и вѣрности или невѣрности заключающихся въ нихъ свѣдѣній. Разнообразіе, условенное вліяніемъ среды, изъ которой они происходили, усиливалось еще болѣе тѣмъ особеннымъ порядкомъ, или лучше сказать, безпорядкомъ устройства Польскаго государства, который допускалъ — необузданность личности, не сдерживаемой ни законами, ни обычаями, ни государственною властью. Это свойство придаетъ особый, такъ сказать, *индивидуальный* характеръ большей части этихъ памятниковъ, но безъ сомнѣнья даетъ возможность въ тоже время каждой личности оставить въ память потомству свой обликъ со всѣми достоинствами и недостатками, со всѣми страстями и увлеченьями.

Такія свойства историческихъ источниковъ представляютъ огромное преимущество, давая возможность съ необыкновенною живостью воспроизвести въ памяти потомства давно прошедшія происшествія; но въ тоже время они великою опасностію угрожаютъ историку. Они способны оторвать его отъ настоящаго, увлечь въ свою среду, примкнуть къ какому либо изъ дѣйствовавшихъ тогда направленій и лишитъ необходимаго для него безпристрастія въ изложеніи событій прошлаго времени. Такое вліяніе этихъ источниковъ и отражалось на всѣхъ сочиненьяхъ объ униіи, писанныхъ въ Польшѣ и западной Европѣ. Конечно, эта опасность менѣе всѣхъ угрожаетъ русскому, православному историку, потому что въ этомъ случаѣ правда на его сторонѣ; но тѣмъ не менѣе

она возлагаетъ на него не малый трудъ, такъ сказать, подчинить себѣ эти источники и не впасть въ ошибки при разсказѣ о происшествіяхъ и особенно при оцѣнкѣ дѣйствовавшихъ лицъ и общаго направленія политики.

III.

По изложенію происшествій этого періода въ исторіи уніи, подробно и добросовѣстному, разсматриваемое сочиненіе составляетъ важный вкладъ въ науку русской исторіи. Если и возможно указать на нѣкоторыя неточности, неизбежныя какъ по сложности работы, такъ и по свойству источниковъ, то онѣ такъ незначительны, что не могутъ уронить достоинства сочиненія. Но, что касается до оцѣнки нѣкоторыхъ русскихъ, дѣйствовавшихъ въ это время лицъ и взгляда вообще до политики императрицы Екатерины въ отношеніи къ вопросу объ уніи, то мы позволимъ себѣ не согласиться съ мнѣніями уважаемаго нами автора разсматриваемаго сочиненія. Онъ положительно утверждаетъ, что «между русскими правительственными лицами были противники такъ называемаго диссидентскаго вопроса» — и указываетъ на Репнина, Кречетникова, Воейкова.

Осуждая Кречетникова за дѣйствія противъ гайдамановъ, онъ говоритъ: «онъ пришелъ съ войскомъ отъ Чернигова къ Львову. Эта дорога открывала ему полную возможность узнать основательно православное дѣло западной Малороссіи и оказать ему могущественную поддержку, какъ этого ожидали православные малороссы. Но Кречетниковъ не этимъ былъ занятъ. Въ своемъ журналѣ, въ которомъ онъ передаетъ многія мельчайшія подробности, Кречетниковъ менѣе всего занимается русскимъ, православнымъ дѣломъ. Такъ, онъ проходилъ чрезъ Радомысль, изъ котораго тогда же выпускались православные узники; но объ нихъ онъ не упоминаетъ ни слова, хотя, безъ сомнѣнія, его войско и онъ самъ знали о нихъ. Во время сейма, Кречетниковъ (1767 и 1768 гг.) былъ въ Варшавѣ, не могъ не видѣть тамъ Георгія Конисскаго и Мельхеседека; но объ нихъ тоже онъ ни слова не говоритъ въ своемъ журналѣ. Кречетниковъ поглощенъ былъ сношеніями съ Поляками, съ одними дружилъ, другихъ прижималъ и какъ тѣмъ, такъ и другимъ путемъ, дошелъ подъ руководствомъ Поляковъ до странностей, передъ которыми теперь приходится останавливаться въ недоумѣніи». Но это недоумѣніе едва-ли не зависитъ отъ того, что авторъ разсма-

триваемого сочиненія требовалъ отъ журнала Кречетникова того, чего въ немъ быть не могло, и желалъ найти то, чего не должно было въ немъ находиться.

Во время военныхъ дѣйствій при каждой арміи и даже корпусѣ и отрядѣ, предназначенномъ для отдѣльнаго дѣйствія, ведутся ежедневныя записки или журналы о всѣхъ передвиженьяхъ войскъ и дѣйствіяхъ и распоряженьяхъ, выходящихъ изъ главной квартиры. Обыкновенно эти журналы ведутся въ штабахъ и канцеляріяхъ военачальниковъ. Но въ прежнее время, при дѣйствіи отдѣльныхъ корпусовъ и отрядовъ, за недостаткомъ правильно устроенныхъ канцелярій, эти журналы вели иногда сами начальники корпусовъ. Таковъ и журналъ Кречетникова ¹⁾. Возможно-ли въ немъ искать личныхъ его воззрѣній на униатовъ и православныхъ и даже на отношенія его къ взглядамъ политики на эти вопросы? Въ отношеніи къ этимъ вопросамъ, онъ долженъ былъ дѣйствовать на основаніи наставленій, которыя получалъ отъ нашего посланника изъ Варшавы и которыя долженъ былъ содержать въ тайнѣ. Могъ ли онъ писать о нихъ въ военномъ журналѣ, который въ послѣдствіи долженъ былъ представить въ военную коллегію, тогда какъ о всѣхъ сношеніяхъ съ нимъ посолъ долженъ былъ сообщать въ коллегію вѣдшихъ сношеній или иностранныхъ дѣлъ. Поэтому въ его журналѣ находятся слѣдующія отмѣтки: «получено письмо отъ посла, что всѣми распоряженіями онъ доволенъ и что detachаменты въ свои мѣста прибыли, и о прочемъ». Очевидно это прочее — то, чего онъ не считалъ возможнымъ записывать въ свой *военный* журналъ. Вообще онъ упоминаетъ въ немъ о письмахъ кн. Репнина только въ тѣхъ случаяхъ, когда въ нихъ заключаются распоряженія, касающіяся до военныхъ дѣлъ.

Что-же касается до того, что — «онъ былъ поглощенъ сношеніями съ Поляками, однимъ дружилъ, другихъ прижималъ»; то этимъ самымъ онъ только исполнялъ возложенныя на него русскимъ правительствомъ обязанности. Войско подъ его начальствомъ вступило въ предѣлы Польскаго королевства съ тою цѣлію, чтобы дѣйствовать за одно и поддерживать, устроенную русскимъ посломъ конфедерацію въ пользу правъ диссидентовъ и противодѣйствовать вооруженною рукою конфедераціи Барской, которая желала низложить короля за то именно, что, по настоянію Рос-

---

¹⁾ Чтенія въ Имп. обществѣ Истор. и Древн. при Москов. Университетѣ. 1863, кн. 3.

сія, онъ требовалъ признанія правъ диссидентовъ. Поэтому онъ долженъ былъ поддерживать хорошія отношенія съ членами одной изъ этихъ конфедерацій и относиться враждебно къ членамъ другой. Такъ и поручалъ ему дѣйствовать кн. Репнину, что доказываетъ какъ его письмами къ Кречетникову, такъ и журналомъ послѣдняго.

Письма Кречетникова къ кн. Репнину могли бы конечно объяснить его отношенія къ вопросамъ о православныхъ и униатахъ; но, къ сожалѣнію, они до сихъ поръ неизвѣстны. Въ Архивѣ кн. Репнина, который находится въ распоряженіи здѣшняго историческаго общества, сохранилось весьма мало документовъ этого времени; въ немъ нѣтъ не только писемъ Кречетникова, но и писемъ къ нему кн. Репнина, которыя изданы въ Чтеніяхъ Московскаго общества исторіи и древностей въ слѣдъ за журналомъ Кречетникова. Въ числѣ этихъ писемъ находится между прочимъ, слѣдующее: «Начинаютъ ко мнѣ доходить извѣстія, что дворянство католическое наглости дѣлаетъ противъ диссидентовъ, обижая и угнетая иныхъ разными насильствами. Ссылаясь же на декларацію Ея Императорскаго Величества и на *инструкцію* детапашментнымъ командорамъ, прошу покорнѣйше вашего превосходительства подтвердить всѣмъ детапашментамъ вашего корпуса, чтобы они *въ силу* той *инструкціи* диссидентовъ прикрывали и чрезъ протекцію свою до обидъ не допустили». (5/16 Іюня 1867 г.). Изъ этого письма видно, что русскимъ войскамъ, вступившимъ подъ начальствомъ Кречетникова въ Польшу, особою инструкцію, которая была сообщена и всѣмъ начальникамъ отдѣльныхъ отрядовъ, предписывалось защищать православныхъ отъ *наглостей* Поляковъ. Могли дѣйствовать Кречетниковъ вопреки этой инструкціи и по какимъ причинамъ? Но — «одинъ изъ подчиненныхъ Кречетникова, говоритъ авторъ разсматриваемаго нами сочиненія, полковникъ Ширковъ (женатый на полькѣ Ледаковской) *сблизилъ* его съ униатскимъ митрополитомъ Володковичемъ. Какой-то ксендзъ Науцинскій, близкій человекъ къ униатскому митрополиту, былъ у Ширкова для письменныхъ дѣлъ. Ксендзъ этотъ сообщилъ Кречетникову, что униатскій митрополитъ Володковичъ *хочетъ* приступить къ диссидентской конфедераціи и при этомъ дѣлалъ доносы на павовъ и латинскую іерархію. Затѣмъ является къ Кречетникову самъ Володковичъ, подтверждаетъ это извѣстіе и увѣряетъ, что убѣждаетъ другихъ епископовъ, но что Львовскій епископъ Шептинскій противится этому. Что Ширковъ и Кречетниковъ не знали

о враждѣ между Володковичемъ и Шептицкимъ, это не удивительно; но что они не имѣли свѣдѣній о близости Володковича къ украинскимъ панамъ, составившимъ Барскую конфедерацію и даже о прямомъ участіи его въ этой конфедераціи и тѣмъ болѣе, что они не знали о его ненависти ко всему православному и о неистовствахъ совершенныхъ его именемъ надъ православными украинцами, это болѣе нежели странно. Когда Кречетниковъ былъ во Львовѣ, то оказалось, что и Шептицкій пристааетъ къ конфедераціи, а Кречетниковъ *сблизился* и съ нимъ, бывалъ у него на балу, на уживѣ. Затѣмъ, въ послѣдствіи, обнаружилось, что Володковичъ участвуетъ въ Барской конфедераціи, помогаетъ ей деньгами и людьми, что онъ перехватилъ русскихъ курьеровъ, изъ которыхъ одинъ заживо былъ зарытъ въ землю. Не знаемъ, восколько болѣе благонадежнымъ въ это время оказался Шептицкій; но *достоверно извѣстно*, что ошибка Володковича не избавила Кречетникова отъ ошибокъ, еще болѣе крупныхъ». Объ этихъ *ошибкахъ* будетъ рѣчь впереди; но нельзя не сознаться, что митрополитъ Володковичъ представляетъ печальный образецъ западно-русскихъ юдей того времени, какихъ однакоже было много, и даже такъ много, что они составляли силу, съ которой приходилось считаться правительству такой могучей державы, какъ Россія. Что касается до полковника Ширкова, то весьма возможно, что, находясь подъ вліяніемъ своей жены, окружившей его Поляками и уніатами, онъ могъ отклоняться отъ исполненія своихъ обязанностей; но трудно предположить, чтобы одинъ изъ полковниковъ, подчиненныхъ Кречетникову, ненаходившійся ни въ какихъ съ нимъ отношеніяхъ, кромѣ служебной подчиненности, и притомъ находившійся почти постоянно вдалекѣ отъ него, могъ имѣть такое сильное вліяніе на своего начальника. Еще труднѣе предположить, чтобы Кречетниковъ придалъ такое значеніе показанью ксендза, исправлявшаго должность писаря у Ширкова, о *желаніи* уніатскаго митрополита приступить къ диссидентской конфедераціи. Но дѣло было однакоже иначе. Въ журналѣ Кречетникова (подъ 30 ч. Августа м.) записано: «пріѣхалъ ксендзъ Науцинскій и *привезъ акцессы* о приступленіи къ конфедераціи митрополита Русскаго и *двухъ* бискуповъ Русскахъ, конхъ онъ уговорилъ». И такъ, ксендзъ этотъ, присланный Ширковымъ, привезъ не простое заявленіе о желаніи уніатскаго митрополита и двухъ епископовъ, а письменныя съ ихъ стороны обязательства о присоединеніи ихъ къ этой конфедераціи. Очевидно, подобныхъ обязательствъ не могъ не принять Кречет-

никовъ и не войти въ личныя сношенія съ ними. О направленіи и прѣжнемъ образѣ дѣйствій Володковича и Щептицкаго и ихъ отношеняхъ между собою очень могъ не знать русскій военный генералъ, никогда незанимавшійся внутренними дѣлами Польши и недавно вступившій съ войсками въ ея предѣлы. Конечно послѣ этого вступленія къ нему со всѣхъ сторонъ стекались извѣстія и слухи, но они происходили изъ такихъ разнородныхъ источниковъ, такъ противорѣчили одни другимъ, что онъ поступалъ весьма благоразумно, когда относился къ нимъ съ недоумѣніемъ. Если съ этой точки зрѣнія смотрѣть на диссидентскую конфедерацію, то многоли изъ ея членовъ оказались бы безупречными и не пришлось ли бы исключить изъ ней большую изъ нихъ часть, т. е. разрушить ту самую конфедерацію, которую усиленно создавало и укрѣпляло само русское правительство. Къ большей части членовъ этой конфедераціи оно дѣйствительно относилось съ недоумѣніемъ, какъ это показываютъ всѣ дѣйствія кв. Репнина въ Варшавѣ, начиная даже съ самого ея маршала, пресловутаго *пана-коханка*, князя Радзивила. «Къ князю Радзивилу, писалъ кв. Репнинъ къ Кречетникову, приставленъ въ дядьки по именному Ея Императорскаго Величества указу, г. полковникъ Каръ; однако, если бы онъ по близости вашего превосходительства гдѣ находился, то не менѣе, въ томъ случаѣ, я бы былъ доволенъ, чтобы ваше превосходительство надъ нимъ надсматривали и поведеніе его въ порядкѣ содержали»¹⁾. Не смотря однакоже на это недоумѣніе, русское правительство устроивало эту конфедерацію и старалось усиливать. Всѣ возможныя мѣры къ тому были предпринимаемы кв. Репнинымъ. Въ томъ же направленіи дѣйствовалъ и не могъ иначе дѣйствовать, въ качествѣ простаго исполнителя данныхъ ему наставленій, и генералъ Кречетниковъ. Что касается до князя Репнина, то дѣйствительно онъ предлагалъ императрицѣ отказаться отъ диссидентскаго дѣла послѣ неудачной попытки провести его на сеймѣ 1765 г., на которомъ «вопреки всѣмъ моимъ совѣтникамъ, писалъ Польскій король императрицѣ Екатеринѣ, я поднялъ вопросъ о диссидентахъ, потому что вы того желали. Чуть-чуть не умертвили примаса въ мое присутствіе». «Положеніе Репнина въ Варшавѣ было не завидное, говоритъ С. М. Соловьевъ. Изъ Петербурга присылаютъ ему умѣренные, но твердыя требованья относительно диссидентовъ, тогда какъ на мѣстѣ онъ видитъ ясно, что требованьямъ

¹⁾ Письмо Юня 9-го, 1767 г. изъ Варшавы.

этимъ на малѣйшей уступки быть не можетъ. Ему дипломату бываетъ непріятно, когда на него возлагаютъ порученіе, которое исполнить онъ не видитъ никакой возможности; онъ не можетъ освободиться отъ тяжелой для его самолюбія мысли, что правительство его можетъ усумниться, дѣствительно-ли дѣло невозможно, не виновато-ли въ этой невозможности, хотя отчасти, неумѣнье уполномоченнаго? Поэтому неудивительно, что Репнинъ сначала сдѣлалъ было отчаянную попытку убѣдить свой дворъ отказаться отъ диссидентскаго дѣла, рѣшился представить, что стоитъ-ли заступаться за диссидентовъ? — между ними нѣтъ знатныхъ людей! Понятно, что такая попытка не удалась: «польза, честь отечества и персональная слава» императрицы требовали, чтобы Репнинъ проводилъ диссидентское дѣло» ¹⁾. Поддаваясь ли господствовавшимъ во второй половинѣ XVIII столѣтія взглядамъ, кн. Репнинъ не придавалъ важнаго значенія вопросамъ объ исповѣданіяхъ ²⁾, или ревность молодаго дипломата — послужили поводомъ къ предложенію отказаться отъ диссидентскаго дѣла, но во всякомъ случаѣ въ этомъ выразилось только его личное мнѣніе; а въ своихъ дѣйствіяхъ, какъ посланникъ русской императрицы, онъ руководствовался, и съ величайшимъ усердіемъ, ея наставленіями и ея кабинета. Когда въ самый разгаръ его дѣятельности о составленіи такого сейма, который бы разрѣшилъ вопросъ о диссидентахъ согласно съ требованіями Россіи, начали доходить до него извѣстія о такъ называемой Уманьской смутѣ, онъ писалъ Кречетникову: «дошли сюда подлинныя извѣстія, что здѣшніе украинскіе мужики около Гумана, Чигирина, Крылова, Черкасовъ и Богуслава взбунтовались противъ своихъ помѣщиковъ и какъ изъ оныхъ многихъ, такъ и часть жидовъ перерѣзали, а другихъ отъ себя разогнали. Причину сему приписываютъ фанатизму къ нашему закону, ибо они *хотятъ большею частію униаты*, но подлинно того въ своемъ невѣжествѣ сами не знаютъ, а считаютъ себя нашего». Конечно изъ этихъ словъ видно, что извѣстія о смутѣ дошли до кн. Репнина отъ Поляковъ и униатовъ; но тѣмъ не менѣе онъ дѣлаетъ слѣдующее предписаніе Кречетникову: «Однако нашъ высочайшій дворъ, инаго не желаетъ, какъ спокойствія здѣшной земли; слѣдственно отнюдь не надлежитъ способствовать этому новому огню, а напротивъ всячески

¹⁾ Исторія паденія Польши, стр. 35.

²⁾ Записки кн. Ф. И. Голицына, зятя кн. Репнина. Русс. Архивъ, 1874, тетр. 5, стр. 1322.

надѣжнѣе стѣ рѣшся оный утупить, не оскорбляя однакоже тѣхъ мужиковъ, а ласку къ тому употребляя, уговаривая ихъ дружески, чтобы они въ дома свои возвратились и жили-бъ тамъ смирно и въ повиновеніи ихъ помѣщиковъ, какъ обыкновенно, а только бъ не давали никакого вспомошествованія и снабженія возмутителямъ и не дозволяли имъ у себя поселяться». Посылая доставленные ему, конечно отъ Польскаго правительства, записки объ этомъ возмущеніи, онъ пишетъ Кречетникову: «изъ одной вы усмотрите къ чему приписывается причина онаго бунта, а въ другой усмотрите и другія объ нихъ вѣсти; но сямъ послѣднимъ я не весьма вѣрю: кажется страхъ ихъ диктовалъ. Если-жъ вамъ не подалеку будетъ, то извольте послать тѣхъ мужиковъ дружески уговаривать, какъ выше сказано, кого изъ надежныхъ и способныхъ офицеровъ; но чтобы онъ былъ русской и нашего закона, дабы тѣмъ имъ былъ пріятнѣе. А если есть разумной священникъ у васъ въ корпусѣ, то и того съ тѣмъ офицеромъ товарищемъ можно было послать, для того-жъ вида успокоенія сихъ мужиковъ. Впрочемъ можете приказать имъ сказать, что г. Воłyнецкой, который причину подалъ къ ихъ неудовольствію, былъ теперъ у васъ въ полону, они уже не будутъ подобными случаями оскорбляемы, понеже и всѣ возмутители скоро вами искоренены будутъ»¹⁾). Исполняя приказанія кн. Репнина, Кречетниковъ записалъ въ своемъ журналѣ: «послана партія съ поручикомъ Кологривовымъ, полкъ казачій, въ мѣстечко Гумань» для дѣйствій противъ Барскихъ конфедератовъ. «Притомъ приказано ему, по причинѣ тамъ учинившагося открытія замѣшательства съ ними вооруженною рукою впредь до приказа не поступать, а только благосклонно уговаривать, чтобы шли въ дома свои и жили-бъ спокойно, ибо уже конфедераты всѣ разрушены; слѣдовательно и они ни отъ кого притѣснены быть не могутъ. Къ тому же и я съ войсками въ здѣшней сторонѣ для наблюденія покоя и тишины нахожусь; то бы они конечно успокоились и были-бы въ домахъ своихъ всѣ; а инаково будутъ наказаны». Кречетниковъ понималъ различіе между волненіями крестьянъ, вызванными угнетеніемъ со стороны польскихъ пановъ и латинскаго духовенства, и разбоями гайдамаковъ. Доказательствомъ могутъ служить слѣдующія слова польскаго короля Станислава Понятовскаго въ письмѣ къ Ксаверію Браницкому: «Кречетниковъ въ Умани охранялъ только выгоды Кіевскаго воеводы, а о прочихъ помѣщикахъ не

¹⁾ Письмо 24 іюля 1768, изъ Варшавы.

Увар. отч.

заботился и не только не разгонялъ гайдамаковъ, но даже поощрялъ имъ и быть можетъ самъ былъ въ стачкѣ съ ними». Вообще Польское правительство было недовольно Кречетниковымъ и просило даже императрицу отозвать его. Браницкій начальствовалъ Польскими войсками, которыя совокупно съ Кречетниковымъ должны были дѣйствовать противъ гайдамаковъ. Естественно, онъ долженъ былъ находиться съ нимъ въ постоянныхъ сношеніяхъ, тѣмъ болѣе, что кн. Репнинъ предписывалъ ему «подкрѣплять его и дѣйствія свои съ нимъ согласовать» (письмо 30 іюля). Притомъ Браницкій былъ однимъ изъ представителей такъ называвшейся тогда въ Польшѣ *русской партии*. Послѣ пораженія гайдамаковъ подъ Уманью, онъ писалъ королю: «всѣ здѣшніе помѣщики и евреи бѣгутъ ко мнѣ и другъ передъ другомъ предлагаютъ разныя пытки. Одни предлагаютъ четвертовать плѣнныхъ гайдамаковъ, другіе на колъ сажать, третьи — вѣшать безъ сожиганья и тому подобное. Я всѣмъ отвѣчаю: нѣкоторые будутъ казнены, остальные будутъ разсланы по тюрьмамъ и крѣпостямъ; но всего этого нашимъ мало. При другихъ обстоятельствахъ я бы дѣйствовалъ согласно съ собственнымъ моимъ мнѣніемъ; но теперь это невозможно. Я не долженъ возбуждать противъ себя умы, этотъ бунтъ и такъ уже признаютъ здѣсь нашимъ изобрѣтеніемъ». Браницкій не раздѣлялъ мнѣнія своихъ соотечественниковъ о необходимости жестокихъ мѣръ, и ихъ собственной трусости приписывалъ развитіе гайдамацкихъ разбоевъ. Онъ былъ постояннымъ защитникомъ союза съ Россією и совѣтовалъ королю «дѣлать все то, что желаетъ Россія. Находясь въ союзѣ съ нею и приобрѣвъ ея довѣріе, вы много сдѣлаете добра нашему неблагодарному народу. При такомъ союзѣ мы сдѣлались бы авангардомъ для Россіи» ¹⁾).

Указывая на первоначальные отношенія Репнина и Кречетникова къ Уманьской смутѣ, авторъ разсматриваемаго сочиненія весьма справедливо замѣчаетъ, что, дѣлая такія распоряженія, они «тогда еще не знали, ни размѣра гайдамацкаго движенія, ни того, что гайдамаки совершаютъ свои неистовства отъ имени Екатерины; но въ концѣ іюня эти свѣдѣнія стали доходить до нихъ и совершенно измѣнили ихъ взглядъ на гайдамаковъ. Перемѣна эта совершалась съ необычайною быстротою, захваты-

---

¹⁾ Konfederacya Baraka. Korrespondencya między Stan. Augustem u Ksaw. Branickim w roku 1768, изд. Гумпловичъ въ Краковѣ 1872 г. письмо короля 10 августа, письма Браницкаго 20 іюля и 22 октября.

вага однихъ раньше, другихъ позже и производила *страшную шумиху*. Какая-то *тайная сила* работала въ этомъ направленіи давно и послѣдствія этой работы подвигались на Украину со *всѣхъ* сторонъ самымъ *прихотливымъ*, повидному, образомъ. 30 іюля Репнинъ смотрѣлъ уже на гайдамаковъ, какъ на крайне опасныхъ людей и приказывалъ поступать съ ними строго. Кречетниковъ еще раньше измѣняетъ свой взглядъ на гайдамаковъ. Кологривовъ еще раньше отнесся къ нимъ враждебно. Еще на пути къ Умани онъ поступилъ съ ними, какъ съ опасными врагами, *не извѣстно по чьему приказу*. Онъ на пути къ Умани забралъ шайку гайдамаковъ, какъ *грабителей*, а около 27 іюня взялъ главный лагерь ихъ у Умани, потому, доносилъ онъ, что гайдамаки оказали сопротивленіе. Того-же числа Кречетниковъ послалъ ему приказъ отослать русскихъ подданныхъ, изъ числа взятыхъ гайдамаковъ, въ Кіевъ, а польскихъ отдать Полякамъ.

«Еще болѣе *страннымъ* представляется переворотъ во взглядахъ на гайдамаковъ, совершившійся на восточной сторонѣ Днѣпра. Тамъ были всѣ средства узнать скоро и вѣрно, что это за движеніе, кто въ немъ участвуетъ и насколько за все это можетъ отвѣчать духовная православная власть, особенно Матренинскій монастырь? Того же 27 іюня, т. е. вскорѣ послѣ того, какъ въ Умани рѣшалась судьба гайдамаковъ и прошелъ мѣсяцъ съ тѣхъ поръ, какъ Мельхиседекъ разослалъ свои грамоты въ Матренинскій монастырь, Черкасы и Смилу съ убѣжденіемъ не приставать къ гайдамакамъ, Кіевскій губернаторъ Воейковъ предлагаетъ Гервасію внушить Матренинскимъ инокамъ — «чтобы они удобовозможное съ своей стороны стараніе прилагали духовными поученіями и приличными увѣщаніями, не давая гайдамакамъ пристанища, оныхъ отъ такового злодѣйства отвращать». Это письмо *не было* обычнымъ обращеніемъ свѣтской власти къ помощи духовной въ трудныя времена народныхъ волненій. Воейковъ въ томъ же письмѣ извѣщаетъ, что онъ послалъ, по приказу Румянцева, войско для усмиренія гайдамаковъ...

«Такимъ образомъ русскій посланникъ въ Варшавѣ Репнинъ, вождь русскаго войска въ Польшѣ Кречетниковъ, русскій Кіевскій губернаторъ Воейковъ, русскій главнокомандующій южною арміею Румянцевъ, всѣ, *разнообразными* путями приходятъ къ убѣжденію, что гайдамаки — ужасное зло и его нужно торопиться истреблять. Нельзя отвергать, что дѣла гайдамаковъ и особенно то, что они злоупотребляли именемъ Екатерины и нѣкоторые изъ нихъ вторга-

лись въ предѣлы Турціи, могли и помимо всякихъ тайныхъ внушеній настроить такъ всѣхъ этихъ русскихъ людей; но нельзя не остановиться и на томъ, что взгляды этихъ людей поразительно совпадаютъ со взглядами Поляковъ и, главное, что взгляды эти установились совершенно независимо отъ манифеста Екатерины противъ гайдамаковъ, такъ какъ манифестъ этотъ подписанъ Екатериною только 9-го іюля, т. е. спустя почти мѣсяць послѣ того, какъ ближайшіе къ мѣсту дѣйствія русскіе люди составили себѣ *польское* понятіе о гайдамакахъ. Дальнѣйшія же дѣла этихъ русскихъ людей не оставляютъ ни малѣйшаго сомнѣнія въ томъ, что Поляки, натравляя ихъ на гайдамаковъ, дѣлали ихъ орудіемъ для достиженія своей главной цѣли — загубить въ Украинѣ всякое русское православное движеніе». Утверждая, что эти русскіе люди были обмануты Поляками, и такимъ образомъ уличая ихъ въ поголовной простотѣ, авторъ разсматриваемаго сочиненія дѣлаетъ ссылку на предисловіе къ собранію *документовъ, объясняющихъ исторію западно-русскаго края*, изданному Археографическою комісіею въ 1865 г. Въ немъ говорится, что народъ западной Россіи благоговѣлъ передъ Екатериною и «такимъ образомъ дѣло этого народа связано неразрывно съ дѣломъ русской императрицы. Подъ этимъ общемъ знаменемъ и выступило противъ Польши западно-русское *народное ополченіе*, извѣстное подъ именемъ Уманскихъ гайдамаковъ. Народное ополченіе шло на бой подъ русскимъ военнымъ знаменемъ. Вся Украина облилась польскою и жидовскою кровью. Воскресало дѣло Хмельницкаго и, какъ въ его время, готово было охватить всю Западную Россію. Агенты малороссійскихъ гайдамаковъ проникали уже въ Бѣлоруссію. Польша представляла тогда поразительное зрѣлище. Все польско-латинское въ западной Россіи стояло противъ Россіи и группировалось въ Барской конфедераціи; все русское и православное стремилось къ Россіи и рвало всѣ связи съ Польшей. Мы не знаемъ, какое государство на мѣстѣ Россіи не воспользовалось бы такимъ благопріятнымъ обстоятельствомъ. Всякое другое государство, вѣроятно, осталось бы по крайней мѣрѣ равнодушнымъ зрителемъ борьбы русскаго элемента съ польскимъ и дождалось бы, пока русскій народъ обратится къ нему съ просьбою избавить отъ Польши и принять подъ свою защиту и власть. Такъ и поступила Россія во времена Алексѣя Михайловича и Хмельницкаго и этотъ образъ дѣйствій вполне оправданъ и исторіей и современною жизнью. Въ областяхъ, присоединенныхъ въ то время къ Россіи, мы теперь не знаемъ никакихъ Польскихъ волненій, и

сколько нибудь благоразумные Поляки не дозволяютъ себѣ прости- рать свои притязанія на нихъ. Но Екатерина поступила иначе. Она и все тогдашнее русское общество слишкомъ были удалены и отъ старыхъ русскихъ преданій и отъ русскаго народа. Гайда- мацкое движеніе было задавлено русскими войсками. Гибель Польш- и опять была искусственно отсрочена. Западно-русскій народъ по прежнему остался подъ игомъ, самымъ ужаснымъ» ¹⁾. Тотъ-же взглядъ выраженъ и въ рассматриваемомъ нами сочиненіи. «Украина не желала сдѣлать ни бунтъ, ни рѣзню, о которыхъ въ дѣйстви- тельности и не думала; а желала сдѣлать то великое историческое дѣло, за которое такъ достойно возвеличивается Богданъ Хмель- ницкій. Украина желала, вмѣстѣ съ православіемъ, возстановить свое народное единеніе съ Россією, въ чемъ ей такъ *безжалостно* и такъ *домо* отказывала *запутанная* тогдашняя дипломатія (стр. 255)».

Мы привели эти довольно обширныя выписки для того, чтобы яснѣе показать ту мысль, которую желалъ выразить авторъ раз- сматриваемаго нами сочиненія и съ которою, не смотря на все ува- женіе къ его труду, согласиться не можемъ. Едва-ли возможно сравнивать между собою такія происшествія, какъ возстаніе всего малороссійскаго народа подъ предводительствомъ Богдана Хмель- ницкаго, и Уманьскую смуту, и тѣмъ болѣе считать ее продолженіемъ *великаго историческаго дѣла*, имъ начатаго. Дѣйствительно, побуди- тельная причина обоихъ происшествій была одна и таже, т. е. же- ланіе избавиться отъ польскаго ига и спасти свое вѣроисповѣданіе отъ латинскаго фанатизма, соединенаго со всѣми видами насилія и обмана. Но происшествіе получаетъ значеніе не по однимъ вы- звавшимъ его причинамъ и не потому, желали или не желали его нѣкоторые изъ той среды, гдѣ оно случилось, но по собственнымъ своимъ свойствамъ. Рѣзня, произведенная гайдамаками, обливавшая кровью Украину, и неистовый грабежъ, съ такими предводителями какъ Железнякъ и Гонта и имъ подобные, не могли имѣть ничего общаго съ возстаніемъ Малороссіи при Богданѣ Хмельницкомъ. Россія не могла отнестись одинаково къ тому и другому происше- ствіямъ и притомъ она находилась совершенно въ различныхъ поло- женіяхъ при томъ и другомъ случаяхъ. Московское правительство временъ царя Алексѣя Михайловича могло оставаться «равнодуш- нымъ зрителемъ борьбы русскаго элемента съ Польскимъ» и вы- жидать послѣдствій; его войска не вступали въ границы Малорос-

---

¹⁾ Документы, стр. CXLIV — CXLVIII.

снѣ до тѣхъ поръ, пока торжественнымъ актомъ она не выразила желанія присоединиться къ Московскому государству. Между тѣмъ во время Уманской смуты Русскія войска находились въ предѣлахъ Польши и тамъ, гдѣ она разразилась. Могли-ли они оставаться равнодушными зрителями? Они были введены съ тою цѣлью, чтобы усмирить Барскихъ конфедератовъ, поддержать «тишину и спокойствіе» въ Польшѣ для того, чтобы успѣшнѣе дѣйствовать на Польское правительство и принудить его признать права диссидентовъ. При такомъ положеніи дѣла очевидно имъ оставалось выбирать одно изъ двухъ: дѣйствовать за одно съ гайдамаками и содѣйствовать ихъ *нестовствамъ*, или дѣйствовать противъ нихъ. Едва ли могло возникать и сомнѣніе въ томъ, на что они рѣшатся, не дожидаясь даже высочайшаго повелѣнія, потому что въ такихъ крайнихъ обстоятельствахъ всякое замедленіе въ дѣйствіяхъ могло повести къ опаснымъ послѣдствіямъ. Что ихъ дѣйствія согласовались и съ видами высшаго правительства — служить доказательствомъ манифесту императрицы Екатерины 9 іюля, который одобрялъ ихъ дѣйствія и называлъ гайдамаковъ «прямыми разбойниками, злодѣями и возмутителями народной тишины». Притомъ они прямо вытекали изъ наставленій, первоначально имъ данныхъ о поддержаніи тишины и спокойствія въ предѣлахъ Польши.

Но сверхъ того были и другія причины, побуждавшія ихъ дѣйствовать противъ гайдамаковъ. «Имѣю вамъ сказать, писалъ кн. Репнинъ Кречетникову, что начиная ласково (дѣйствовать на гайдамаковъ), наконецъ если они того не послушаются, захотятъ распространить свой огонь и во внутрь страны ворваться; то сего конечно не допускать, хотя бы и силу противъ онаго употребить. Все что разрушаетъ здѣсь спокойствіе, намъ вредно... Сверхъ того говорить, что *наши Запорожцы* тутъ есть; хотя и не одного еще изъ нихъ не поймали, однакожъ въ такомъ случаѣ надлежитъ вамъ необходимо къ нимъ послать и сказать, чтобы они конечно, ни мало не задерживаясь, возвратились въ свои дома, а инако будутъ безъ всякаго милосердія и прощенія наказаны, какъ злодѣи и разбойники, которое и дѣйствительно чинить надлежитъ, забирая ихъ подъ караулъ, хотя силою, если они противиться осмѣлятся»¹⁾. До полученія еще этого письма Кречетниковъ уже зналъ, съ кѣмъ придется ему имѣть дѣло, и послушаются ли гайдамаки мирныхъ увѣщаній. Чтобы узнать это, стоило только встрѣтиться съ ними,

¹⁾ Письмо 30 Іюня изъ Варшавы.

и это выпало на долю его передоваго отряда подъ начальствомъ Кологривова, который въ первой же шайкѣ захватилъ 25 человекъ запорожцевъ, потомъ подъ Уманью 65. Генераль-майоръ Подгорининъ захватилъ 33 запорожца, а 17 сами ему отдались. Могла ли Россія допустить участіе своихъ подданныхъ въ разбойничьихъ шайкахъ, неистовавшихъ въ Польшѣ?

Турція искала только поводовъ въ то время, чтобы объявить войну Россіи; Барскіе конфедераты постоянно просили у ней помощи, Франція побуждала ее оказать имъ помощь и сама намѣревалась помочь. Гайдамаки, преслѣдуя Поляковъ и жидовъ, врывались въ предѣлы Турціи и такимъ образомъ давали ей этотъ поводъ, потому что въ ихъ числѣ было много запорожцевъ и притомъ они заявляли, что дѣйствуютъ по *повелѣнію русской императрицы*.

Этого одного обстоятельства уже достаточно было для того, чтобы вооруженною рукою прекратить ихъ дѣйствія. Какъ ни темно до сихъ поръ происхожденіе этого подложнаго манифеста Екатерины, *золотой грамоты*; однако что она существовала дѣйствительно и предписывала гайдамакамъ «рѣзать Ляховъ и жидовъ», это не можетъ подлежать сомнѣнію¹⁾.

Позволяемъ себѣ думать, что изложенныхъ обстоятельствъ совершенно достаточно для того, чтобы убѣдиться, что русскіе люди, стоявшіе во главѣ нашихъ войскъ, находившихся въ Польшѣ, дѣйствовали такъ, какъ и должны были дѣйствовать, оберегая честь и достоинство Россіи. Если ихъ взглядъ на дѣло совпалъ въ этомъ случаѣ со взглядомъ Поляковъ, то вѣроятно потому, что само происшествіе было таково, что не могло возбуждать различныхъ взглядовъ. Безъ сомнѣнія нельзя не пожалѣть, что это помогло Полякамъ, подъ видомъ наказанія мятежниковъ, вмѣстѣ съ тѣмъ продолжать и даже усиливать гоненіе на православныхъ. Но, неужели возможно обвинять въ этомъ случаѣ Россію и ея политику? Авторъ разсматриваемаго нами сочиненія говоритъ, что Малороссіяне постоянно желали присоединиться къ Россіи; но не всѣ, прибавимъ мы. Трудно усмотрѣть это желаніе въ Дорошенкѣ, Хопенкѣ, Сѣрко, Юріѣ Хмельницкомъ, Гоголѣ, Куницѣ, Драгиничѣ, Самусѣ и тому подобныхъ украинскихъ гетманахъ подъ рукою Польскихъ королей и Турецкихъ султановъ, со всѣми ихъ приверженцами. Между тѣмъ они составляли силу и эта-та сила замедляла присоединеніе Малороссіи къ Россіи и подвергала православіе

¹⁾ Документы изд. Арх. Комисс. 1865, предисл. стр. СХСѢ — ССІІ.

опасности уничтоженія въ предѣлахъ Польши. Точно такой-же опасности подвергали его и разбой гайдамаковъ и препятствовали Россіи дѣйствовать въ его пользу, а не *запутанная тогдашняя дипломатія*. Такого упрека едва-ли заслуживаетъ политика великой Екатерины въ отношеніи къ вопросу о дисидентахъ въ Польшѣ. Эта политика не отступала отъ «старыхъ русскихъ преданій», держалась на началахъ, ясно опредѣленныхъ, и послѣдовательно примѣняла ихъ на дѣлѣ, соображаясь притомъ съ обстоятельствами. Мы не можемъ при этомъ случаѣ войти въ подробное разсмотрѣніе этой политики, что завело бы насъ слишкомъ далеко; но, указавъ на прекрасное сочиненіе С. М. Соловьева «Исторія паденія Польши», позволимъ себѣ только въ общихъ чертахъ выразить главныя ея начала.

IV.

Старая Россія завѣщала новой не только право ходатайствовать за своихъ единовѣрцевъ, находившихся въ предѣлахъ Польскаго королевства, но и требовать, на основаніи договора 1686-го года, чтобы Польское правительство не нарушало дарованныхъ имъ правъ. Петръ Великій, занятый войнами съ Шведами и Турками, нуждался въ мирныхъ отношеніяхъ Польскаго королевства къ Россіи и не могъ усиленно настаивать на исполненіи принятыхъ имъ на себя обязанностей. Но тѣмъ не менѣе договору 1686 г. въ его время придана еще большая обязательная сила для Рѣчи Посполитой, внесеніемъ его въ конституціи королевства. Постоянныя, непрерывныя жалобы православныхъ подданныхъ Польши на угнетенія напоминали его преемникамъ о ихъ правѣ требовать отъ Польскаго правительства огражденія ихъ правъ. Они и требовали; но ихъ требованія не производили никакого дѣйствія: Польское правительство, шляхество и духовенство, поощряемая Римскимъ дворомъ, усиленно продолжали дѣло истребленія православія въ предѣлахъ Польскаго королевства. Съ возшествіемъ на престолъ императрицы Екатерины этотъ вопросъ, нисколько не измѣняясь въ сущности, принялъ такіе размѣры, какихъ не достигалъ прежде: онъ сдѣлался вопросомъ вообще о дисидентахъ, и требованія въ этомъ случаѣ Россіи поддерживались сѣверными державами, Англією, Швецією, Данією и Пруссією. Притомъ, онъ былъ поставленъ рѣшительно. «Мы не можемъ и не хотимъ, писалъ гр. Панинъ кн. Репнину, 12 февраля 1765 г., оставлять Польскія дѣла совсѣмъ оконченными, пока

не сдѣлано будетъ справедливое поправленіе состоянію тамошнихъ диссидентовъ, хотя-бы то и самой *вооруженной* негоціаціи требовало».

Такая постановка вопроса не ускользнула отъ вниманія Римскаго двора. Папа Климентъ XIII еще въ декабрѣ 1767 г. предписалъ всеобщія торжественныя молебствія за латинскую церковь въ Польшѣ, которой угрожаетъ великое бѣдствіе. Узнавъ въ слѣдующемъ году о постановленіяхъ о диссидентахъ, принятыхъ сеймомъ, онъ разослалъ окружное посланіе къ Польскому духовенству, предписывая противодѣйствовать ихъ исполненію. «Съ невыразимою грустью узналъ я, писалъ папа, что это государство приняло на себя безбожныя обязательства, въ которыхъ нечестіе смѣшало истину съ ложью, животворный свѣтъ съ смертною тьмою, чтобы вѣрнѣе погубить народъ, разрушивъ его святыню» ¹⁾. Папа Климентъ XIV, едва вступилъ на папскій престолъ, какъ поручилъ своему нунцію въ Варшавѣ разослать ко всѣмъ епископамъ Польши новое окружное посланіе такого же содержанія, какъ и его предшественникъ. Въ то же время онъ писалъ королю: «мы думаемъ, что принятая мною мѣра будетъ для васъ полезна и пріятна; она пособитъ вашимъ подданнымъ тѣснѣ соединиться съ вами, чтобы исправить тѣ бѣдствія, которыя причинили постановленія послѣдняго сейма. Мы увѣрены, что нашъ нунцій будетъ ревностно содѣйствовать вашимъ видамъ, и епископы, которые и такъ хорошо настроены, еще болѣе усилятъ свое содѣйствіе вамъ, когда узнаютъ, что этого требуетъ благо религіи и что таково наше желаніе». Онъ возбуждалъ всѣ державы латинскія по исповѣданію помочь Польшѣ и противодѣйствовать видамъ Россіи, его нунцій въ Варшавѣ поощрялъ Барскихъ конфедератовъ ²⁾. Вліяніе Римскаго двора возбуждало фанатизмъ Польскаго духовенства и шляхетства и усиливало ненависть противъ Россіи. «Я не могу довольно изобразить, писалъ кн. Репнинъ гр. Панину 5 августа 1767 г., сколь заражена здѣшняя надія суевѣріемъ и фанатизмомъ закона, и думаю, что не могло то въ сильнѣйшемъ градусѣ быть и во время самыхъ крозадовъ». Польское правительство не только не думало исполнять принятыхъ на себя обязательствъ въ отношеніи къ диссидентамъ, но усиленно преслѣдовало православныхъ и обращало ихъ

---

¹⁾ Theiner. Die neuesten Zustände der katholisch. Kirche in Russland. 1841, стр. 208 и слѣд. Documenta № XXI.

²⁾ Theiner. Clementis XIV Epistolae et brevia. №№ 124, 174, 196, 196, 197 — 200, 209, 212 — 220.

въ унию, пользуясь затруднительнымъ положеніемъ, въ которомъ находилась Россія въ то время.

Нападенія, произведенныя гайдамаками на Балту, дали поводъ Туркамъ объявить войну Россіи. Вслѣдъ за Турецкою войною началась и война съ Шведами. При такихъ обстоятельствахъ, ведя двѣ войны, Россія не могла настойчиво вести свои дѣла въ Польшѣ и, наставляя постоянно на своихъ требованіяхъ, принуждена была однакоже выжидать, не прибѣгая къ рѣшительнымъ мѣрамъ. «Я нахожу нужнымъ, писала императрица Екатерина Штакельбергу 7 февр. 1790 г., чтобы вы по настоящимъ дѣламъ удержались отъ всякихъ на письмѣ декларацій, потому что я для пользы службы моей считаю на *нынѣшнее время* сходнѣе спокойно смотрѣть на неистовства Поляковъ, въ собственной ихъ вредъ обратиться могуція, нежели ускорять дальнія безпокойства». Давая наставленія Булгакову, въ этомъ же году назначенному посломъ въ Варшаву на мѣсто Штакельберга, она писала ему, 25 сентября: «теперь имѣю вамъ предписать не иное что, какъ только, чтобы вы продолжали тихимъ, скромнымъ и ласковымъ обхожденіемъ привлекать къ себѣ умовъ, пока нашъ миръ съ Турками заключенъ будетъ. Друзей нашихъ обнадежьте, что преданность ихъ къ намъ не останется безъ признанья, но къ сему еще время не настало».

Въ мысли императрицы первоначально вовсе не входило намѣреніе уничтожить Польшу. Узнавъ о проектѣ Потоцкаго о присоединеніи Польши къ Пруссіи, она писала Булгакову: «когда за нѣсколько лѣтъ у нѣкоторыхъ Поляковъ приходила мысль о соединеніи Россіи съ Польшею, тогда отъ насъ сей планъ оставленъ былъ въ молчаніи; понеже мы взирали на Польшу, яко на державу, посрединѣ четырехъ сильнѣйшихъ находящуюся и служащую преградою отъ многихъ сосѣдственныхъ раздоровъ. Сію преграду сохранить елико возможно болѣе мы пеклись и донныѣ пещись будемъ; дондеже злостныя затѣи враговъ нашихъ и самой Польши насъ не принудятъ перемѣнить наше благое расположеніе объ ней». Польша и принудила перемѣнить это благое расположеніе, убѣдивъ окончательно, что не можетъ дать мирнаго существованія нашимъ единовѣрцамъ въ ея предѣлахъ и въ случаѣ настояній съ нашей стороны всегда готова стать на сторону нашихъ враговъ. Дѣйствія самой Польши вынудили Екатерину приступить къ политикѣ того (т. е. Фридриха великаго), кто, по ея словамъ, «заботился только о своей гордости и барышахъ, который вздумалъ сдѣлаться диктаторомъ Европы, а въ самомъ дѣлѣ лишь только что цѣплялъ на

Польскія посессіи и для того заводилъ ихъ въ хлопоты и отдаленіе отъ насъ, яко державы, которая одна ему препятствовала своею неутомимой твердостію выполнять его намѣренія» писала она Булгакову 25 сентября 1790 г.

Не соглашаясь съ нѣкоторыми взглядами на происшествія ученаго автора рассматриваемаго нами сочиненія, мы тѣмъ не менѣе не можемъ не отдать полной справедливости его добросовѣстному труду, составляющему значительный вкладъ въ нашу ученую литературу. Взгляды могутъ быть различны, могутъ измѣняться при большемъ и большемъ накопленіи матеріаловъ и изученіи предмета; а разработка многочисленныхъ источниковъ, разнородныхъ и противурѣчивыхъ, и подробное изложеніе событій, о которыхъ до сихъ поръ встрѣчались только немногія, частныя указанія, послужать твердымъ основаніемъ для дальнѣйшихъ историческихъ трудовъ. Поэтому мы считаемъ долгомъ просить Академію наукъ, чтобы она благосклонно отнеслась къ новому сочиненію М. О. Кояловича и удостоила его преміи.

II.

«Сборникъ намятниковъ, относящихся до книгопечатанія въ Россіи».
Выпускъ первый. Текстъ В. Е. Румянцова. Москва, въ синодальной
типографіи. 1872.

Рецензія Акад. А. Θ. Бичкова.

Исполнившееся 1-го марта 1864 года трехсотлѣтіе со времени выхода въ свѣтъ первой печатной книги, именно Апостола, изъ Московской типографіи, существующей и доселѣ подъ именемъ синодальной, вызвало изданіе, котораго заглавіе выписано выше.

Объяснить исторію книгопечатнаго дѣла въ Россіи, и вмѣстѣ съ тѣмъ показать современное его состояніе въ Московской синодальной типографіи, — вотъ задача, разрѣшить которую въ этомъ изданіи принялъ на себя В. Е. Румянцовъ, уже до этого сообщившій нѣсколько любопытныхъ и новыхъ свѣдѣній о древнихъ зданіяхъ Московскаго печатнаго двора.

Въ исторіи Московскаго книгопечатанія возстановленіе его въ 1613 году, при царѣ Михаилѣ Ѳеодоровичѣ ¹⁾, послѣ сожженія въ 1611 году Поляками печатнаго дома и всѣхъ принадлежностей печатнаго дѣла, и введеніе при Петрѣ Великомъ гражданскаго шрифта составляютъ безспорно весьма знаменательныя событія, которыя въ ней могутъ до нѣкоторой степени служить гранями.

---

¹⁾ Въ послѣсловіи къ Псалтирю, оконченному печатаніемъ 6-го января 1615 года Аникитою Ѳеодоровымъ Фофановымъ, читаемъ «..... Благочестивый же государь царь и великій князь Михайло Ѳеодоровичъ, всея Россіи самодержецъ,..... подвигъ немагъ о благочестіи показуя, многія же божественныя церкви повсюду устроая и всякими пречудными лѣпотами велегѣшне украшая, и сими богодохновенными священными писаніи,..... свое царское безчисленное сокровище во устроеніе всякоя святыни изобилию простирая, въ первое лѣто благочестивыя державы своея, и повелѣтъ строити трудолюбное сіе преславное дѣло, новую штабу, сирѣчь печатныхъ книгъ дѣло,

Вышедшій нынѣ первый выпускъ Сборника памятниковъ, относящихся до книгопечатанія въ Россіи, излагаетъ исторію Московскаго книгопечатанія съ основанія въ 1553 году Московскаго печатнаго двора до совершеннаго разоренія его въ смутное время, и дѣлится на слѣдующіе шесть отдѣловъ: а) Учрежденіе печатнаго двора въ Москвѣ; б) Московскіе первопечатники; в) первыя Московскія изданія; г) распространеніе книгопечатанія на юго-западѣ Россіи; д) книгопечатаніе въ Москвѣ до Литовскаго нашествія и е) библиографическія свѣдѣнія объ изданіяхъ Московскаго печатнаго двора со времени его основанія до Литовскаго разоренія.

Исторія книгопечатанія въ южно-славянскихъ земляхъ, послѣ словія къ печатнымъ книгамъ, выходявшимъ изъ Московской и другихъ русскихъ типографій, наконецъ два поясняющія исторію Московскаго книгопечатанія сказанія «О воображеніи книгъ печатнаго дѣла», находящіяся въ одномъ изъ сборниковъ синодальной бібліотеки, являются до сихъ поръ главными матеріалами для изслѣдованія о началѣ и развитіи книгопечатанія въ Россіи. Всѣ же другіе матеріалы, впрочемъ числомъ весьма ограниченныя, особенно для періода времени съ 1553 по 1611 годъ, имѣютъ второстепенное значеніе и служатъ иногда лишь къ поясненію главныхъ фактовъ. Послѣ трудовъ митрополита Евгенія, Сопикова, Снегирева и особенно П. М. Строева едва ли можно современному изслѣдователю, если только онъ случайно не откроетъ неизвѣстныя данныя, сказать что либо новое объ исторіи книгопечатанія въ Россіи; но на немъ лежитъ обязанность отнестись критически къ трудамъ своихъ предшественниковъ и, очистивъ прежнее отъ невѣрностей или бездоказательныхъ предположеній, изложить въ стройномъ цѣломъ все добытое наукою до послѣдняго времени. Такой трудъ предпринять г. Румянцовымъ.

Приступая къ изложенію исторіи книгопечатанія въ Россіи,

еже бы божественныя книги печатнымъ тисненіемъ предложить, якоже соборная апостольская церковь приемише содержать; снискателя же преславнаго сего печатнаго дѣла и дѣлателей призоубило своими царскими уроки повсегда удоволяя, и домъ превеликъ устроить повелѣ, въ немъ же трудолюбному сему книжного писанія печатнаго дѣла совершатися во общую духовную позу благочестивому царствію его и всему христоименитому законному исполненію. И первѣе повелѣ напечатати печатнымъ тисненіемъ, имени Господня прехвалныя и громогласныя десятиструнныя гусли, избранную отъ святыхъ книгъ Ветхаго завѣта, глаголемую Псалтырь блаженнаго Давыда пророка и царя.....».

нельзя прежде всего не остановиться на разрѣшеніи вопроса: отъ чего наше отечество такъ долго не воспользовалось изобрѣтеніемъ Гутенберга, Фауста и Шефера и отъ чего печатаніе Славянскихъ книгъ, начавшееся въ послѣднихъ годахъ XV столѣтія въ Краковѣ (въ 1491 году), Венеціи (въ 1493 году) и Цетиньѣ (въ 1495 году), а въ началѣ XVI столѣтія во многихъ другихъ городахъ, и между прочимъ въ Вильнѣ (въ 1525 году), утвердилось въ Москвѣ только въ 1563 году и всѣ попытки къ введенію здѣсь книгопечатанія ранѣе этого времени оставались безплодными? Если нельзя вполнѣ согласиться съ высказанною г. Румянцовымъ мыслью будто въ эпоху, ознаменованную появленіемъ и быстрымъ распространеніемъ книгопечатанія въ Европѣ, «спросъ на книги (т. е. на рукописи) сталъ усиливаться и въ велико-русскомъ мірѣ», — такъ какъ видимое съ этого времени увеличеніе числа сборниковъ и списковъ съ свято-отеческихъ и другихъ сочиненій доказываетъ лишь только то, что отъ этого времени дошло до насъ гораздо болѣе рукописей, чѣмъ отъ XIV-го и первой половины XV вѣка, — то въ то же время слѣдуетъ признать совершенно справедливымъ данное г. Румянцовымъ объясненіе этому непонятному съ перваго взгляда равнодушію: Онъ находитъ, что замедленіе при введеніи въ Москвѣ книгопечатанія находилось въ прямой зависимости «отъ необыкновеннаго изстари развитія въ Россіи книгописной дѣятельности, благодаря которому долгое время не слишкомъ былъ ощутителенъ недостатокъ въ типографскихъ станкахъ».

Дѣйствительно, значительная масса переписчиковъ, а также монастыри, гдѣ занимались снятіемъ списковъ съ рукописей, должны были дѣйствовать и дѣйствовали всѣми-зависящими отъ нихъ средствами противъ книгопечатанія. Если къ этому присоединить завистливую политику Ганзы и Ливонскаго ордена, старавшихся всѣми мѣрами не допускать къ намъ мастеровъ и художниковъ, въ томъ числѣ и типографщиковъ, и боязнь духовенства, чтобы печать, воспользовавшись для оригинала неисправными рукописями, не узаконила встрѣчавшихся въ нихъ бессмысленныхъ описокъ, которыя могли бы породить разныя ереси, то становится понятнымъ отъ чего книгопечатаніе запоздало своимъ появленіемъ въ Великороссіи. Быть можетъ, оно еще и долго не появилось бы въ Москвѣ, если бы не увеличивали съ каждымъ днемъ невѣжественныя писцы массу ошибокъ въ текстѣ рукописей, не смотря на довольно строгія мѣры, принятія Стоглавымъ соборомъ противъ этого, и если бы Максимъ Грекъ не посовѣтовалъ царю Іоанну IV

Васильевичу охранить отъ порчи источникъ вѣры посредствомъ печати, такъ какъ, занимаясь исправленіемъ богослужебныхъ книгъ, онъ обнаружилъ въ нихъ много неисправностей даже противъ догматовъ вѣры. Все это рѣшило царя завести типографію, и онъ въ этомъ дѣлѣ нашелъ себѣ ревностнаго пособника въ лицѣ митрополита Макарія.

Такимъ образомъ въ 1553 году положено было приступить къ постройкѣ для книгопечатни особаго дома и къ приисканію мастеровъ печатнаго дѣла.

Гдѣ построенъ былъ печатный дворъ? Г. Румянцовъ, на основаніи разныхъ свидѣтельствъ и своихъ ученыхъ розысканій, положительно доказываетъ, что онъ былъ построенъ на Никольской улицѣ, одной изъ знатнѣйшихъ въ Москвѣ, и утверждаетъ, что этотъ дворъ со временъ Іоанна постоянно находился на одномъ и томъ же мѣстѣ, на которомъ онъ подъ именемъ синодальной типографіи существуетъ и теперь. Вмѣстѣ съ типографіею, на томъ же печатномъ дворѣ была учреждена справная палата, въ которой занимались книжнымъ исправленіемъ представители тогдашней учености и при которой было устроено богатое книгохранилище.

По разрѣшеніи вопроса о мѣстѣ, на которомъ былъ построенъ печатный дворъ, г. Румянцовъ переходитъ къ розысканіямъ о Московскихъ первопечатникахъ и о лицахъ, которыя ихъ могли познакомить съ печатнымъ дѣломъ. Главнымъ строителемъ книгопечатанія въ Москвѣ является діаконъ кремлевской церкви Николы Гостунскаго Иванъ Ѳеодоровъ, уроженецъ города Москвы или ея окрестностей ¹⁾, а его пособникомъ — Петръ Тимошеевъ Мстиславецъ, уроженецъ г. Мстиславля, какъ это показываетъ прибавленное къ имени названіе.

Доказавъ совершенно вѣрно, что впрочемъ сдѣлано ранѣе нашего автора С. М. Соловьевымъ, несостоятельность господствовавшего въ нашей литературѣ мнѣнія, будто учителемъ московскихъ первопечатниковъ и главнымъ руководителемъ при устройствѣ первой великорусской типографіи былъ Гансъ Миссенгеймъ или Гансъ Богбиндеръ, Датчанинъ, подъ надзоромъ котораго и изданъ первопечатный Апостолъ, и доказавъ, что вся честь устройства типогра-

---

¹⁾ Это предположеніе К. Ѳ. Калайдовича основано на названіи Москвитинъ, которое Иванъ Ѳеодоровъ придавалъ себѣ въ своихъ заграничныхъ изданіяхъ. Снегиревъ считалъ его уроженцемъ села Гостуни, на рѣчкѣ Гостунѣ, въ Лихвинскомъ уѣздѣ, но безъ всякаго достаточнаго основанія.

Г. Румянцовъ раздѣлил на три группы все довольно значительное число указанныхъ въ выпискѣ и найденныхъ имъ самимъ разностей въ текстѣ первопечатнаго Апостола съ другими.

Къ первой онъ отнесъ мѣста, въ которыхъ слова и реченія несогласны съ принятыми въ нынѣшнемъ текстѣ или и совсѣмъ изъ него исключены, съ указаніемъ тѣхъ мѣстъ, которыя въ Острожской Библии исправлены сходно съ нынѣшнимъ текстомъ.

Во вторую группу онъ помѣстилъ слова и реченія, встрѣчающіяся только въ первопечатномъ Апостолѣ и которыхъ Іоакимовскіе справщики не нашли въ имѣвшихся у нихъ рукописяхъ и печатныхъ изданіяхъ. Наконецъ, третью группу образовали мѣста первопечатнаго Апостола, въ которыхъ противъ бумажныхъ списковъ встрѣчаются новыя исправленія какъ въ чтеніяхъ греческаго текста, такъ и въ переводѣ. На основаніи такого сличенія, которое нельзя не признать весьма цѣннымъ вкладомъ со стороны г. Румянцова для исторіи славянскаго текста Апостола и которое даетъ точное понятіе какъ о недостаткахъ и достоинствахъ текста первопечатнаго Апостола, такъ и объ его отношеніи къ тексту древнѣйшихъ и современныхъ ему рукописныхъ Апостоловъ, а также къ Острожскому и нынѣшнему печатнымъ, авторъ изслѣдованія дѣлаетъ слѣдующій выводъ: «принадлежатъ къ фамиліи бумажныхъ списковъ, первопечатный текстъ въ тоже время является самостоятельнымъ, и не только тамъ, гдѣ онъ представляетъ другія чтенія или другой переводъ противъ списковъ, но и въ самыхъ заимствованіяхъ своихъ изъ рукописей. Эти заимствованія дѣлаются въ немъ иногда изъ бумажныхъ, иногда изъ харатейныхъ списковъ, иногда изъ древняго перевода, сохранившагося въ синодальныхъ Толковыхъ Апостолахъ. Вообще видно, что издатели первопечатнаго Апостола имѣли подъ руками немало славянскихъ списковъ разныхъ переводовъ или редакцій. Руководствуясь этими списками, а иногда по видимому и собственнымъ разумѣніемъ, они внесли въ текстъ бумажныхъ списковъ, бывшій въ то время во всеобщемъ употребленіи, весьма много новыхъ исправленій. Исправленія эти, если не вездѣ, то по крайней мѣрѣ въ большей части случаевъ, сдѣланы были удачно и вообще болѣе всѣхъ извѣстныхъ намъ списковъ приблизили славянскій апостольскій текстъ къ принятому нынѣ».

Этотъ окончательный выводъ, основанный на данныхъ неопровержимыхъ, въ большей части случаевъ подкрѣпляется сдѣланнымъ мною сличеніемъ приведенныхъ г. Румянцовымъ мѣстъ

съ текстомъ хранящагося въ Императорской Публичной Библіотекѣ пергаментнаго Апостола XIII вѣка и съ текстами Апостоловъ, напечатанныхъ ранѣе Московскаго первопечатнаго, именно Вилецкаго 1525 года и Терговицскаго 1547 года. Текстъ первопечатнаго Апостола повторялся въ Московскихъ изданіяхъ до 1679 года почти безъ всякихъ измѣненій. Въ этомъ году онъ былъ значительно исправленъ, какъ это можно видѣть изъ «ковычнаго» или корректурнаго экземпляра Апостола, испещреннаго по полямъ заѣтками справщиковъ, обращавшихся, вопреки мнѣнію нѣкоторыхъ ученыхъ, для исправленій даже и къ греческому подлиннику.

Послѣ замѣчаній о языкѣ первопечатнаго Апостола и его орфографіи, при чемъ передано нѣсколько любопытныхъ наблюденій, и послѣ краткаго описанія Часовника — второй книги, напечатанной Ѳедоровымъ и Тимоѣевымъ въ Москвѣ, г. Румянцовъ сообщаетъ свѣдѣнія о томъ, какимъ образомъ и при какихъ обстоятельствахъ книгопечатаніе перешло изъ Москвы на юго-западъ Россіи и тамъ распространилось.

Зависть, ненависть, злонамѣренность и невѣжество, какъ духовныхъ, такъ и свѣтскихъ лицъ, соединились вмѣстѣ противъ нашихъ первопечатниковъ и они, спасая свободу и жизнь, должны были покинуть Москву и искать убѣжища въ Литвѣ¹⁾. Судьба нашихъ первопечатниковъ, которымъ теперь позднее потомство воздаетъ достойное чествованіе, заслуживаетъ полнаго сожалѣнія. Іоаннъ Ѳедоровъ, котораго Карамзинъ называлъ типографщикомъ энтузіастомъ и который, какъ онъ самъ говоритъ о себѣ, не прилагалъ сердца къ богатствамъ, но охотнѣе рѣшался претерпѣвать всякія скорби и бѣды, чтобы «множае умножить слово Божіе и свидѣтельство Іисусъ Христово», скончался, послѣ многихъ скитаній, въ бѣдности, въ Львовѣ, въ 1583 году. Современники высказали весьма вѣрный взглядъ на его дѣятельность, вырѣзавъ на надгробной плитѣ, покрывшей его могилу, что онъ былъ «друкаръ книгъ предъ тымъ невиданныхъ». О Петрѣ Тимоѣевѣ Мстиславцѣ

---

¹⁾ Былъ ли сожженъ при этомъ бѣгствѣ книгопечатный домъ, какъ увѣряетъ Флетчеръ, и съ чѣмъ, какъ кажется, соглашается г. Румянцовъ (стр. 42), мы этого не видимъ ни изъ одного послѣсловія Ѳедорова и Тимоѣева. Вывезенные изъ Москвы пунсоны, украшенія и рамка, окружавшая въ Апостолѣ 1564 года изображеніе Евангелиста Луки, заставляютъ предполагать, что первопечатники, боясь послѣдствій обвиненія ихъ въ ереси, удалились изъ Москвы, забравъ съ собою все нужное для продолженія книгопечатнаго дѣла.

мы не имѣемъ никакихъ свѣдѣній, кромѣ того, что онъ, по просьбѣ Зарепкихъ и Мамоничей, устроилъ типографію въ Вильнѣ.

Прибытіемъ въ Литву людей свѣдущихъ въ типографскомъ дѣлѣ первый воспользовался гетманъ Григорей Ходкевичъ, приютившій ихъ у себя въ Забудовѣ и давшій имъ средства устроить типографію, изъ которой вышло въ 1569 году Евангеліе учительное. Изъ Забудова, или точнѣе изъ помѣстья, даннаго Ходкевичемъ Ѳедорову, сей послѣдній переселился въ Львовъ, и въ 1574 году изъ заведенной имъ тамъ типографіи выпустилъ Апостога; за тѣмъ мы его находимъ въ Острогѣ въ главѣ типографіи, устроенной знаменитымъ княземъ Константиномъ Острожскимъ; здѣсь онъ напечаталъ Новый Завѣтъ и Библию. Въ Вильнѣ въ домѣ Мамоничей была устроена, какъ мы сказали выше, типографія Петромъ Тимошеевымъ Мстиславцевымъ, напечатавшимъ въ 1575 году Евангеліе напрестольное, а въ слѣдующемъ году Псалтырь. Въ началѣ XVII столѣтія книгопечатни уже были устроены въ разныхъ мѣстахъ юго-западной Россіи: въ Стратинѣ, Дермани, Крилосѣ и Кіевѣ. Такимъ образомъ Московскіе первопечатники являются устроителями книгопечатнаго дѣла въ юго-западной Россіи, гдѣ оно вслѣдствіе возникшей борьбы съ латинствомъ и протестантствомъ было крайне необходимо.

Но и въ Москвѣ типографское дѣло съ бѣгствомъ Ѳедорова и Тимошеева продолжалось, хотя и съ большими перерывами. Въ 1568 году, два мастера, Никифоръ Тарасевъ и Невѣжа Тимошеевъ или Андроникъ Тимошеевъ Невѣжа, ученикъ Ѳедорова, составили *новую итаньбу* и напечатали Псалтырь Учебную полууставною азбукою, сходною съ тою, которая была устроена первопечатниками, а быть можетъ и тою самою, какъ утверждаетъ г. Румянцовъ. Послѣ этой Псалтыри въ теченіе 20 лѣтъ не было издано ни одной книги въ Москвѣ, едва ли не вслѣдствіе того, что царь Іоаннъ Васильевичъ, переселившись въ Александровскую слободу, перевелъ туда и типографію съ печатнымъ мастеромъ Андроникомъ Тимошеевымъ, который издалъ здѣсь только одну книгу, именно Псалтырь Учебную, вышедшую въ 1577 году. Такимъ образомъ при царѣ Іоаннѣ Васильевичѣ, сколько до сихъ поръ извѣстно, напечатано всего четыре книги ¹⁾. Г. Румянцовъ весьма справедливо

¹⁾ Нѣкоторые библиографы полагаютъ, что послѣ Апостола 1564 года было напечатано Евангеліе; но для подтвержденія этого предположенія до сихъ поръ не найдено никакихъ положительныхъ данныхъ. Евангеліе на сла-

объясняет такую малопроизводительность тѣмъ, что «книгопечатаніе во все это время не находило себѣ поддержки въ самомъ обществѣ, которое на первыхъ порахъ не поняло и не оцѣнило его просвѣтительнаго значенія». Съ учрежденіемъ патриаршества церковныя книги стали печататься въ Москвѣ непрерывно; типографскимъ дѣломъ завѣдывалъ съ 1587 года по 1602 вышепомянутый Андроникъ Тимоеевъ Невѣжа, который для издаваемыхъ имъ книгъ употреблялъ азбуку и орнаменты, имѣющіе большое сходство съ азбукою и украшеніями первопечатнаго Апостола. Съ 1603 года до Литовскаго нашествія печатнымъ мастеромъ въ Московской типографіи былъ сынъ Андроника Тимоеева, Иванъ Андрониковъ Невѣжинъ. Во всѣхъ его изданіяхъ мы видимъ тотъ же шрифтъ и тѣ же украшения, которыми пользовался его отецъ.

Кромѣ Ивана Невѣжина, печатали въ Москвѣ церковныя книги въ первое десятилѣтіе XVII столѣтія еще два мастера: Онисимъ Михайловъ Радшевскій, Волинецъ, и Аникита Ѳедоровъ Ѳофановъ, Псковитинъ. Оба они ввели новый шрифтъ: первый принесъ новую книгопечатную азбуку изъ Острога, ту самую, которою Петръ Тимоеевъ напечаталъ изданныя имъ въ Вильнѣ книги и которая перешла оттуда въ Острожскую типографію, а второй устроилъ самъ новую штаньбу, новую азбуку, нѣсколько крупнѣе первопечатной, которая, вмѣстѣ со всѣми другими, погибла во время смутъ. Въ періодъ времени до Литовскаго нашествія, а можетъ быть и нѣсколько позднѣе, г. Румянцевъ полагаетъ, что было напечатано въ Москвѣ напрестольное Евангеліе, безъ выхода, шрифтомъ помельче того, которымъ печаталъ книги Радшевскій, и съ украшениями, встрѣчающимися въ послѣдующихъ изданіяхъ Ѳофанова. Наше предположеніе объ этомъ Евангеліи мы уже высказали выше.

Въ 1611 году Поляки сожгли печатный дворъ. Сказанія говорятъ, что «печатный домъ и вся штаньба того печатнаго дѣла отъ тѣхъ враговъ и супостатъ разорися, и огнемъ пожжена бысть, и

вяскомъ и малороссійскомъ языкахъ, въ два столбца, напечатанное въ типографіи Тяпинскаго, какъ полагаютъ около 1580 года, съ ссылками на поляхъ «на Московское Евангеліе недавно друкованное», какъ будто подтверждало предположеніе о существованіи Евангелія, напечатаннаго при Іоаннѣ Грозномъ, но при ближайшемъ изслѣдованіи оказалось, что Евангеліе Тяпинскаго могло выйти изъ типографіи не ранѣе 1-й половины XVII столѣтія, такъ какъ всѣ находящіяся въ немъ ссылки относятся къ Московскому Евангелію 1627 года.

погибе до конца, и не осталась ничтоже такого орудія». Аникита Фофановъ съ нѣкоторыми изъ своихъ товарищей убѣжалъ въ Нижний Новгородъ, гдѣ, по свидѣтельству тѣхъ же Сказаній, онъ завелъ типографію и началъ печатать Псалтыри, Часовники и проч. Что въ то время типографія («штаньба со всякими снастями») находилась въ области Казанской или Нижегородской, это видно изъ расходной книги Печатнаго Приказа 1620 года. При восстановленіи типографіи штаньба эта была взята оттуда и привезена въ Москву, куда и Аникита Фофановъ, вскорѣ послѣ воцаренія Михаила Фёдоровича, былъ вызванъ и немедленно приступилъ здѣсь къ печатанію книгъ. Что касается печатныхъ мастеровъ Ивана Невѣжина и Радишевскаго, то они послѣ Литовскаго разоренія уже не являются на печатномъ дворѣ. Нижегородскія изданія Фофанова съ послѣсловіями, указывающими на время выхода и на мѣсто ихъ печатанія, не встрѣчаются въ нашихъ собраніяхъ, но въ нихъ находятся Часовники и Псалтыри безъ выходовъ, печать которыхъ болѣе или менѣе сходна съ Московскою до Литовскаго разоренія, не имѣя впрочемъ ея чистоты и изящества.

О печатномъ дворѣ за это время единственнымъ матеріаломъ является нѣсколько послѣсловій, изъ которыхъ мы узнаемъ, что въ царствованіе Годунова и Шуйскаго для помѣщенія типографскихъ мастерскихъ были выстроены «превеликіе» дома. Тѣ же послѣсловія сообщаютъ, что книгопечатаніе производилось иногда при Лжедмитріи и Шуйскомъ въ самомъ царскомъ дворцѣ.

Кромѣ техниковъ, при печатномъ дворѣ находились еще справщики, которымъ поручалось дѣло книжнаго исправленія. Значеніе справной или правильной палаты въ дѣлѣ исправленія текста священныхъ и богослужебныхъ книгъ болѣе или менѣе извѣстно, но на сколько лица въ ней занимавшіяся стояли высоко по своему образованію въ послѣдующее время, на столько они теперь мало удовлетворяли требованіямъ своего времени, хотя и ревностно заботились объ исправленіи книжномъ. Одно изъ этихъ справщиковъ, Троицкаго головщика Логина, патриархъ Филаретъ называетъ «воромъ и бражникомъ»; отсюда неудивительны грубыя погрѣшности, доходившія иногда до ересей, во множествѣ встрѣчаемыя въ книгахъ, напечатанныхъ въ то время.

Литовскимъ нашествіемъ г. Румянцовъ закончилъ первый выпускъ своего труда, къ которому онъ, кромѣ Докладной выписки, присоединилъ «Библиографическія свѣдѣнія объ изданіяхъ Московскаго печатнаго двора со времени его основанія до Литовскаго

разоренія» и 27 листовъ превосходно исполненныхъ снимковъ съ печатныхъ книгъ и съ Византійско-Русскихъ украшеній изъ рукописей (этимъ послѣднимъ отведенъ впрочемъ одинъ листъ).

Въ Библиографическихъ свѣдѣніяхъ помѣщено описаніе 31 книги, напечатанныхъ на Московскомъ печатномъ дворѣ въ періодъ времени съ 1564-го до 1611-го года. Въ числѣ описанныхъ книгъ Псалтырь 1591 года, Тріодъ Цвѣтоносная 1594 года, Евангеліе около 1605 года и Чиновникъ архіерейскаго священнослуженія 1610 г. извѣстны только по указанію Сопикова; Тріодъ Постная около 1592 года по каталогу графа Толстова и Чиновникъ архіерейскій священнаго служенія 1600 года по каталогу Демидова. Но изъ этого списка двѣ книги могутъ быть положительно исключены, именно: Евангеліе при Іовѣ Патріархѣ около 1605 года (№ 20), такъ какъ оно безъ всякаго сомнѣнія есть ничто иное, какъ напостольное Евангеліе (№ 22), начатое печатаніемъ по благословенію патріарха Іова въ 1605 году, и одинъ изъ двухъ Чиновниковъ архіерейскаго священнослуженія 1600 или 1610 года (№№ 15 и 28), такъ какъ въ двухъ изданіяхъ этой книги въ такой короткій промежутокъ времени не было никакой надобности. Слѣдуетъ еще замѣтить, что Псалтырь Учебная 1568 года (№ 3) имѣетъ, кромѣ изображенія Царя Давида, только 292 четвертки; что Тріодъ Постная, напечатанная вѣроятно въ 1592 году (№ 8), имѣетъ 396 полулистовъ¹⁾, и что неполный экземпляръ Часовника, оконченнаго печатаніемъ 9 января 1601 года (№ 16), находится также и въ Императорской Публичной Библіотекѣ.

Таблицы, приложенныя къ Сборнику памятниковъ, относящихся до книгопечатанія въ Россіи, исполнены превосходно и служатъ нагляднымъ пособіемъ къ изученію постепеннаго хода развитія у насъ типографскаго искусства. Выборъ помѣщеннаго на таблицахъ сдѣланъ искусно и съ большимъ знаніемъ дѣла. Изъ каждой книги заимствовано наиболѣе характерное, именно то, что отличаетъ ее отъ всѣхъ другихъ: гравюры, заставки, заглавныя буквы, вязь, цвѣтки и узлы. Сверхъ того на нѣсколькихъ таблицахъ заключаются данныя (снимки съ украшеній изъ Византійскихъ рукописей, съ изданій Виленскихъ и Острожскихъ), посредствомъ которыхъ каждому изслѣдователю легко опредѣлить степень вліянія иноземныхъ и Западно-Русскихъ типографій на Московскую.

¹⁾ Изъ двухъ имѣющихся въ Императорской Публичной Библіотекѣ экземпляровъ этой Тріоди Постной одинъ былъ данъ вкладомъ «лѣта 7104 (1595) году Ноября въ 11 день».

Выше, обративъ вниманіе на источники и матеріалы, которыми г. Румянцовъ могъ пользоваться для своего труда, я замѣтилъ, что, при отсутствіи новыхъ матеріаловъ, остается требовать отъ автора исторіи книгопечатанія въ Россіи лишь критическаго отношенія къ источникамъ и къ свѣдѣніямъ, которые были сообщены разными авторами, писавшими до него. Задачу эту г. Румянцовъ выполнилъ добросовѣстно, и изъ подъ его пера вышелъ трудъ стройный, не оставившій безъ вниманія и не пропустившій ни одного изъ данныхъ, до насъ дошедшихъ, и давшій новыя объясненія нѣкоторымъ фактамъ, — однимъ словомъ трудъ, по своимъ достоинствамъ далеко оставившій за собою всѣ предшествовавшіе. Но не въ этомъ только заключается значеніе разсмотрѣннаго мною труда г. Румянцова. Сдѣланное имъ подробное описаніе первопечатнаго Апостола и опредѣленіе отношенія его текста къ рукописнымъ и къ другимъ печатнымъ текстамъ Апостола составляютъ значительный вкладъ въ науку и даютъ ему справедливое право на меньшую награду, которое нисколько не могутъ уменьшить нѣкоторыя недомолвки и слишкомъ краткое описаніе прочихъ книгъ, вышедшихъ изъ Московской типографіи.

III.

«Очерки русской исторической географіи. Географія начальной лѣтописи». (Варшава. 1873), соч. Н. Барсова.

Рецензія профессора Е. Е. Замысловскаго.

При самомъ зарожденіи науки русской исторіи, въ началѣ XVIII ст., изслѣдователи не могли не обратить вниманіе и не остановиться на изученіи явленій, составляющихъ въ настоящее время предметъ особой отрасли знаній — исторической географіи. Въ теченіе этого столѣтія область ея вѣдѣнія значительно расширилась открытіемъ новыхъ источниковъ, сборниками матеріаловъ по исторіи мѣстной, изданіемъ путешествій по Россіи, въ которыхъ были собраны драгоцѣнныя данныя и по этнографіи, и по археологіи ¹⁾.

Не смотря однако на эти успѣхи, наша древняя географія, какъ самостоятельная отрасль историческаго вѣдѣнія, въ которой опредѣлились бы до извѣстной степени ея приемы и задачи, еще не существовала; въ историческихъ трудахъ XVIII в. произвольное словопроизводство было явленіемъ обычнымъ, мѣсто историческаго дѣйствія нерѣдко или оставалось совсѣмъ неопредѣленнымъ, или было опредѣляемо невѣрно; понятія о народности племенъ, вошедшихъ въ составъ русскаго государства, были не ясны и ошибочны. Отсюда понятно, почему не могло быть и яснаго представленія историческаго прошлаго ²⁾.

¹⁾ Много свѣдѣній о памятникахъ вещественныхъ сообщилъ между прочимъ академикъ Лепехинъ въ описаніи своего путешествія. Такъ онъ одинъ изъ первыхъ представилъ подробное описаніе болгарскихъ развалинъ. См. его «Дневн. записки», ч. I (С. Пб. 1771 г.), стр. 266 — 282.

²⁾ Изъ трудовъ XVIII в., имѣющихъ ближайшее отношеніе къ исторической географіи, замѣчательны: 1) Байера. Перечень его соч. см. въ «Ист.

Тому, кто это прошлое впервые сдѣлалъ доступнымъ пониманію большинства, принадлежитъ и важная заслуга въ дѣлѣ разработки предмета, нась занимающаго. Пользуясь географическими данными нашихъ письменныхъ памятниковъ на столько, на сколько эти данныя были необходимы для построения общей исторіи Россіи, Карамзинъ, не смотря на крайне неудовлетворительныя въ его время географическія пособія, избѣгъ тѣхъ произвольныхъ догадокъ и ошибокъ, въ которыя нерѣдко впадали его предшественники, и на основаніи его объясненій уже можно было составить вѣрную карту древней Россіи¹⁾.

Ак. Наукъ», т. I (С. Пб. 1870), стр. 194—196. О значеніи его соч. о Варягахъ см. въ «Рус. исторіи» К. Бестужева-Рюмина, т. I (С. Пб. 1872), стр. 90—92. 2) Татищева. Перечень его трудовъ по географіи Россіи см. въ соч. Н. Попова: «В. Н. Татищевъ и его время» (М. 1861), стр. 435—444. Татищевъ первый принялся за составленіе «Лексикона россійскаго, историческаго, географическаго, политическаго и гражданскаго», доведеннаго до буквы К. Въ этомъ лексиконѣ «есть нѣкоторыя свѣдѣнія, почерпнутыя изъ собственной жизни автора и его личныхъ наблюденій» (см. соч. Попова, стр. 444). О географическихъ изысканіяхъ его, помѣщенныхъ въ «Исторіи Россійс.» см. ст. С. М. Соловьева въ Арх. истор. юр. св., отн. до Россіи, кн. 2, пол. I. Стр. 26—33. Татищевъ — Печенѣговъ, Половцевъ и Торковъ причисляетъ къ Сарматамъ (стр. 28), Хозарь — къ Славянамъ, Бѣлою Русью называетъ Ростовско-Суздальскую область (стр. 30 и 31). 3) Миллера. Перечень трудовъ его см. въ «Ист. Ак. Наукъ», т. I. Имъ былъ изданъ съ «поправленіями и дополненіями» «Географическій лексиконъ рос. государства» составленный Ѳ. Полунинымъ въ 1773 г. (См. «Ист. Ак. Наукъ», т. I, стр. 421). «Извѣстіе о ландкартахъ, касающихся до рос. государства», влечат. въ Ежем. соч. 1761 г. (Исторія Ак. Наукъ, т. I, стр. 413) — по своему времени весьма замѣчательно.

Въ «Краткомъ руководствѣ къ географіи», изд. въ 1742 г. «не было ни слова о Россіи» (см. указанное выше соч. Попова, стр. 442).

Ломоносову принадлежитъ «превосходное замѣчаніе о составленіи народовъ» (см. указанную выше ст. С. М. Соловьева, стр. 43): «Сихъ народовъ, положившихъ по разной мѣрѣ участіе свое въ составленіи Россіянъ, должно пріобрѣсти обстоятельное, по возможности, знаніе, дабы увѣдать оныхъ древность, и сколь много ихъ дѣла до нашихъ предковъ и до насъ касаются. Разсуждая о разныхъ племенахъ, составившихъ Россію, никто не можетъ почесть ей въ уничтоженіе, ибо ни о единомъ языкѣ утвердить не возможно, чтобъ онъ сначала стоялъ самъ собою, безъ всякаго примѣшенія».

1) При опредѣленіи мѣстъ, упоминающихся въ «Повѣсти временныхъ лѣтъ», Карамзинъ пользовался книгою большаго чертежа (т. II, пр. 174), описаніемъ городовъ русскихъ (т. II, пр. 117: «Сей географическій отрывокъ достоинъ примѣчанія, хотя онъ писанъ уже въ то время, когда въ Москвѣ были каменные стѣны: слѣдственно не ранѣе XIV в.»). См. также т. II, пр. 192. Полн. Собр. русс. лѣт., т. VII, стр. 240—241. Объ этомъ же отрывкѣ см.

Около того же времени явились превосходныя, до настоящаго времени не утратившія своего значенія изслѣдованія Лерберга, приемы котораго въ изученіи вопросовъ историко-географическихъ до сихъ поръ остаются образцовыми.

Послѣ Карамзина изъ трудовъ по нашей древней географіи замѣчательны труды Н. С. Арцыбышева¹⁾ и въ особенности М. П. Погодина, Н. И. Надеждина и К. А. Неволина. Въ изслѣдованіи М. П. Погодина: «О городахъ и предѣлахъ древнихъ русскихъ княжествъ»²⁾, дополненномъ обстоятельными замѣчаніями Надеждина и Неволина, всѣ имена географическія, находящіяся въ нашихъ лѣтописяхъ съ 1054 до 1240 г., приведены въ порядкѣ хронологическомъ по княжествамъ. Уже одно это приведеніе ихъ въ систему, облегчившее пользованіе ими, составляетъ несомнѣнно важную заслугу.

Кромѣ того, г. Погодину вмѣстѣ съ Надеждинымъ и Неволинымъ удалось при помощи подробныхъ картъ Россіи Оппермана и Шуберта «опредѣлить много мѣстъ, оставшихся для Карамзина и Арцыбышева неизвѣстными»³⁾.

Два десятилѣтія, прошедшія со времени выхода въ свѣтъ упомянутаго сочиненія, ознаменованы важными явленіями въ нашей

въ разбираемомъ нами сочиненіи г. Барсова, стр. LIV, пр. 168), «польскими картами» (т. II, пр. 146), картою росс. государства, «сочиненною при Импер. Дено» (т. II, пр. 21). Считаемо не лишнимъ указать на нѣкоторые примѣчанія Карамзина: въ т. I, пр. 70 — опровергнуто мнѣніе Татищева и Миллера о томъ, что Вятичи были не Славяне, а Сарматы; въ пр. 78 опровергнуто мнѣніе Шлецера, считавшаго Емь Ижорцами; въ пр. 513 исправлена ошибка Байера, обратившаго имя Витичевъ въ Витебскъ; въ т. II, пр. 61 — «Шлецерь и другіе несправедливо говорятъ, что Русскіе узнали Самоѣдовъ только въ XV в.»; въ пр. 194 доказано, что Городецъ и Юрьевъ не одинъ городъ, какъ принималъ Татищевъ.

¹⁾ Первые два тома его соч. «Повѣствованіе о Россіи» вышли въ 1838 г. Онъ пользовался, кромѣ тѣхъ источниковъ и сочиненій, которые были у Карамзина, слѣдующими пособіями: соч. Михаила Маркова: «О городахъ и селеніяхъ въ Черниговской губерніи, упоминаемыхъ въ Несторовой лѣтописи, какъ они слѣдуютъ въ ней по порядку годовъ» (подъ посвященіемъ — 1814 г. См. у Арцыбышева, т. I, пр. 160); соч. Берлинскаго: «Краткое описаніе Кіева». С. Пб. 1820 (см. у Арцыбышева, т. I, пр. 124, 200). Между прочимъ Арцыбышеву принадлежитъ открытіе мѣстопребыванія Еми (т. I, пр. 13).

²⁾ Оно было сначала помѣщено въ Жур. Мин. Внутр. Дѣлъ, 1848 г., т. XXIII, а потомъ въ его «Изслѣдованіяхъ, замѣчаніяхъ и лекціяхъ о Русс. исторіи», т. IV. М. 1850.

³⁾ «Изсл., замѣч. и лекціи о Русс. исторіи», т. IV, стр. 146.

исторической наукѣ. По частнымъ вопросамъ исторической географіи, кромѣ нѣсколькихъ обстоятельныхъ изслѣдованій, накопилось много замѣтокъ и указаній въ изданіяхъ и изслѣдованіяхъ историческихъ, археологическихъ и этнографическихъ, изданы дотогѣ неизвѣстные памятники, новыя данныя которыхъ имѣли значеніе и для древней географіи, явились замѣчательныя пособія по географіи Россіи, критическая разработка древнѣйшихъ памятниковъ значительно подвинулась впередъ, впервые обратили вниманіе на распространеніе географическихъ свѣдѣній въ древней Руси, болѣе и болѣе выясняли вопросъ о вліяніи природы восточной Европы на народы, въ ней обитавшіе, указали также на важное значеніе вопроса, исполненнаго глубокаго интереса, о колонизаціи русской народности, вслѣдствіе чего и предметъ исторической географіи получилъ новое освѣщеніе ¹⁾).

Все это привело къ сознанію необходимости новаго обширнаго труда, въ которомъ были бы сведены въ одно цѣлое результаты частныхъ изысканій, дополнены и провѣрены труды, нами помянутые, что требовало, конечно исполнѣ самостоятельнаго изученія. Такого рода трудъ по географіи древнѣйшаго лѣтописнаго свода, трудъ, требующій продолжительнаго изученія и огромной начитанности, исполнилъ въ настоящее время Н. П. Барсовъ, уже извѣстный въ литературѣ нашей составленнымъ имъ, весьма полезнымъ для занимающихся русскою исторіею, пособіемъ, изданнымъ въ 1865 г. подъ заглавіемъ: «Матеріалы для историко-географическаго словаря Россіи».

Въ предисловіи къ разбираемому нами сочиненію авторъ говоритъ, что трудъ его «имѣлъ цѣлью не полное и всестороннее изложеніе исторической географіи Руси въ эпоху, обнимаемую начальной лѣтописью; но главнымъ образомъ разъясненіе только тѣхъ вопросовъ этого обширнаго предмета, которые ставитъ самая лѣтопись, и потому ограничивается разборомъ географическаго матеріала, который она представляетъ». Такъ скромно авторъ опредѣляетъ свою задачу и мы не можемъ не замѣтить, что трудъ его представляетъ не только разборъ географическаго матеріала начальной лѣтописи ²⁾, но и другихъ памятниковъ, какъ напр. «Устава

---

¹⁾ Единственное, замѣчательное по вѣрной оцѣнкѣ обзорніе трудовъ по исторической географіи съ 1846 г. принадлежитъ А. И. Артемьеву. См. «Двадцатипятилѣтіе Импер. Русск. Геогр. Общ.». С. Пб. 1872. Стр. 91 — 240.

²⁾ Источникъ, извѣстный подъ именемъ «Повѣсти временныхъ лѣтъ»

Ярослава о мостѣхъ или мостникахъ» (стр. 173—175), уставной грамоты новгородскаго князя Святослава Ольговича 1137 г. (стр. 175—177. Пр. 274). Разобраны также нѣкоторыя извѣстия и въ другихъ источникахъ, какъ наприм. въ лѣтописяхъ Густынской (стр. XXI, пр. 55), Ипатьевской (стр. XXVIII, пр. 88. Стр. LVIII, пр. 181). Вообще весьма замѣтно, что авторъ не ограничивалъ своего изученія только тою цѣлью, о которой говорить въ предисловіи, и изучалъ избранный имъ предметъ всецѣло, съ живѣйшимъ интересомъ, добивался удовлетворительнаго рѣшенія даже такихъ вопросовъ, которые, по видимому, не имѣли прямого отношенія къ задачѣ его изслѣдованія. Такъ, упомянувъ о Колбягахъ—названіе, встрѣчающееся только въ Русской Правдѣ, — г. Барсовъ на стр. XIV и XV, въ пр. 44, для объясненія этого загадочнаго названія приводитъ мнѣнія слѣдующихъ ученыхъ: Татищева, Карамзина, Ходаковского, Розенкампфа, Дубенскаго, свидѣтельство восточнаго писателя Демешки и затѣмъ предлагаетъ свою остроумную догадку: «Не было ли слово Колбягъ какимъ нибудь болѣе или менѣе общимъ названіемъ для Чуди, пріѣзжавшей въ Новгородъ или селившейся въ Новгородской области?... На всемъ Финскомъ сѣверѣ много мѣстностей съ названіями Колбъ, Колбино... По замѣчанію Кастрена Kolba, Kolwa значить рыбная вода». На стр. XXVIII, въ пр. 88 разобрано сказаніе, находящееся въ лѣтописи подъ 1114 г., о падающихъ съ неба бѣлкахъ.

Касаясь какого нибудь еще мало выясненнаго или спорнаго вопроса, авторъ обстоятельно знакомитъ съ литературой по этому вопросу. Такъ на стр. V—VI, въ пр. 20 изложены мнѣнія ученыхъ о Волохахъ; на стр. XVIII—XIX, въ пр. 53 — о національности Ятвяговъ; на стр. XXXIV—XXXIX, въ пр. 111 приведенъ весьма обстоятельный сводъ мнѣній о важномъ значеніи топографической номенклатуры для исторіи географіи; на стр. XXXIX — XLIII, въ пр. 115 — о городищахъ.

Вообще въ весьма немногихъ трудахъ нашихъ по исторической географіи встрѣчается такое обстоятельное изученіе источниковъ и такое знакомство съ сочиненіями по древнѣйшему періоду русской исторіи, какимъ отличается разбираемое нами изслѣдованіе. Кромѣ русскихъ лѣтописей, г. Барсовъ пользовался Патерикомъ Печерскимъ (стр. LII, пр. 156), актами историческими, изданными Ар-

---

или лѣтописи Несторовой, мы будемъ для ясности, слѣдуя г. Барсову, называть начальною лѣтописью, хотя и то, и другое названіе не совсѣмъ точно.

географическою Коммиссіею, Собраніемъ государственныхъ грамотъ и договоровъ, сочиненіями западныхъ, византійскихъ и арабскихъ писателей отъ X до XII вѣка, ливонскими лѣтописями, сочиненіями польскихъ историковъ: Длугоша, Матвѣя Мѣховита, Кромера и Стрыйковскаго.

Этими источниками авторъ пользовался такъ, какъ того требуетъ современная историческая критика. «Разновременные списки, въ которыхъ дошла до насъ начальная лѣтопись», говоритъ онъ, «не одинаковы; въ однихъ сообщаются факты, о которыхъ умалчиваютъ другіе или передается то, что въ другихъ рассказано кратко... Очевидно, что позднѣйшіе переписчики передавали Сильвестровскій сводъ одинъ—вполнѣ, другіе—въ сокращеніи; а компиляторы имѣли, можетъ быть, подъ рукою и такіе источники, какихъ не зналъ или оставилъ безъ вниманія составитель первоначальнаго свода. Все это заставляетъ насъ имѣть постоянно въ виду всѣ — даже позднѣйшіе — списки начальной лѣтописи, не ограничиваясь однимъ только древнѣйшимъ Лаврентьевскимъ, хотя и при этомъ необходимо будетъ обращаться за разъясненіями къ свидѣтельствамъ позднѣйшаго времени...» (стр. 4 и 5). Слѣдуя такому приему, г. Барсовъ обращалъ вниманіе на то, какое чтеніе въ различныхъ спискахъ лѣтописи можно считать болѣе правильнымъ. Въ этомъ отношеніи любопытно слѣдующее примѣчаніе (стр. XVII и XVIII, пр. 52): «Въ исчисленіи народовъ чтеніе «Норова» встрѣчается только въ Лаврентьевскомъ — древнѣйшемъ спискѣ начальной лѣтописи; въ Ипатьевскомъ — «Норома» и въ другихъ позднѣйшихъ спискахъ «Нерома». Тѣмъ не менѣе нельзя не признать правильности позднѣйшихъ чтеній, по слѣдующимъ соображеніямъ:

1) Лѣтописецъ въ перечнѣ племенъ несомнѣнно держится того порядка, въ какомъ онѣ, по его представленію, расселились, и, помѣщая Норову, Нерому, съ Корсю и Либыю, тѣмъ самымъ указываетъ на ихъ близкое сосѣдство.

2) Сѣверно-русскія лѣтописи, сообщая довольно подробныя свѣдѣнія, по крайней мѣрѣ, о названіяхъ различныхъ чудскихъ племенъ въ Прибалтійскомъ краѣ, вовсе не знаютъ племени Норовы: имъ извѣстна только р. Норова, протокъ изъ Чудскаго озера въ Финскій заливъ»...

Въ пр. 17 (на стр. IV и V) доказывается, почему чтеніе Берендикова: «Афетово бо и то колѣно: Варязи, Русь»... не можетъ быть принято.

Въ пр. 69 (на стр. XXV и XXVI) приведены доводы, нѣ-

сколько ослабляющие предложенное С. М. Соловьевым чтение: «Имаху дань Варязи изъ-за моря на Чуди, и на Словѣнехъ, на Мери и на Веси, Кривичахъ» вм. «и на всѣхъ Кривичахъ», какъ во всѣхъ спискахъ.

Въ пр. 123 (стр. XLIV и XLV) сдѣлано нѣсколько новыхъ указаний, подтверждающихъ мнѣніе Арцыбышева, полагавшаго, что слова: сугѣскъ, стѣнь — имѣютъ значеніе именъ нарицательныхъ.

Въ пр. 124 (стр. XLV и XLVI) указано на правильное чтение извѣстія въ Ипатьевской лѣтописи, подъ 1268 г.

Въ этомъ же примѣчаніи замѣчательны доказательства въ пользу того, что слово ворота въ Ипатьевской лѣтописи имѣетъ значеніе пограничныхъ укрѣпленій. Доказавъ такое значеніе этого слова, авторъ представляетъ остроумную догадку для исправленія слѣдующаго мѣста въ Ипатьевской лѣтописи, подъ 1226 г. «Данилъ же и Василько посласта люди свои къ брату; не даста ему (Лестку) прити... Здѣсь, замѣчаетъ г. Барсовъ, слово братъ есть названіе мѣстности. «Сколько ни приходилось намъ», говоритъ авторъ, «читать подробныхъ картъ, по крайней мѣрѣ, восточнаго Славянства, мы не помнимъ ни одного географическаго названія подобнаго имени; въ данныхъ же исторической географіи до XVI вѣка такихъ названій положительно нѣтъ. Можетъ быть переписчикъ или Ипатьевского списка, или первоначальнаго варианта написалъ, по ошибкѣ или недоразумѣнію, къ «брату» вмѣсто къ «воротомъ».

Приведенныя нами примѣчанія (см. также стр. XXII, пр. 55) могутъ, между прочимъ, служить доказательствомъ того, какъ важны для возстановленія правильнаго чтенія нашихъ лѣтописей историко-географическіе труды.

Считаемъ не лишнимъ помѣстить здѣсь составленный нами, хотя, можетъ быть, и не совсѣмъ полный списокъ сочиненій, на которыя ссылается г. Барсовъ.

1) По всеобщей географіи: Edwin Adam's: The geograph. Word Expositor (стр. XXXV); Henning: Comment. de rebus Jazygum (стр. XVIII, пр. 53; стр. XX, пр. 55); Jacobi: D. Bedeutung d. böhmischen Dorfnamen (стр. XXXV); Ihre's glossarium (стр. IV, пр. 13); Lelewel: Geogr. du moyen âge (стр. 5, пр. 19; стр. VIII, пр. 24); Müller: D. ugrische Volksst. (стр. XXXI, пр. 95); Schulz: O znaczeniu Pruss dawnych (стр. XVIII и XIX, пр. 53); Stein: Handbuch d. Geogr. (стр. LIII, пр. 167).

2) По всеобщей исторіи: Васильевскій: Византія и Печенѣги (стр. XXXI, пр. 100); Иречекъ: Entstehen d. chr. Reiche in Geb. d.

heut. österr. Kaiserstaats (стр. XLIV, пр. 120); Schlözer's allg. Gesch. (стр. IV, пр. 13); Thunmann: Unters. üb. d. Gesch. einiger nördl. Völker (стр. XIX, пр. 53); Финлей: Ист. Византии (стр. XVI, пр. 49); Voigt: Gesch. Preussens (стр. XX, пр. 54).

3) По исторіи племени Литовскаго: Jaroszewicz: Obraz Litwy (стр. XX, пр. 55; стр. XXIII, пр. 56); Нарбутъ: Dzieje nar. Litewsk. (стр. XX, пр. 54 и 55; стр. XXIII, пр. 56; стр. XXIV, пр. 59; стр. LXII, пр. 199).

4) По географіи и исторіи Славянъ: Гильфердингъ: Ист. Серб. и Болг. (стр. XXXI, пр. 99); его же: неизданное свидѣтельство современника о Владимірѣ св. и Болеславѣ храбромъ (стр. LXIII, пр. 202); его же: собр. соч. (стр. LXXI, пр. 256); Голенибовскій: о dziejopisach polskich (стр. XXXIII, пр. 108); Иречекъ: Slav. prawo (стр. L, пр. 142); Колляръ: Rosprawy o gme-nach (стр. XXXV); Лелевель: Narody na ziemiach Slowian. (стр. XXXIX, пр. 114); Мацѣевскій: Ист. первоб. христ. ц. у Слав. (стр. LIII, пр. 165); Шафарикъ: Слав. древности (стр. VI, пр. 20); его же: Slovanske starožitnosti (стр. XXXI, пр. 99); Эрбенъ: о слав. то-погр. названіяхъ (стр. XXXV).

5) По исторіи Россіи: Амвросій: Ист. рос. іерархіи (стр. LXI, пр. 197); Бестужевъ-Рюминъ: О составѣ русс. лѣт. (стр. I, пр. 1 и 2); Бутковъ: Оборона русс. лѣт. (стр. I, пр. 4); Гедеоновъ: Изсл. о Варяж. вопросѣ (стр. 29); Дубенскій: О Словѣ о полку Игор. (стр. LXX, пр. 253); Зубрицкій: Ист. гал. Руси (стр. XXXIV, пр. 110; стр. LVIII, пр. 180; стр. LIX; пр. 183); Иловайскій: Ист. Рязан. кн. (стр. LXXI, пр. 255); его же: «В. Новг. и Бѣлор.» (стр. LXXI, пр. 256); Карамзинъ: Ист. гос. Росс. (стр. IV, пр. 11; стр. VI, пр. 20 и др.); Костомаровъ: Сѣвер. народопр. (стр. LXXI, пр. 256), его же: ст. въ Вѣстн. Евр. 1873 г. (стр. XXXIII, пр. 108); Лавровскій: о Іоаким. лѣт. (стр. I, пр. 4); Поповъ: В. Н. Татищевъ (стр. I, пр. 4); Самоквасовъ: Древніе города Россіи (стр. XLII, пр. 115); Соловьевъ: Ист. Россіи (стр. VII, пр. 21, 23 и др.); Срезневскій: Чтенія о др. русс. лѣт. (стр. I, пр. 2); Строевъ: о лѣт. Амарт. (стр. I, пр. 7); Эверсъ: Krit. Vorarb. (стр. IV, пр. 13; стр. IV и V, пр. 17; стр. XIV, пр. 43).

6) По исторической географіи: Арцыбышевъ: О Тмутор. кн. (стр. XVI, пр. 50); Бестужевъ-Рюминъ: О колонизаціи великорус. племени (стр. LXXIII, пр. 269); Бѣляевъ: Геогр. св. въ древ. Россіи (стр. IV, пр. 11; стр. LXXIII, пр. 268); Горскій: О походѣ Руссовъ на Сурожъ (стр. XVI, пр. 48); Европеусъ: О народахъ

ср. и сѣв. Россіи до Славянъ (стр. XXV, пр. 68; стр. XXXI, пр. 96); Ешевскій: Русс. колонизація с. в. края (стр. LXXIII, пр. 269 ¹⁾); Закревскій: Описаніе Кіева (стр. XII и XIII, пр. 37); Кастрень: Ueber die Ursitze d. finnischen Volkes (стр. XXXI, пр. 95); Кулаковскій: Замятки о Гродн. губ. (стр. XXIII, пр. 55 и 58); Лербергъ: Изсл. (стр. XII, пр. 36; стр. XXIX, пр. 90); Надеждинъ: Опытъ ист. геогр. русск. міра (стр. XXXV); Рейнеке: Гидрогр. опис. сѣв. берега Россіи (стр. IX, пр. 31; стр. XIV, пр. 42); Срезневскій: Слѣды древняго знакомства Русск. съ южн. Азіей (стр. XVI, пр. 48); Ходаковскій: О путяхъ сообщенія (стр. IX, пр. 31); его же: донесеніе о первыхъ успѣхахъ путеш. по Россіи (стр. XXV, пр. 61 и 67); его же: географич. словарь (нѣсколько томовъ его хранятся въ Публ. Библ.) (стр. XXVI, пр. 72); Шегренъ: Ueber d. Wohnsitze der Jemen (стр. IV, пр. 11; стр. XXV, пр. 62); его же: Ueber d. Wohnsitze u. d. Verhältnisse d. Jatwägen (стр. XVIII, пр. 53; стр. XX — XXIII, пр. 55); его же: Ueber d. finn. Bevölkerung Ingermannland's (стр. XXV, пр. 64); его же: ст. въ Denkschr. d. russ. geogr. Gesellsch. (стр. XIX, пр. 53); его же: Wann und wie war Zawal. russisch (стр. XXIX, пр. 91).

7) По археологii: Калайдовичъ: Письма объ археол. изслѣд. въ Рязан. губ. (стр. XLI, пр. 115); Кеппенъ: Замятки о Тмут. камя (стр. XVI, пр. 50); Срезневскій: Святилища и обряды языческаго богослуженія древнихъ Славянъ (стр. XLI и XLII, пр. 115); его же: О городищахъ въ земляхъ Славянскихъ, преимущественно западныхъ (стр. XLII, пр. 115); Уваровъ: Меряне и ихъ бытъ по курганнымъ раскопкамъ (стр. XXVI, пр. 71); Фундуклей: Обзорѣніе могилъ, валовъ и городищъ Кіев. губ. (стр. LXIII, пр. 203).

8) По этнографii: Кастрень: Reiseberichte (стр. XXV, пр. 66; XXVI, пр. 73); его же: Ethnolog. Vorlesungen (стр. XXVII, пр. 79) Чернигъ: Ethnogr. d. oesterreich. Monarch. (стр. LII, пр. 163; стр. LIV и LV, пр. 169).

Пособія были слѣдующія: географическіе словари Щекатова и Семенова, списки населенныхъ мѣстъ, изд. Центр. Стат. Комитетомъ, карты Россіи Шуберта, Военно-топографическаго Депо, 3-хъ верстная, рисунки и чертежи къ путешествію по Россіи, совершенному по Высочайшему повелѣнію, Константиномъ Бороздинымъ въ 1810 г. (стр. XI, пр. 35; стр. XII, пр. 37), карта бывшихъ гу-

---

¹⁾ Эта статья Ешевскаго была напечатана не въ Русскомъ Вѣстн., какъ указано г. Барсовымъ, а въ Вѣстникѣ Европы, 1866 г., т. I.

берній Иванъ-города, Яма, Копорья и Нетеборга, составленная въ 1817 г. Бергенгеймомъ изъ матеріаловъ, найденныхъ въ шведскихъ архивахъ, и показывающая раздѣленіе и состояніе онаго края въ 1676 г. (стр. LXXIV, пр. 273).

Какъ видно изъ этого перечня, г. Барсовъ не пользовался статьями и замѣтками, которыя разсѣяны въ мѣстныхъ сборникахъ и губернскихъ вѣдомостяхъ. Этотъ фактъ мы рѣшаемся только отмѣтить. Извѣстно, какъ затруднительно пользованіе болѣею частію изъ сейчасъ указанныхъ изданій вслѣдствіе крайней скудости нашихъ библиографическихъ пособій.

При огромной начитанности автора нельзя не считать случайнымъ то, что ему, какъ кажется, не извѣстно изслѣдованіе академика Видемана: «Обзоръ прежней судьбы и нынѣшняго состоянія Ливовъ» (С.-Петербургъ 1870 г.). Г. Видеманъ доказываетъ, что Куры и Ливы суть «различныя по мѣстности названія одного и того же народа» (стр. 15) и что ливскій языкъ принадлежитъ къ «весьма распространенной семьѣ финскихъ языковъ» (стр. 133). Между тѣмъ г. Барсовъ относитъ Ливовъ къ племени Литовскому (стр. 36) и оставляетъ свое мнѣніе безъ доказательствъ. Что же касается до нашей начальной лѣтописи, то г. Барсовъ не рѣшается вполне утвердительно сказать, что она относитъ Ливовъ къ племени Литовскому. Такъ на стр. 42 замѣчено: «Съ юга къ Чуди и Сосоламъ прилежали поселенія Ливовъ, племени, которое лѣтопись относитъ, *кажется*, къ Литвѣ; по крайней мѣрѣ она помѣщаетъ его отдѣльно отъ другихъ финскихъ племенъ, и въ одномъ ряду съ Литвою, Зимоголою и Корсюю».

Въ числѣ пособій у г. Барсова были списки населенныхъ мѣстъ, изд. Центральнымъ Статистическимъ Комитетомъ. Это весьма полезное для русской науки изданіе въ значительной степени облегчаетъ изслѣдователю дѣлать точныя топографическія опредѣленія и потому нельзя не пожалѣть, что авторъ разбираемаго сочиненія, приводя цѣлые ряды однородныхъ названій населенныхъ мѣстностей, найденныхъ имъ на подробныхъ картахъ Россіи, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ своего сочиненія не дополнилъ и не провѣрилъ своихъ перечней тѣми данными, какія онъ могъ найти въ спискахъ населенныхъ мѣстъ. Такъ онъ могъ бы точнѣе и полнѣе опредѣлить населенныя мѣста, названія которыхъ приведены на стр. 19, по списку населенныхъ мѣстъ Калужской губерніи; на стр. X—Владимірской губерніи. Впрочемъ, авторъ иногда считалъ необходимымъ названія, найденныя имъ на картѣ Шуберта, провѣрять

по 3-хъ верстной картѣ Военно-топографическаго Депо (стр XXIV, пр. 59).

Укажемъ здѣсь кстатѣ на нѣкоторыя неточности, допущенныя г. Барсовымъ:

На стр. 35: Ятвизь Большой и Ятвизь Малый.... «къ в. отъ Суховаля».... Эти селенія (Ясвиць б. и м.) находятся не къ в. отъ Суховаля, а къ з. отъ него (см. карту Шуберта, № 27).

На стр. 37: «сел. Голяди въ зап. части Дмитровскаго уѣзда, на р. Буянткѣ, лѣвомъ притокѣ Яхромы»... Въ списокѣ населенныхъ мѣстъ Москов. губерніи, подъ № 2646, указано селеніе Голяди, въ Дмитровскомъ уѣздѣ, при колодцѣ.

На стр. 40: «Озеро Вожинское, соединяемое р. Горыню съ Колпью (въ Тихвинскомъ уѣздѣ) въ окрестностяхъ котораго находится рѣчка Чудля, притокъ Соминки».... Озеро Вожинское (Важанское или Вагинское) находится въ Устюжскомъ уѣздѣ. Рѣка Горынь (въ словарѣ г. Семенова: Горюнь) «лѣвый притокъ Чагодощи. Береть начало въ восточной части Тихвинскаго уѣзда, подъ именемъ Валчины, течеть сначала къ ю.-з., потомъ къ ю.-в., пройдя озеро Соймино, принимаетъ названіе р. Сойминой, которое сохраняетъ... до впаденія въ озеро Вожанское; по выходѣ изъ озера принимаетъ названіе Горюнь».... Рѣчка Чудля — притокъ Хвойни, впадающей въ озеро Заголодно (см. карту Шуберта, № 14, между 52 и 53 гр. долг., 59 и 60 шир.).

На стр. 44: «Веснево на-Ухтомѣ, притокѣ Увода въ Ковровскомъ уѣздѣ» (карта Шуберта, № 25). На этой картѣ Веснево означено въ уѣздѣ Шуйскомъ. Доказательствомъ того, что авторъ ошибся въ опредѣленіи Веснева можетъ служить то, что въ списокѣ населенныхъ мѣстъ Владимирской губ., въ Ковровскомъ уѣздѣ Веснева—нѣтъ. А въ Шуйскомъ уѣздѣ въ томъ же списокѣ означено одно только Веснево (№ 5966) при рѣчкѣ Инивежкѣ. Вѣроятно, авторъ принялъ на картѣ притокъ р. Ухтомы (Ухтохмы) за Ухтому, на которой находятся (на р. Ухтохмѣ) селенія: Горшково (№ 6003), Ефремово (№ 6005), Федино (№ 6006).

На стр. 45: «Мерялова въ Клинскомъ уѣздѣ на Сестрѣ-рѣкѣ». По списку населенныхъ мѣстъ Московской губ., въ Клинскомъ уѣздѣ находится только одно селеніе Мерялово (№ 3221) при прудѣ.

На стр. 48: «Мордово на р. Вирѣ въ Рязскомъ уѣздѣ, на границѣ съ Шацкимъ». Такого селенія въ списокѣ населенныхъ мѣстъ Рязанской губерніи въ Рязскомъ уѣздѣ нѣтъ. Есть селеніе Мардово (№ 2816) въ Сапожковскомъ уѣздѣ, по правую сторону тракта

изъ Козлова въ Шацкъ, при р. Парѣ (на картѣ Шуберта, № 31: р. Пира).

На стр. 125: «Желань — сел. недалеко отъ Кіева, при которомъ Половцы разбили Святополка въ 1093 году (Лавр. 94); теперь Жилияне или Жуляне — сел. Кіевского уѣзда, на р. Борцаговкѣ, правомъ притокѣ Ирпени». — Закревскій въ своемъ изслѣдованіи: «Лѣтопись и описаніе г. Кіева» (Чт. Москов. Общ. Ист. и Древн., 1858, кн. 2, стр. 112) говоритъ: «Желань — урочище; упоминаемое въ лѣтописяхъ подъ 1093, 1146, 1162 и 1169 годами. Сравнивая слова лѣтописей съ мѣстоположеніемъ, мы должны предположить, что оно находилось близъ Кирилловскаго монастыря... нельзя согласиться съ Карамзинымъ (т. II, пр. 167) въ томъ, что древняя Желань есть нынѣшняя деревня Жилияне, находящаяся въ 12-ти верстахъ отъ Кіева къ юго-западу, тѣмъ болѣе, что деревня сія произошла недавно отъ переселенія крестьянъ»...

На стр. 154: «Кривикъ на Соти, Моложскаго уѣзда». Въ спискѣ населенныхъ мѣстъ Ярославской губерніи въ Моложскомъ уѣздѣ такого селенія не означено. Есть селеніе Кривикъ въ Любимскомъ уѣздѣ, при р. Соти (№ 2158).

На стр. 157: «Крево къ юго-востоку отъ Свенцянь и вблизи его Городечно, Городски, Городиловъ»... Эти селенія лежатъ къ юго-востоку отъ Опшнянь (Вилен. губ. См. карту Шуберта № 28. Крево — между 43 и 44 гр. долг. Городечно, Городски и Городиловъ къ ю.-в. отъ Крево, между 44 и 45 гр. долг.).

Изслѣдованіе г. Барсова отличается яснымъ, стройнымъ изложеніемъ. Отъ характеристики понятій о мірѣ, «извѣстномъ начальной лѣтописи», авторъ переходитъ къ описанію рѣчныхъ системъ (гл. I), затѣмъ къ разбору извѣстій о племени Литовскомъ (гл. II), Финскомъ (гл. III) и Славянскомъ (гл. IV—VIII). Извѣстія о племени Тюркскомъ, къ сожалѣнію, не сведены въ одно цѣлое (см. стр. 56, 59, 116—118, 139—143; на стр. LXVI—LXVIII, пр. 227).

Въ началѣ своего сочиненія авторъ прекрасно характеризуетъ нашу начальную лѣтопись, какъ источникъ извѣстій географическихъ. Онъ, какъ говоритъ авторъ, отличаясь «полнотою» и «систематичностью», вводитъ «въ особый міръ географическихъ понятій и представленій» (стр. 2). Эта полнота была обусловлена тѣмъ, что составленіе начальной лѣтописи въ томъ видѣ, въ какомъ она дошла до насъ, относится ко времени «преобладанія идеи единства Русской земли». Проникнутая этой идеей, начальная лѣтопись «не ограничивается интересами какой нибудь одной области уже тогда

(въ XII в.) обширнаго государства; но заносить на свои страницы все, что можно было узнать изъ народнаго преданія и не многихъ письменныхъ источниковъ о прошедшихъ судьбахъ всего русскаго народа» (стр. 2). Признавая, что такъ называемая начальная лѣтопись есть древнѣйшій лѣтописный сводъ¹⁾, г. Барсовъ отказывается какъ отъ точнаго опредѣленія объема одной изъ частей этого свода, къ которой собственно и должно быть отнесено заглавіе: «Повѣсти временныхъ лѣтъ» и пр., такъ и отъ болѣе точнаго опредѣленія «географическаго кругозора времени» (стр. 4), въ которое жилъ составитель свода. На это мы не можемъ не замѣтить, что въ настоящее время до извѣстной степени возможно отдѣлить то, что вошло въ начальную лѣтопись изъ письменныхъ источниковъ, отъ того, что составитель свода могъ знать по личнымъ наблюденіямъ, и потому не можемъ признать вѣрнымъ слѣдующаго замѣчанія: «Исслѣдователь не имѣетъ возможности судить ни о его (лѣтописца) подготовкѣ, ни о средствахъ, которыми онъ располагалъ для своего труда» (стр. 4). Впрочемъ это замѣчаніе опровергается, какъ увидимъ, тѣми справедливыми предположеніями и догадками, которыя самъ авторъ высказалъ въ своемъ сочиненіи относительно источниковъ, изъ коихъ составитель свода почерпалъ свои свѣдѣнія.

Опредѣливъ міръ, извѣстный начальной лѣтописи, которая не знаетъ «выработанное уже древними географами дѣленіе земли на части свѣта» (стр. 5), авторъ весьма обстоятельно разбираетъ перечень областей и народовъ, внесенный въ нее, какъ онъ полагаетъ, позднѣе (стр. 5), указываетъ на свѣдѣнія, заимствованныя въ этомъ перечнѣ изъ греческаго хронографа Георгія Амартолы и на свѣдѣнія о восточной и западной Европѣ, почерпнутыя «изъ домашнихъ, отечественныхъ источниковъ» (стр. 7). «Говоря о западной Европѣ», замѣчаетъ г. Барсовъ, «лѣтописецъ ограничивается ея побережьями и называетъ только племена, живущія вдоль береговъ внутреннихъ морей и Атлантическаго океана. Континен-

---

¹⁾ Взгляду автора на нашъ первоначальный сводъ противорѣчатъ слѣдующія слова его, на которыя впрочемъ нельзя не смотрѣть, какъ на случайно неудачное выраженіе: «Несторъ оканчивалъ свой трудъ въ то время, когда постановленіемъ Любецкаго сейма, князя въ-первыя признали наследственность удѣловъ» . . . (стр. 2). Нестора г. Барсовъ не признаетъ составителемъ свода, что видно изъ слѣдующихъ словъ: «Трудно рѣшить, былъ ли игуменъ Сильвестръ только переписчикомъ, или же вмѣстѣ съ тѣмъ и составителемъ всего свода» . . . (стр. 3).

тальнаго населенія ея онъ не знаетъ. Это обстоятельство открываетъ самый источникъ свѣдѣній на Руси о западной Европѣ. — По справедливому замѣчанію извѣстнаго изслѣдователя отечественной старины И. Д. Бѣляева, онѣ могли быть получены только отъ Нормановъ... «Иного источника этихъ свѣдѣній не видно» (стр. 8). Съ этимъ замѣчаніемъ нельзя вполне согласиться. Свѣдѣнія на Руси о западной Европѣ могли быть распространены не только Норманами, но и прибалтійскими Славянами¹⁾.

Отъ опредѣленія источника этихъ свѣдѣній авторъ переходитъ къ характеристикѣ представленій лѣтописца о западной Европѣ, при чемъ дѣлаетъ весьма любопытныя указанія на сходство представленій лѣтописца о Варяжскомъ морѣ съ представленіями западныхъ и мусульманскихъ писателей, затѣмъ излагаетъ данныя объ устройствѣ поверхности, исключительно ограничивающіяся восточно-европейскою равниною. «Лѣтописецъ», какъ догадывается авторъ, «понималъ важное значеніе Карпатскихъ горъ» (стр. 13). «Какъ отличительную особенность восточной равнины», продолжаетъ онъ, «лѣтопись отмѣтила на ней центральное плоскогоріе, съ котораго въ различныхъ направленіяхъ стекаютъ главныя рѣки равнины... Цѣпь покрытыхъ дѣвственными лѣсами холмовъ, которая связуетъ это плоскогоріе съ естественными границами равнины, Уральскимъ хребтомъ, Олонецкими горами и съ Карпатами... была въ глубокой древности извѣстна подъ именемъ Волока» (стр. 13)... Это важное для характеристики географическихъ свѣдѣній въ древней Руси замѣчаніе основано на изысканіяхъ нашего изслѣдователя въ области топографической номенклатуры, которыми онъ искусно воспользовался для опредѣленія слова волокъ (стр. VIII—XI).

Перечнемъ рѣкъ и озеръ, упоминаемыхъ въ начальной лѣтописи, и весьма обстоятельными опредѣленіями путей сообщенія въ древней Руси оканчивается первая глава разбираемаго сочиненія. Дѣйпръ, замѣчаетъ авторъ, «по возникновеніи на сѣверо-западной равнинѣ Русскаго государства... обусловилъ быстрое распространеніе его границъ до этнографическихъ предѣловъ Славянства, быстрое подчиненіе ему разбѣянныхъ славянскихъ племенъ. Наконецъ своимъ теченіемъ на югъ, къ Понту, онъ поставилъ Русь въ связь съ христіанскимъ востокомъ и его цивилизаціей. Этимъ объясняется,

---

¹⁾ См. «О Славянахъ въ Малой Азій, въ Африкѣ и въ Испаніи» В. И. Ламанскаго. Уч. Зап. 2 отд. Ак. Наукъ, кн. V, стр. 311 — 323. Иб. «Истор. замѣчанія» стр. 68 — 76. Ср. «Рус. исторія» — Бестужева-Рюмина, I, 95 и 96.

почему въ начальной лѣтописи мы встрѣчаемъ наиболѣе данныхъ о его системѣ» (стр. 16 — 17). Важное также значеніе въ древнѣйшей исторіи расселенія Славянъ имѣла область рѣки Волги. Это значеніе такъ опредѣлено авторомъ: «Многочисленные развѣтвленія Волги вообще открываютъ превосходные пути сообщенія не только съ другими рѣчными областями, но и въ самыхъ предѣлахъ ея бассейна... Движеніе Славянъ въ этомъ краѣ отъ коренныхъ ихъ обиталищъ съ Днѣпра, верховьевъ Волги и Оки, могло совершаться по нимъ шагъ за шагомъ, небольшими массами... Постоянство, общность и сила, съ которыми оно является въ исторіи, зависитъ именно отъ выгоднаго расположенія рѣкъ верхняго Поволожья» (стр. 24 — 25).

Не смотря на отсутствіе общихъ опредѣленныхъ этнографическихъ понятій, «можно, кажется, принять», говоритъ г. Барсовъ, «что въ начальной лѣтописи все населеніе Афетовой части раздѣляется на слѣдующія народныя группы: Варяги или Нѣмцы, Греки, Литва, къ которой относятъ Ятвяговъ, и Славяне» (стр. 28).

Не вдаваясь въ разборъ спорнаго вопроса о Варягахъ, авторъ справедливо замѣчаетъ, «что начальная лѣтопись употребляетъ слово «Варягъ» преимущественно въ значеніи географическомъ, обозначаетъ имъ съ одной стороны вообще западно-европейское населеніе, съ другой — территорію западной или, по крайней мѣрѣ, сѣверо-западной Европы» (стр. 29). Съ значеніемъ этого имени для западной Европы остроумно сопоставлено значеніе имени Влаховъ, подъ которыми начальная лѣтопись разумѣетъ жителей Италіи, и Грековъ, подъ которыми начальная лѣтопись разумѣетъ все вообще населеніе Византійскаго государства (стр. 31).

Отъ указанія на источники географическихъ свѣдѣній о Греческой землѣ и перечисленія всѣхъ мѣстностей, упоминаемыхъ въ предѣлахъ ея области, изслѣдователь переходитъ къ очерку племенъ Литовскихъ, съ которыми «въ XI вѣкѣ на Руси только начинали завязываться сношенія» и о географическомъ положеніи которыхъ «не было ясныхъ понятій» (стр. 37). Къ этимъ племенамъ лѣтопись причисляетъ и Ятвяговъ (стр. 28), сдѣлавшихся извѣстными на Руси ранѣе другихъ Литовскихъ племенъ (стр. 33). Изслѣдованіе о томъ, какую область занимали Ятвяги, вопросъ о національности которыхъ авторъ не считаетъ рѣшеннымъ, — по обстоятельности доказательствъ и разнообразію ученыхъ приемовъ, составляетъ одну изъ лучшихъ частей разбираемаго сочиненія. И раннія, и болѣе позднія извѣстія, находящіяся какъ въ русскихъ, такъ и въ польскихъ

источникахъ, а также—данныя географической номенклатуры—приняты въ соображеніе г. Барсовымъ. Выводъ его, отличный отъ общепринятаго до настоящаго времени опредѣленія этой области, слѣдующій: «первоначальныя поселенія Ятвяговъ, до первой половины XI вѣка, находились между собственно Русью, Червенскими городами и Ляхами съ одной стороны и Литвою — съ другой; между старо-славянскими поселеніями въ области Нѣмана, Припети, Западнаго Буга и старо-литовскими по правую сторону Нѣмана, въ области Виліи, т. е., что они занимали тогда пространство по Нѣману и по его южнымъ притокамъ: Молчади, Шарѣ, Зельвѣ, Роси и Свислочи, отъ водораздѣла съ Припетью и Побужьемъ — на сѣверо-западъ до того мѣста, гдѣ Нѣманъ принимаетъ сѣверное направленіе у Гродна» (стр. 34).

Размѣщеніе Финскихъ племенъ на восточной равнинѣ, носившихъ на Руси общее названіе Чуди, «было хотя въ общихъ чертахъ извѣстно лѣтописцу» (стр. 38). «Онъ раздѣляетъ ихъ», полагаетъ г. Барсовъ, «на двѣ группы: южную по сю сторону Волока и сѣверную въ Заволочьи. На это указываетъ выраженіе «Заволоцкая Чудь», которое стоитъ въ первомъ перечнѣ племенъ передъ племенами Перми, Печеры, Ями и Угры, жившими по ту сторону Волока... Слѣдуетъ, кажется, признать, что это имя употреблено лѣтописцемъ въ первомъ перечнѣ именно для обозначенія всѣхъ вообще племенъ, населявшихъ Заволочье: оно нигдѣ болѣе не встрѣчается, ни въ исчисленіи данническихъ племенъ, ни въ изложеніи событій начальной лѣтописи, ни у ея переписчиковъ и продолжателей»... (стр. 38 и 39). На такомъ объясненіи, какъ намъ кажется, нельзя успокоиться.

Въ Новгородскомъ лѣтописцѣ, изд. въ Прод. Древн. Вивл., во 2 ч. (здѣсь издана такъ называемая Новгород. 1 лѣт. по сп. Академическому), объ убіеніи Глѣба въ Заволочѣ сказано на стр. 312¹⁾, «бѣжа Заволокъ и у... Чудь». Въ Воскр. лѣт. подъ 6586 г. «убіенъ бысть Глѣбъ, сынъ Святославль, въ Заволочіи»... (П. С. Р. Л., VII, стр. 2)²⁾. Это извѣстіе, будучи сопоставлено съ тѣмъ, что намъ из-

¹⁾ Арцыбышевъ, кн. 2, пр. 181.

²⁾ Въ Татищевскомъ сводѣ прибавлено, что князь Глѣбъ убитъ отъ Еми (II, на стр. 132, а не на 112, какъ въ изсл. Барсова на стр. 50). Принявъ положеніе гг. Шегрена и Барсова, что Емь въ эпоху начальной лѣтописи занимала южное Заволочье отъ Ладожскаго озера до сѣверной Двины, мы должны также допустить, что именно это племя и названо въ начальной лѣтописи Заволоцкою Чудью. Остатки этой Еми у Русскихъ и до настоящаго времени на-

вѣстно о Заволочѣхъ изъ позднѣйшихъ источниковъ, какъ напр. изъ договорныхъ грамотъ Великаго Новгорода, въ которыхъ оно постоянно упоминается въ числѣ его волостей, дозволяетъ предполагать, что подъ Заволоцкою Чудью въ перечнѣ Финскихъ племенъ можно разумѣть не общее названіе всѣхъ этихъ племенъ, жившихъ на сѣверѣ за Волокомъ, а Финское племя, обитавшее въ области сѣверной Двины. Намъ кажется правильнѣе, какъ дѣлалъ и Лербергъ, отъ извѣстнаго дѣлать заключеніе о неизвѣстномъ, чѣмъ судить о послѣднемъ, не принимая въ расчетъ перваго. Для дальнѣйшаго разъясненія этого вопроса укажемъ также на извѣстіе, находящееся въ Двинскомъ лѣтописцѣ: «Двинскіе убо жителіе въ началѣ именованіи Заволоцкая Чудь»... (Древн. Вивл., ч. XVIII, стр. 1).

Чудью называетъ также начальная лѣтопись и племя, жившее на восточномъ побережьи Балтійскаго моря. Подъ этимъ же названіемъ, какъ полагаютъ г. Барсовъ, она разумѣетъ и племя Водь или Вожане, «которые уже въ первой половинѣ XI вѣка составляли одну изъ пяти волостей или пятинъ Новгородскихъ... Мѣстное названіе племени Води или Вожанъ могло быть неизвѣстно южному лѣтописцу или же онъ считалъ за лучшее замѣнить его въ своемъ разсказѣ болѣе общимъ и распространеннымъ названіемъ Чуди; но Вожане прямо называются въ одновременныхъ съ нею извѣстіяхъ Новгородскаго лѣтописца, и во всякомъ случаѣ внѣ этого народа положительно негдѣ искать среди финскихъ племенъ русской Чуди IX—X вѣка» (стр. 40).

Для опредѣленія области, которую занимало племя Весь, авторъ приводитъ много указаній изъ современной географической номенклатуры. Считая эти указанія полезными и любопытными для дальнѣйшей разработки исторической географіи, мы однако не можемъ признать вполне вѣрнымъ выводъ изслѣдователя. Жилища Веси, говоритъ онъ, доходили на западѣ до Ладожскаго озера и рѣки Волкова на югъ до рѣки Клязьмы. «Такимъ образомъ, племя Веси занимало все верхнее Поволожье, примыкая непосредственно къ кореннымъ славянскимъ поселеніямъ Кривичей; поэтому область ихъ рано должна была подвергнуться славянской колонизаціи» (стр. 44). Если названія свидѣтельствуютъ, что Весь жила въ указан-

---

зываются Чудью (см. у Барсова, стр. 51). Потому же, почему въ начальной лѣтописи, какъ можно справедливо предполагать, названіе Води было замѣнено названіемъ Чуди (ib., стр. 40), и названіе Еми, жившей на С. Двинѣ было замѣнено названіемъ Чуди Заволоцкой.

ныхъ мѣстностяхъ, то отсюда еще не слѣдуетъ дѣлать заключеніе о томъ, что въ эпоху начальной лѣтописи она занимала ту обширную область, границы которой очерчены авторомъ ¹⁾). На основаніи вѣсскихъ названій, имъ приводимыхъ, можно только дѣлать различныя, болѣе или менѣе удачныя предположенія, значеніе которыхъ въ научномъ смыслѣ будетъ одинаковаго достоинства съ выводомъ г. Барсова. Такъ, напримѣръ, можно допустить, что Веси даже въ ту отдаленную отъ насъ эпоху, когда только что стали водворяться славянскіе колонисты въ озерной области и Поволожьѣ, была уже вытѣснена изъ своихъ жилищъ сосѣднимъ финскимъ племенемъ Мерею. Въ области этого племени поселенія вѣскія въ эпоху начальной лѣтописи могли быть явленіемъ случайнымъ. Не говорю уже о томъ, что необходимо было бы прежде всего доказать: названіе мѣстностей отъ корня *ves* можетъ ли принадлежать исключительно племени Веси. Извѣстно, что названія отъ корня *mar* не всегда могутъ служить доказательствомъ мѣстожительствъ племени Мери (см. пр. 73, на стр. XXVI).

По вопросу о положеніи Емской области, авторъ принимаетъ мнѣніе Шегрена и подкрѣпляетъ его новыми убѣдительными доказательствами, какъ извѣстіями историческими, такъ и названіями, напоминающими это племя. Оно, вѣроятно, замѣчаетъ авторъ, жило «первоначально гораздо далѣе на югозападъ, въ сосѣдствѣ съ одной стороны съ прибалтійскою Чудью, изъ языка которой объясняется племенное названіе Еми, съ другой — съ Кривичами, постепенно передвигалась на сѣверо-востокъ, уступая движенію другихъ чудскихъ народовъ, вызванному колонизаціей Славянъ, и непосредственно наплыву самого Славянства. Любопытно, что на водныхъ путяхъ восточной равнины изъ бассейна Балтійскаго въ Заволочье встрѣчается много хорографическихъ названій, родственныхъ племенному названію Еми, а хорографическія названія принадлежатъ, какъ извѣстно, къ древнѣйшимъ и скорѣе другихъ могутъ быть приняты, какъ свидѣтельство старинныхъ поселеній того или другаго племени» (стр. 51 — 52).

Вопреки общепринятому мнѣнію, установившемуся еще со времени изслѣдованій Лерберга, г. Барсовъ, на основаніи разбора древнѣйшихъ извѣстій о Югрѣ отъ XI—XIV вѣка, обстоятельно

---

¹⁾ Говоря объ области Еми тоже на основаніи названій, напоминающихъ это племя, г. Барсовъ замѣтилъ: «конечно, нельзя думать, чтобы она занимала такое обширное пространство за одинъ разъ, въ одно и тоже время» (стр. 51)

доказываетъ, что югорскія земли прилегали къ поселеніямъ Печеры на Вычегдѣ и Еми на Сухонѣ. Вслѣдствіе напора Новгородцевъ, Югра постепенно передвигалась «за Уралъ, на берега Иртыша и Оби, гдѣ и застаютъ ихъ XV вѣкъ и гдѣ они были покорены уже московскими войсками. По всей вѣроятности, двигались вслѣдъ за ними и новгородскія дружины, привлекаемая богатствомъ соболей, серебра и всякаго узорочья; но прямыхъ извѣстій о знакомствѣ Руся съ Сибирью въ XII — XIV вѣкѣ мы не имѣемъ, за исключеніемъ одного темнаго и довольно сомнительнаго извѣстія о походѣ Новгородцевъ на Обь рѣку въ 1364 году. Память о такомъ переселеніи Югры съ береговъ Двины и Юга, гдѣ она жила когда-то подъ именемъ Югорски, за Уралъ, еще въ прошломъ столѣтіи сохранялась у ея потомковъ Вогуловъ» (стр. 56). Последнее замѣчаніе имѣло бы болѣе важное значеніе, если бы г. Барсовъ не оставилъ безъ опроверженія мнѣніе автора статьи: «Опытъ изслѣдованія о древней Югрѣ», напечатанной въ Вѣстн. Геогр. Общ., ч. XIV (1855 г.), доказывавшаго, что потомками Югры слѣдуетъ считать Обскихъ Остяковъ.

Весьма замѣчательнымъ объясненіемъ характера извѣстій начальной лѣтописи о финскихъ племенахъ заканчивается 3-я глава разбираемаго нами изслѣдованія. Уже Шегренъ обратилъ вниманіе на то, что начальная лѣтопись болѣе знаетъ о сѣверо-востокѣ, чѣмъ о сѣверо-западѣ. Такъ она не знаетъ ни Лопи, ни Кореловъ, ни Води и пр., между тѣмъ какъ знаетъ Печеру и Югру. Это явленіе Шегренъ объяснилъ невѣрно и его объясненіе должно уступить мѣсто тому, что говоритъ г. Барсовъ: «сѣверо-восточныя русскія владѣнія, соприкасавшіяся съ племенами Перми, Печеры, Угры, были въ XI вѣкѣ въ зависимости отъ южно-русскихъ князей, которые или сами тамъ жили, или же посылали туда своихъ мужей для управленія и сбора дани. Финскій сѣверо-востокъ былъ такимъ образомъ лучше извѣстенъ въ Кіевѣ и Переяславлѣ, чѣмъ сѣверо-западъ, и естественно, что южно-русскій лѣтописецъ сообщаетъ о немъ болѣе обстоятельныя свѣдѣнія, тогда какъ о сѣверо-западѣ говоритъ въ общихъ чертахъ»... Необходимо также предположить, «что главный источникъ свѣдѣній начальной лѣтописи о Чуди, былъ не новгородскій» (стр. 58).

Сопоставленіе находящихся въ началѣ «Повѣсти» трехъ перечней славянскихъ племенъ привело г. Барсова къ отрпцанію тѣхъ выводовъ, какіе были сдѣланы г. Соловьевымъ о порядкѣ размѣщенія Славянъ на восточно-европейской равнинѣ. «Характеръ

этихъ извѣстій», по мнѣнію автора, «последовательно дополняющихъ другъ друга, ближе всего объясняется позднѣйшими передѣлками и вставками, которымъ видимо подвергались «Повѣсти временныхъ лѣтъ», или же, что еще вѣроятнѣе, безыскусственностью изложенія, которая позволяла составителю лѣтописи отъ разказа стародавнихъ преданій возвращаться каждый разъ къ исчисленію племени, дополняя то, что было имъ пропущено раньше» (стр. 61).

Не сомнѣваясь въ томъ, что преданіе о нашествіи Волоховъ на Дунай и о выселеніи оттуда Славянъ, жило въ народной памяти и отсюда занесено въ «Повѣсть», что, какъ намъ кажется, можно только назвать болѣе или менѣе вѣроятнымъ предположеніемъ, авторъ сомнѣвается въ томъ, чтобы это преданіе «имѣло въ народномъ пониманіи такое широкое значеніе, какое придалъ ему нашъ лѣтописецъ» (стр. 61). Съ этимъ, если только признать источникомъ извѣстія о движеніи Славянъ съ Дуная народное преданіе, нельзя не согласиться, такъ какъ Славяне и въ области Карпатской составляли древнѣйшее населеніе. Далѣе на основаніи превосходнаго изслѣдованія Н. И. На деждина: «Опытъ исторической географіи Русскаго міра», г. Барсовъ опредѣляетъ то пространство на равнинѣ восточной Европы, которое искони было занято населеніемъ славянскимъ, хотя этому опредѣленію онъ не придаетъ значенія строго научнаго, такъ какъ оно основано на разборѣ именъ географическихъ, которыми, какъ онъ говоритъ, «только послѣ основательной филологической разработки ихъ, историческая географія можетъ воспользоваться..., не рискуя слишкомъ точностью своихъ выводовъ и вѣроятностью своихъ предположеній» (стр. XXXVII).

При опредѣленіи границъ той области, которую занимали Славяне въ восточной Европѣ, авторъ, между прочимъ, замѣчаетъ: «Очень вѣроятно, что расселенія (Вятчей)... простирались въ область Дона, на плодородныя побережья Донскихъ притоковъ Сосны, Воронежа и Сѣвернаго Донца и въ эпоху сильнаго Хазарскаго ханства... спускались внизъ по Дону, къ бережьямъ Азовскаго моря и къ низовьямъ Кубани» (стр. 66). Данныя, которыми можетъ быть отчасти доказано это предположеніе, изложены авторомъ въ другомъ мѣстѣ, а именно на стр. 129 и 130. Здѣсь, на основаніи извѣстій мусульманскихъ писателей IX — X вѣка, онъ говоритъ, что «Славяне составляли въ Хазаріи, простиравшейся по Дону и Волгѣ до Кавказскаго хребта, не только значительную часть городскаго населенія, но довольно многочисленное осѣдлое, слѣдовательно деревенское или сельское населеніе»... Если дѣйствительно Славяне

жили въ устьяхъ Дона, то почему же именно эти Славяне или часть ихъ принадлежали къ племени Вятичей? Это не доказано.

Населеніе Славянское въ восточной Европѣ дѣлилось на племена. Давно уже наука замѣтила, что характеристика быта ихъ, находящаяся въ начальной лѣтописи, страдаетъ односторонностію, что отличія между ними были весьма слабы. Это признаетъ и г. Барсовъ. «По прямому смыслу лѣтописнаго изложенія», говоритъ онъ, «все эти отличія сводятся къ неравности нравственнаго и общественнаго развитія, и, можетъ быть, къ различію нѣкоторыхъ обычаевъ и обрядовъ въ частномъ и общественномъ быту» (стр. 67). «Также мало могли обособляться вѣтви языкомъ, различія въ которомъ состояли не болѣе, какъ въ говорахъ»... (стр. 67). Какъ ни слабы были отличія въ бытѣ, нравахъ и языкѣ, однако существованіе этихъ отличій, признаваемое самимъ авторомъ, не даетъ еще права, какъ намъ кажется, называть каждое племя единицею политико-географическою, а не этнографическою (стр. 68), какъ дѣлаетъ г. Барсовъ. Установляя такое названіе, онъ не могъ не впасть въ противорѣчіе самому себѣ. Такъ онъ говоритъ на стр. 68: «къ половинѣ IX вѣка восточно-славянскія вѣтви выработали уже въ себѣ въ значительной мѣрѣ и внутреннее единство, и внѣшнюю самостоятельность, и сознаніе своей особыности».

Славяно-русскія племена, называемыя начальною лѣтописью княженіями или землями, получили, какъ предполагаетъ изслѣдователь, названія, происшедшія отъ именъ родоначальниковъ колѣнъ. «Это предположеніе», замѣчаетъ онъ, «находитъ подтвержденіе въ извѣстномъ лѣтописномъ преданіи о Радимѣ и Вяткѣ, родоначальникахъ и вождяхъ Радимчей и Вятичей?» (стр. 70). На это замѣтимъ, что свое предположеніе авторъ подтвердилъ преданіемъ, само по себѣ возбуждающимъ сомнѣніе ¹⁾.

По мѣрѣ того какъ возрастало значеніе города и онъ «дѣлался сосредоточіемъ, если не административнымъ, то религіознымъ и политическимъ своего округа или волости» (стр. 71), названія земель уступали мѣсто названіямъ, заимствованнымъ отъ городовъ. Значеніе этой перемѣны въ земельныхъ названіяхъ, знаменующей

---

¹⁾ См. прим. къ VI т. Зап. Ак. Наукъ, № 2 (С. Пб. 1864 г.). Замѣчанія А. Куника. Стр. 57. Г. Барсовъ, доказывая, что объясненіе лѣтописи названія Бужанъ («зане сѣдоша по Бугу») не можетъ быть принято (см. стр. 85 разбираемаго изслѣдованія), тѣмъ самымъ представляетъ только новое доказательство того, что словопроизводство географическихъ именъ, встрѣчающееся въ начальной лѣтописи, не можетъ имѣть научнаго значенія.

важный поворотъ въ жизни восточныхъ Славянъ въ до-русскій періодъ: — «разложение земель подъ влияніемъ городовъ», прекрасно охарактеризовано г. Барсовымъ (стр. 70 — 72), при чемъ очень удачно подобраны имъ тѣ намеки на этотъ поворотъ, какіе сохранились въ начальной лѣтописи.

Говоря о томъ, что населеніе каждой земли распространялось по рѣкамъ, авторъ замѣчаетъ: «Это открывается, между прочимъ, въ томъ любопытномъ фактѣ, что и теперь еще многія рѣки, сближающіяся между собою или устьями, или истоками, носятъ одинаковыя названія, очевидно перенесенныя разселявшимся племенемъ съ одной на другую» (стр. 72 — 73).

Земли имѣли «межи, рубежи, предѣлы и грани» (стр. 72), слѣды которыхъ сохранились въ названіяхъ волоковыхъ урочищъ и населенныхъ мѣстахъ, какъ напримѣръ, Стража, Рубежевичи, Городокъ, Сутень, Ворота, Твердь, Осѣкъ.

Хотя цѣлость земель въ эпоху сложенія Русскаго государства, по мнѣнію автора, и не нарушалась, «тѣмъ не менѣе», какъ онъ замѣчаетъ, «новая государственная жизнь обнаружила на нихъ свое влияніе... Городъ гораздо сильнѣе тяготѣлъ надъ областью» когда въ немъ утвердился князь или его посадникъ съ дружиною, чѣмъ въ былое время, когда въ немъ сидѣлъ племенной князь въ зависимости отъ старѣйшинъ и лучшихъ людей, управлявшихъ землею. Мало по малу значеніе земли ступевалось, уступая мѣсто княжеской волости» (стр. 77).

Въ остальныхъ главахъ разбираемаго труда (V—VIII), въ которыхъ, на основаніи начальной лѣтописи и позднѣйшихъ извѣстій, а также данныхъ, представляемыхъ географическою номенклатурою, опредѣлены границы земель и волостей княжескихъ и перечислены населенныя мѣста, упоминаемая въ начальной лѣтописи, новымъ и особенно цѣннымъ вкладомъ въ науку можно считать то, что сдѣлано для опредѣленія колонизаціи cadaго славянскаго племени въ восточной Европѣ. Такъ авторъ, указавъ на слѣды распространенія Хорватовъ въ прикарпатской области (стр. 80), удачно объяснилъ темныя извѣстія объ Уличахъ, которые, по мнѣнію его, первоначально жили на юго-востокѣ по Бугу до Днѣпровскаго лимана, передвинулись на западъ, ранѣе завоеванія ихъ Игоремъ и взятія города ихъ Пересѣчна Свѣнсьдомъ, и затѣмъ въ теперешнюю Галицію и сѣверо-восточную Венгрію (стр. 83—84); далѣе опредѣлено взаимное отношеніе равнозначущихъ именъ Дулѣбовъ, Бужанъ и Вельнянъ или Волянянъ (стр. 85) и указаны слѣды ихъ

поселеній въ области рѣкъ Припяти, Вислы и Днѣстра (стр. 87). Хорваты и Дулѣбы вошли, вѣроятно, въ составъ Русскаго государства еще при первыхъ князьяхъ. Въ концѣ X столѣтія центромъ управления земли Хорватовъ и Дулѣбовъ сталъ Владиміръ. «Могло быть», замѣчаетъ исследователь, «что уничтоженіе земельной собственности Хорватовъ, къ которому естественно должно было привести подчиненіе ихъ новому княжескому городу, возбудило въ нихъ стремленіе къ независимости и было причиною ихъ возстанія противъ Руси. Этимъ объясняется краткое и темное извѣстіе о походѣ Владиміра на Хорватовъ... въ 992 г.» (стр. 88—89). Одна изъ главныхъ причинъ усобицы на юго-западѣ Руси въ XI и XII в. коренилась въ томъ, что отъ Владимірскаго княженія отнимали Теробовль, то есть, юго-западную часть Червенской земли (стр. 90). Продолжительная, ожесточенная борьба окончилась тѣмъ, что Теробовль, остался отторгнутымъ отъ Владимірскаго княженія и вошелъ въ составъ Галицкаго княженія (стр. 91).

При опредѣленіи границъ Теробовольско-Перемышльской земли высказано нѣсколько новыхъ основательныхъ предположеній. «Весьма вѣроятно», замѣчаетъ авторъ, что въ XII — XIII в. галицко-угорская граница «совпадала съ этнографическими предѣлами Руси» (стр. 95). Опредѣленіе сѣверо-восточной границы, отступающее отъ общепринятаго до настоящаго времени опредѣленія, нельзя не признать болѣе основательнымъ. Область Днѣстра съ лѣвыми притоками этой рѣки принадлежала землѣ Теробовльской (стр. 99—100).

Селенія Дреговичей, по мнѣнію автора, простирались на западъ, въ область западнаго Буга... «Къ этой мысли приводятъ, во первыхъ, то обстоятельство, что Побужье, къ сѣверу отъ... предѣловъ Червенской земли, первоначально принадлежало непосредственно къ Кіевскому княженію, во вторыхъ — названія урочища Сухой Дорогвы, въ XIII вѣкѣ бывшаго близъ границы волинско-польской, и селеній, находящихся теперь въ Побужьи» (стр. 108). Предположеніе, что въ области Горыни населеніе было смѣшанное изъ Дулѣбовъ и Дреговичей, довольно вѣроятно. Любопытно также слѣдующее замѣчаніе, которое можетъ навести исследователей, занимающихся изученіемъ исторіи удѣльно-вѣчеваго періода, на новыя догадки: «причины раздора въ XII вѣкѣ между Володимірскими и Кіевскими князьями, раздора, предметомъ котораго служила Погорина съ своимъ центральнымъ городомъ Дорогобужемъ, могли скрываться въ смѣшанности населенія этой области и въ нарушеніи русскими князьями старыхъ, земельныхъ межей,

которое запутало права и притязанія какъ съ той, такъ и съ другой стороны» (стр. 109).

Весьма немногими извѣстіями начальной лѣтописи о землѣ Деревской, обособившейся задолго до образованія Русскаго государства, г. Барсовъ искусно воспользовался и приблизительно возстановилъ ея границы (стр. 109 и 110).

Отъ опредѣленій земельныхъ рубежей Полянъ, Древлянъ и Дреговичей авторъ разбираемаго сочиненія переходитъ къ географическому обзорѣ княжества Кіевскаго. Въ составъ его входили земли трехъ вышепоименованныхъ племенъ. По смерти Святослава Владиміровича Деревская земля «уже не отдѣлялась отъ Кіевскаго княженія во все время, обнимаемое начальною лѣтописью» (стр. 111). Г. Барсовъ не сомнѣвается въ томъ, что и Дреговичи «еще при первыхъ Кіевскихъ князьяхъ до Рюриковичахъ вошли въ составъ Русскаго государства. По крайней мѣрѣ», говоритъ онъ, — «извѣстіе о войнахъ Аскольда съ Полочанами даетъ основаніе предполагать непосредственное сосѣдство тогдашнихъ кіевскихъ владѣній съ Полоцкою землею»... (стр. 111). Съ этимъ выводомъ нельзя согласиться. Извѣстіе о войнѣ Аскольда и Дира съ Полочанами находится въ Никоновской лѣтописи подъ 6373 г., а затѣмъ подъ слѣдующимъ годомъ въ этой же лѣтописи разсказывается о походѣ ихъ на Грековъ. Такъ какъ ранѣе этой войны въ Никоновской лѣтописи нѣтъ извѣстій объ Аскольдѣ и Дирѣ, а въ другихъ лѣтописяхъ нѣтъ извѣстій о войнѣ ихъ съ Полочанами, то она можетъ быть отнесена къ тому времени, когда Аскольдъ и Диръ еще не владѣли Кіевомъ.

Изъ опредѣленій мѣстоположенія городовъ въ Кіевскомъ княжествѣ обращаютъ на себя вниманіе слѣдующія: Юрьевъ находился въ Поросы, но не на рѣкѣ Роси (см. пр. 205 на стр. LXIII), какъ полагали Карамзинъ, Погодинъ, Надеждинъ и Неволинъ. Любечъ, въ которомъ былъ съѣздъ князей въ 1097 г., находился близъ озера Подлюбскаго, къ югу отъ Городца (стр. 124).

Изъ трехъ славяно-русскихъ племенъ, жившихъ на восточной сторонѣ Днѣпра были наиболѣе замѣчательны Сѣверяне¹⁾. Они обнаружили «по отношенію къ Руси болѣе земельной самостоятельности и особенности» (стр. 137). «Уже при Олегѣ», замѣчаетъ г. Барсовъ, «у Поддѣпровскихъ Сѣверянъ возникли княжескіе города

---

¹⁾ Выше мы уже говорили о неосновательномъ, по нашему мнѣнію, предположеніи автора о юговосточныхъ расселеніяхъ Сѣверянъ (см. у Барсова, стр. 129 — 130).

Черниговъ и Переяславль»... Авторъ не указываетъ, на чемъ онъ основываетъ это замѣчаніе, съ которымъ согласиться было бы слишкомъ смѣло. Черниговъ и Переяславль въ первый разъ упоминаются въ договорѣ 907 г. Слѣдуетъ ли отсюда заключить, что эти города не существовали раньше Олега. При немъ, точно такъ какъ и при Игорѣ, они уже имѣли значеніе «первенствующихъ городовъ на Руси послѣ Кіева» (стр. 137). «Нѣтъ сомнѣнія», говоритъ авторъ «что уже въ это отдаленное время, подъ вліяніемъ Чернигова и Переяславля, стало ослабѣвать земельное единство Сѣверянъ, что у нихъ тогда еще начали вырабатываться волости, во второй половинѣ XI вѣка окончательно сложившіяся въ особыя княженія: Черниговское и Переяславское. Тѣмъ не менѣе изъ раздѣла русской земли между сыновьями Владиміра святаго и изъ послѣдующаго хода событій нельзя не заключить, что въ X и въ началѣ XI вѣка русскимъ центромъ Сѣверской земли служила отдаленная Тмутаракань. При Владимірѣ святомъ Тмутаракань является единственнымъ княжескимъ удѣломъ, въ который должны были входить всѣ славянскія земли, по лѣвую сторону этой рѣки, подчиненныя Руси»... (стр. 137—138). «Въ началѣ XI вѣка Мстиславъ, овладѣвъ лѣвлымъ побережьемъ Днѣпра, перенесъ свой столъ въ Черниговъ и уже съ того времени Тмутаракань низошла на степень второстепеннаго удѣла Черниговскаго княженія» (стр. 138).

Все, что здѣсь сказано о Тмутаракани, не подкрѣплено доказательствами. Поэтому считаемъ не лишнимъ припомнить извѣстія объ удѣлахъ между сыновьями Владиміра. Изяславъ получилъ Полоцкъ; Святополкъ — Туровъ; Ярославъ — Новгородъ; Всеволодъ — Владиміръ Волынской; Святославъ — землю Древлянскую; Мстиславъ — Тмутаракань; Станиславъ — Смоленскъ; Судиславъ — Псковъ; Борисъ — Ростовъ; Глѣбъ — Муромъ. Такъ были распределены удѣлы, какъ справедливо догадывается С. М. Соловьевъ, уже вслѣдствіе втораго распоряженія Владиміра, «потому что при первомъ распределеніи волостей Ростовъ былъ отданъ Ярославу; поэтому въ нѣкоторыхъ спискахъ, бывшихъ въ рукахъ у Татищева, прибавлено, что сначала Борисъ получилъ Муромъ, а Глѣбъ — Суздаль»¹⁾. Далѣе нашъ почтенный историкъ, сравнивая волости сыновей Владиміровыхъ съ волостями сыновей Ярославовыхъ, замѣчаетъ: «странно, что размельчая такъ волости на сѣверѣ и западѣ,

¹⁾ «Исторія Россіи», т. I (М. 1857), стр. 209.

Владиміръ не далъ волостей на востокъ отъ Днѣпра, ибо не упоминается ни о Черниговѣ, ни о Переяславлѣ, какъ особыхъ волостяхъ. Мстиславъ сидѣлъ въ Тмуторакани, но Черниговъ не могъ принадлежать ему, онъ его завоевалъ впоследствии уже при Ярославлѣ¹⁾. Это замѣчаніе основано на извѣстіяхъ лѣтописи, которыя никакъ не могутъ быть истолкованы въ пользу мнѣнія г. Барсова.

Сѣверянамъ далеко уступали по значенію въ исторіи русской колонизаціи ихъ сосѣди—Радимичи. Сохранившіяся въ лѣтописи извѣстія свидѣтельствуютъ о крайней ихъ слабости. «Но еще болѣе она доказывается», какъ говоритъ авторъ, — «отсутвіемъ въ лѣтописи даже самыхъ отдаленныхъ намековъ на существованіе у нихъ городовъ, которые имѣли бы центральное значеніе для ихъ земли; видно, что племя это, войдя въ составъ Черниговскаго княженія, очень скоро потеряло всякую тѣнь самостоятельности» (стр. 133).

Часть земли Сѣверской также составляло обособившееся при сыновьяхъ Ярослава княженіе Переяславское (стр. 138). Къ этому княженію въ концѣ XI вѣка принадлежала область лѣваго притока Сейма — Выря, первоначально принадлежавшая Черниговскому княженію. Объясненіе, почему область этой рѣчки получила важное значеніе въ исторіи удѣльной Руси, заслуживаетъ вниманія: «Посемье было одинаково важно и для Чернигова, и для Переяславля, ибо оно служило обычнымъ путемъ изъ поля въ Сѣверскую Русь для Половцевъ, въ которыхъ черниговскіе князья находили себѣ постоянныхъ союзниковъ. Естественно, что, враждуя съ ними, Мономахъ понималъ необходимость затруднить сношенія Святославичей съ кочевниками, перерѣзать пути, которыми ходили степняки къ своимъ русскимъ союзникамъ, и озаботился овладѣть въ Посемьи Выремъ, какъ ближайшимъ пунктомъ къ своей Переяславской волости» (стр. 143).

Въ послѣдней главѣ своего изслѣдованія авторъ, воспользовавшись данными топографической номенклатуры, приблизительно опредѣлилъ, на основаніи ихъ, обширную область, на которой были раскинуты поселенія Кривичей, и указалъ на ихъ важное значеніе въ исторіи славянской колонизаціи на востокъ Европы. Земля, занятая этимъ племенемъ, очень рано распалась на княженія Полоцкое и Смоленское. Обособленіе перваго изъ этихъ княженій было обусло-

---

¹⁾ Тамъ же, стр. 210 и 211.

влено не тѣмъ случайнымъ обстоятельствомъ, что полоцкіе князья, происходя отъ Изяслава Владиміровича, не имѣли права участвовать въ общемъ владѣніи Русскою землею, а существенными условиями, коренившимися въ его географическомъ положеніи. «Приведеніе въ зависимость» говорить г. Барсовъ, «подвинскаго населенія не могло совершиться безъ борьбы и требовало отъ Рогволожичей много времени и усилій и тѣмъ самымъ много способствовало ихъ обособленности и отдѣльности» (стр. 159).

Скудость извѣстій начальной лѣтописи о землѣ Славянъ Новгородскихъ г. Барсовъ восполнилъ данными, извлеченными изъ древнѣйшихъ памятниковъ новгородской письменности, а также данными географической номенклатуры. «При чтеніи специальныхъ топографическихъ картъ древняго новгородскаго края», говорить онъ, — «нельзя не замѣтить, что географическія названія чисто славянскаго происхожденія господствуютъ только на южной окраинѣ его, въ той части озерной области, которая непосредственно примыкаетъ къ Оковскому лѣсу и верхнему Подвинью, искони заселеннымъ Кривичами» (стр. 168). «Но вмѣстѣ съ тѣмъ нельзя не видѣть также, что Славянство... водворилось здѣсь на инородческой основѣ» (стр. 169). Большая часть славянскихъ именъ на Бѣлоозерѣ «несомнѣнно позднѣйшаго происхожденія — или отъ христіанскихъ личныхъ именъ... или отъ приходскихъ церквей»... (стр. 171).

Источникомъ для географіи Новгородской земли въ XI вѣкѣ послужилъ для г. Барсова и уставъ о мостѣхъ, хотя онъ и дошелъ до насъ въ редакціи XIII вѣка, на томъ основаніи, что въ ней не упоминается о тѣхъ волостяхъ, въ которыхъ Новгородцы утвердились во второй половинѣ XI вѣка и о которыхъ находятся упоминанія въ позднѣйшихъ новгородскихъ грамотахъ. «Эта разница», замѣчаетъ изслѣдователь, «можетъ быть объяснена только тѣмъ, что, при расширеніи новгородскихъ предѣловъ, городовыя повинности не распространялись на вновь присоединяемыя волости и что ихъ продолжали нести только тѣ, на которыхъ онѣ пали въ старину» (стр. 174).

При разборѣ сочиненія г. Барсова мы имѣли въ виду выяснить не только общее значеніе его труда въ ряду другихъ трудовъ по исторической географіи, но и указать на находящіяся въ его сочиненіи новыя данныя, замѣчанія и положенія по вопросамъ частнымъ. То, что указано нами, хотя, можетъ быть, и не исчерпываетъ всего того, что вносить новаго въ науку разобранное нами

ислѣдованіе, можетъ служить доказательствомъ несомнѣнно важнаго значенія его для русской исторіи. Потому-то мы и полагаемъ, что г. Барсовъ за свой прекрасный, добросовѣстный трудъ вполнѣ заслуживаетъ быть награжденнымъ премією.

IV.

«Очеркъ внутренней исторіи Пскова». Соч. А. Никитскаго. Сиб. 1873.

Рецензія професора И. Е. Энгельмана.

Задача, разрѣшеніемъ которой занимается г. Никитскій въ своемъ «Очеркѣ внутренней исторіи Пскова», опредѣляется имъ слѣдующимъ образомъ: представить читателю возможно обстоятельное изслѣдованіе главныхъ началъ, служившихъ основаніемъ историческаго развитія псковскаго быта. Такъ какъ авторъ прямо заявляетъ, что «затрудненія, еще несовсѣмъ устраненныя съ пути ко всестороннему изложенію исторіи Пскова, побуждаютъ его ограничиться однимъ представленіемъ главныхъ основаній исторіи Пскова», то всякій споръ о пользѣ болѣе широкаго плана излишенъ, и критику остается, относительно плана сочиненія, стать на точку зрѣнія автора.

Появленію этого сочиненія нельзя не порадоваться. Наука русской исторіи особенно нуждается въ монографіяхъ, занимающихся изслѣдованіемъ мѣстной жизни древней Руси. Хотя исторія Пскова была уже нерѣдко предметомъ изученія, однако изслѣдованіе автора нисколько не является излишнимъ; въ особенности потому, что онъ строго придерживается источниковъ, и тѣмъ отличается отъ всѣхъ прежнихъ изслѣдователей. Онъ старается проникнуть въ истинный смыслъ и значеніе источниковъ, извлечь изъ нихъ все, что они содержатъ, не успокоивается на общихъ мѣстахъ, мѣтко подмѣчаетъ особенности псковскаго быта, и старается выяснить ихъ происхожденіе и значеніе изъ особенностей обстоятельствъ и отношеній, дѣйствовавшихъ во Псковѣ. Добросовѣстное собраніе фактовъ, трезвая оцѣнка ихъ и наглядная группировка, съ цѣлью

воспроизвестъ сколько можно вѣрную картину древняго псковскаго быта, отличаютъ его изслѣдованіе. Оставаясь въ этихъ границахъ, авторъ несомнѣнно принесетъ своими изслѣдованіями значительную пользу наукѣ русской исторіи, требующей именно подробнаго и трезваго изслѣдованія источниковъ и тщательной обработки фактовъ. Однако кажется, что автору не достаетъ того, что у нѣмцевъ называется «школой», не достаетъ навыка въ примѣненіи правилъ исторической критики. Онъ пользуется ими вслѣдствіе присущаго ему таланта, но не вездѣ, не всегда и не систематически. Иной разъ, хотя и рѣдко, случается, что авторъ, считая дѣло совершенно яснымъ, не беретъ на себя труда собрать *все* извѣстія до него касающіяся, заглянуть во все источники и вслѣдствіе того приходитъ къ поверхностнымъ выводамъ (Примѣры такихъ выводовъ мы разберемъ ниже). Затѣмъ авторъ, иной разъ, въ своихъ сужденіяхъ не удерживаетъ въ виду общій планъ изслѣдованія, общую цѣль, къ которой идетъ. Разсматривая извѣстное явленіе, извѣстную сторону дѣла, онъ плѣняется имъ, забываетъ другую, а переходя къ другой сторонѣ дѣла увлекается ею и противорѣчитъ себѣ-же, такъ что право не знаешь, какого же наконецъ мнѣнія придерживается самъ авторъ. (Эта шаткость въ сужденіяхъ встрѣчается при описаніи паденія Пскова на стр. 253 — 290. Здѣсь, впрочемъ, факты, на основаніи которыхъ можно проверить воззрѣніе автора, все приведены и самъ онъ добросовѣстно приготовилъ необходимый для проверки матеріалъ).

Главный недостатокъ сочиненія состоитъ въ томъ, что авторъ не ограничилъ свое изслѣдованіе тѣмъ предметомъ и тѣми способами изысканія, которыми умѣетъ пользоваться; у него являются пополюзованія пускаться въ сравнительную исторію права и историко-философскія разсужденія и соображенія, что ему очевидно не подъ силу. Сравнительная исторія права имѣетъ несомнѣнно великое значеніе и ведетъ къ любопытнымъ выводамъ, озаряетъ исторію яркимъ свѣтомъ, но конечно лишь подъ условіемъ серьезно научнаго направленія. Точно также какъ въ сравнительномъ языкознаніи нельзя дѣлать выводы на основаніи внѣшней формы и созвучія словъ, точно также и сблизать два явленія сходствомъ чисто внѣшнимъ, при внутреннемъ различіи, значитъ заниматься словопреніемъ, хотя бы и краснорѣчивымъ. Сравнительное правовѣдѣніе и сравнительная исторія права — науки весьма трудныя и требуютъ многосторонней подготовки и основательнаго изученія сравниваемыхъ правъ. Такой подготовки нельзя замѣнить

нѣсколькими, не впадѣ набранными цитатами ¹⁾. При сравненіи учрежденій разныхъ временъ и народовъ можетъ имѣть значеніе лишь сравненіе характерныхъ учреждений. Сходство и различіе между ними весьма важны и могутъ вести къ любопытнымъ выводамъ. Но того-же нельзя сказать о сравненіяхъ, которыя мы находимъ у автора. Приведемъ нѣсколько примѣровъ:

1) На стр. 33 читаемъ: «Княжеская власть.... оставалась республиканскою должностію, магистратурою»... На стр. 121: «Въ періодъ родового быта, когда князь былъ простымъ республиканскимъ магистратомъ»...

Какъ это громко: «республиканскій магистратъ!» какое стройное развитіе предполагаетъ это выраженіе: древній Римъ воскресаетъ предъ нами! Увы при родовомъ бытѣ о республиканскомъ магистратѣ и говорить нельзя. Республиканскій магистратъ предполагаетъ существованіе государства, государственнаго строя, юридическаго устройства, а именно этого-то и не было. Патріархальныя отношенія, патріархальное господство вѣча въ своей неопредѣленности, неограниченности и, такъ сказать, въ своемъ «размашествѣ» — чтобы и самому разъ употреблять громкое слово — не оставляютъ никакого мѣста республикѣ. Тѣмъ менѣе можно говорить о магистратурѣ! Употребляя римскіе терминны, нельзя же ихъ просто приклеивать къ явленіямъ совершенно другаго свойства. Какъ можно говорить о магистратурѣ въ доисторическій періодъ, когда нельзя говорить о магистратурѣ во всемъ періодѣ древней русской исторіи! О магистратурѣ можно говорить, гдѣ дѣло идетъ о твердомъ, неизблемомъ правѣ. Консулъ былъ магистратъ. Его избиралъ народъ, но разъ избравшій его народъ не только не имѣлъ права, но положительно не могъ отрѣшать его отъ должности. Если его дѣйствія казались предосудительными народу или Сенату, то можно было склонить его товарища назначить диктатора, чѣмъ прекращалась власть обоихъ консуловъ. Если же второй консулъ на это не соглашался, то ни Сенатъ ни народъ не могли, ни избрать диктатора, ни отрѣшить консула, ни привлечь его къ суду — оставалось ждать окончанія года, на который консулъ былъ избранъ. Конечно Сенатъ имѣлъ одно средство освободиться отъ противника, именно объявить его *hostem patriae*; но этимъ средствомъ Сенатъ пользовался лишь въ крайнихъ слу-

---

¹⁾ Ср. напр. на стр. 1 ссылки на Милля, Бёкля и Лотце, на стр. 7 и 49 на Зибеля, на стр. 4 и 13 на Момзена, на стр. 23 и 24 на Грима.

чаяхъ. При подобныхъ твердо-установившихся отношеніяхъ можно говорить о магистратурѣ. Но примѣнять выраженіе *magistratus* къ родоначальнику и родовому князю, отношенія котораго къ родичамъ и членамъ племени были повидимому патриархальныя — неумѣстно. Г. Никитскій примѣняетъ выраженіе *magistratus* и къ посадникамъ. Достаточно вспомнить, что если таковой становился народу почему либо «нелюбимъ», то народъ распоряжался съ нимъ самъ, смотря по обстоятельствамъ или по своему настроенію.

Странно также говорить о «курульскихъ должностяхъ посадника и тысяцкаго» (стр. 38) или что «старые посадники и тысяцкіе были ничто иное, какъ русскіе консуляры, преторіи и эдиліціи» (стр. 145). Вѣдь положеніе тѣхъ и другихъ было совершенно иное и это сравненіе ничего не говоритъ, ничего не доказываетъ, ничего не объясняетъ. Другое дѣло уже, когда г. Никитскій сравниваетъ псковскихъ посадниковъ съ римскими консулами не вообще, но въ *той лишь отношеніи*, что сотоварищество двухъ консуловъ въ Римѣ и двухъ посадниковъ въ Псковѣ указываетъ въ обоихъ случаяхъ на то, что патриціи въ Римѣ и бояре во Псковѣ могли пользоваться имъ для сохраненія своихъ интересовъ (стр. 151).

2) Весьма неловкимъ должно признать привлеченіе къ сравненію Римскаго сената. Въ источникахъ упоминается, что Древлянскій родовой князь совѣщался съ старѣйшинами. Вѣроятно также, что и старѣйшины другихъ племенъ совѣщались между собою и съ своими же родовыми князьями, если таковыя у нихъ были. Авторъ отсюда выводитъ заключеніе (стр. 73 и сл.), что въ доисторическое время существовалъ совѣтъ, какъ учрежденіе — и это воображаемое учрежденіе называетъ сенатомъ и тѣмъ сравниваетъ его съ извѣстнымъ римскимъ учрежденіемъ. Далѣе мы знаемъ, что бояре и въ особенности бывшіе («старые») посадники и тысяцкіе въ Новгородѣ и бывшіе («старые») посадники во Псковѣ имѣли значительное вліяніе на дѣла и отсюда заключаемъ, что у нихъ, конечно, должны были быть совѣщанія, въ источникахъ находятъ даже намеки на такого рода совѣщанія. Г. Никитскій разсматриваетъ эти мѣста въ источникахъ и опредѣляетъ совершенно правильно значеніе боярства при управленіи политическими дѣлами Новгорода и Пскова. Только напрасно сравниваетъ онъ этотъ совѣтъ съ Римскимъ сенатомъ ¹⁾. Этимъ онъ вноситъ совершенно

---

¹⁾ Стр. 142 и сл.

опредѣленное понятіе, выработавшееся на чужой почвѣ, въ новгородскія и псковскія отношенія, и такимъ образомъ приписываетъ имъ характеръ, котораго они не имѣли. По крайней мѣрѣ до сихъ поръ намъ не извѣсны данныя, которыя указывали бы на подобный характеръ. Историкъ обязанъ изображать только то, на что мы имѣемъ несомнѣнныя доказательства, а не освѣщать факты или явленія произвольнымъ сближеніемъ ихъ съ явленіями инаго характера и другихъ условій. Такого рода приемы окрашиваютъ явленія въ колоритъ имъ чуждый и въ то время, какъ мы вправѣ были бы ждать отъ изслѣдователя представленія намъ извѣстныхъ учрежденій въ присущей имъ народной формѣ, фантазія наша представляетъ намъ образы чужаго міра, въ особенности когда этотъ, привлекаемый къ сравненію, міръ, вслѣдствіе совершеннѣйшей научной обработки, намъ болѣе присущъ. Людямъ же основательно знакомымъ съ дѣломъ такого рода приемъ ничего не разъяснитъ.

3) На стр. 13 авторъ, для сравненія различныхъ способовъ землевладѣнія между собою, приводитъ примѣръ изъ римской исторіи, и говоритъ: «Сообразно съ первой, земля обрабатывается цѣлымъ родомъ съобща, а затѣмъ уже полученный продуктъ дѣлится между принадлежащими къ роду членами, домами: такой способъ пользованія землей господствовалъ у Римлянъ». Между тѣмъ, если посмотримъ какъ выражается Момзенъ, въ томъ мѣстѣ, на которое ссылается авторъ, и что говорятъ источники, то видимъ, что о «господствѣ такого способа у Римлянъ» говорить нельзя, но что есть намеки, что подобный способъ пользованія землей, вѣроятно, когда то, въ самыя первыя времена Рима, существовалъ. Г. Никитскій слѣдовательно усиливаетъ выраженіе Момзена.

Изъ приведенныхъ примѣровъ видно, что г. Никитскій не всегда относится къ сравнительному методу изслѣдованія съ должнымъ вниманіемъ и необходимою осмотрительностью. Та же самая небрежность замѣтна при употребленіи иныхъ научныхъ терминовъ. Въ каждой наукѣ для изслѣдователя дѣло первой важности — съ точностію отдѣлять другъ отъ друга различныя понятія, входящія въ составъ ея, и поэтому строго держаться употребительныхъ терминовъ, не суживая и не распространяя ихъ безъ крайней необходимости; въ противномъ случаѣ разсужденія и заключенія дѣлаются сбивчивыми. Если мы вездѣ, въ родѣ, племени, родовомъ княженіи, будемъ говорить о государствѣ, о политическихъ учрежденіяхъ, то лишаемся этихъ выраженій, какъ терминовъ, и употребляя ихъ, никогда не будемъ знать, о какого рода явленіяхъ

идеть рѣчь, о семейныхъ, родовыхъ, патриархальныхъ, или собственно государственныхъ и политическихъ. Г. Никитскій такъ и поступаетъ. Онъ видитъ государство во всемъ и вездѣ, но не потому, чтобы не умѣлъ отличать государственнаго строя отъ родового и племеннаго быта, а потому что онъ желаетъ провести свою особенную теорію, свой особенный взглядъ. Онъ умѣетъ очень ясно и правильно найти различіе между родовымъ распорядкомъ и государственнымъ строемъ и въ концѣ концовъ прямо доказываетъ, что въ родовыхъ и въ племенныхъ единицахъ, называемыхъ имъ же государствами, нѣтъ рѣшительно ничего государственнаго.

Послушаемъ какъ разсуждаетъ г. Никитскій.

Стр. 12: «Основаніе роду полагается сознаніемъ о юридическомъ или политическомъ принципѣ и сообщеніемъ этому принципу объективнаго значенія, т. е. замѣною правилъ родственной любви политическими учреждениями. Разница между родовымъ государствомъ и государствомъ высшей формаціи въ отношеніи учреждений заключается въ томъ, что въ первомъ политическое стремленіе, политическое зерно, не выражается въ особенныхъ органахъ, а во всемъ кругѣ своей дѣятельности довольствуется средствами и формами, представляемыми семьею».

Стр. 26. «Отдѣльные роды были ничѣмъ инымъ, какъ самостоятельными государствами столь значительной (вѣроятно опечатка вмѣсто *незначительной*) величины, что, сравнительно съ племенемъ, народомъ, являлись какъ бы отдѣльными личностями, индивидуумами».

Стр 32: ... «внутренняя сила государства ослабляется сообразно съ увеличеніемъ его объема, сообразно съ расширеніемъ господства родового принципа на болѣе значительной территоріи. Въ этомъ нѣтъ ничего страннаго, такъ какъ узлы родства, чѣмъ дальше онѣ будутъ удалены отъ своего начальнаго источника семьи, тѣмъ меньше будутъ заключать въ себѣ внутренней силы».

Стр. 44. «Если родовые союзы, входившіе въ составъ княженья, были ни въ (?) чѣмъ инымъ, какъ государствами въ незначительномъ масштабѣ, то естественно ожидать, что государственный характеръ союзовъ будетъ препятствовать имъ входить второстепенными членами въ высшія единицы, княженья». .... «Это существованіе лѣстницы государствъ, имѣющихъ опредѣленные, вполне самостоятельные круги дѣйствія, составляютъ одну изъ отличительныхъ чертъ родового быта» ....

Стр. 45. «Если... при господствѣ родового быта... всѣ политическіе порядки облекаются въ формы семьи... если, поэтому, ... понятія семьи и государства... постоянно смѣшиваются... то естественно возникаетъ такой вопросъ о значеніи патріархальныхъ организацій: относятся ли послѣднія къ разряду государствъ, или же составляютъ принадлежность доисторическаго періода цивилизаціи человѣчества?»

Непонятно, какъ можно дѣлать такую постановку вопроса!

Поставивъ вопросъ столь страннымъ образомъ авторъ даетъ и соотвѣтствующій ему отвѣтъ. Онъ говоритъ, стр. 46: что дѣйствительно существовали признаки государственности родовыхъ отношеній. «Только это органическое единство понималось не столько умственно, не столько въ опредѣленныхъ юридическихъ понятіяхъ, сколько мнѣически и поэтически, въ образѣ, представляемомъ семейною жизнью. Поэтому совершенно естественно, что при такомъ бытѣ тѣ стороны государственной жизни, которыя не совпадаютъ съ представленіями о семьѣ, совсѣмъ не получаютъ надлежащаго развитія».

Значитъ авторъ самъ сознаетъ, что о государственности этихъ союзовъ и говорить нельзя.

Изслѣдованія и соображенія автора о семьѣ, родѣ, и высшей родовой единицѣ, княженьи, сами по себѣ довольно дѣльны и любопытны, еслибъ только онъ не смѣшивалъ этихъ понятій съ государствомъ и не вводилъ свою теорію о фикціи (см. ниже).

Не можемъ обойти молчаніемъ страсть автора къ громкимъ или необыкновеннымъ словамъ, поражающимъ читателя. Мы уже видѣли, что онъ любитъ употреблять: республиканскій магистратъ, сенатъ, курульскія должности. Кромѣ того есть и другіе примѣры:

1) (на стр. 195). «Лице, заступившее мѣсто владыки во Псковѣ, называлось «владычень намѣстникъ». Въ *одномъ* мѣстѣ лѣтописи авторъ нашелъ выраженіе: «отъ Ивана владычника владычня» и обрадовался, отыскавъ, молъ, новый терминъ! и вотъ въ его сочиненіи является странное выраженіе «владычникъ» — слово, по производству своему, какъ-то не соотвѣтствующее тому значенію, которое ему придаетъ авторъ — слово, получившее ту форму очевидно вслѣдствіе ошибки переписчика. Писецъ, списывая лѣтопись, въ своемъ подлинникѣ читалъ: «Ивана намѣстника владычня». Написавъ слово «Ивана» переписчикъ ошибкою опустилъ второе слово и началъ писать третье «владычн»..., помня, что пишетъ второе слово онъ взглянулъ на окончаніе втораго слова въ подлин-

никѣ, и, не замѣтивъ своей ошибки, дописалъ окончаніе этого втораго слова и написалъ «ика», а за тѣмъ и третье слово «владычня». Это объясненіе намъ кажется гораздо болѣе вѣроятнымъ, нежели предположеніе автора о новомъ терминѣ и о томъ, что слово «владычня» — плеоназмъ.

2) На стр. 279 мы читаемъ: «когда послѣ смерда оставались только однѣ дочери, то за выдачей субсидій послѣднимъ, все достояніе смерда переходило въ руки князя». По древне-русскому праву тотъ, кто исключилъ дочь изъ вотчины или поземельнаго участка отца, долженъ былъ выдать ей приданое — а это г. Никитскій называетъ: субсидіями! Извѣстно, что подъ этимъ словомъ понимается совершенно другое.

На той же стр. и на стр. 282 авторъ говоритъ о княжескихъ «доменахъ», по-русски говорятъ о княжескихъ *земляхъ*.

3) На стр. 21 читаемъ: «Если выражаться юридическимъ языкомъ, комбинація разныхъ званій въ одной особѣ въ періодъ родоваго быта была не абсолютною, а факультативною».

Рѣшительно нельзя понять, почему авторъ полагаетъ, что это предложеніе есть юридическое выраженіе его мысли. Употребленіе иностранныхъ словъ, затемняющихъ смыслъ какого-нибудь выраженія, еще не придаетъ ему характера юридическаго.

4) На стр. 340 авторъ говоритъ о реформаціонномъ движеніи XVI вѣка въ церковныхъ дѣлахъ Россіи, а на стр. 343 даже «о великомъ реформаціонномъ движеніи XVI столѣтія». Не слишкомъ ли громкое названіе весьма скромныхъ начинаній?

Наконецъ встрѣчается у автора небрежное употребленіе разныхъ выраженій и излишнее употребленіе иностранныхъ словъ. Зачѣмъ употреблять выраженія какъ «патрональная святыня», «тенденціи» вмѣсто *направленій* (на стр. 324), «регулированіе» вм. *опредѣленіе* (на стр. 328). Выраженіе «дуалистическая секта» не означаетъ того, что авторъ желаетъ выразить. Слѣдовало бы сказать: секта съ дуалистическимъ ученіемъ.

На стр. 15 и слѣд. авторъ, говоря о доисторическомъ времени, употребляетъ выраженіе *собственность*, говоритъ о *поземельной собственности частной и родовой*. Такъ какъ въ доисторическое время *поземельная собственность* не существовала и не могла существовать и даже въ историческое время *поземельная собственность* развилась весьма медленно — то и не слѣдовало употреблять этого термина, а слѣдовало употреблять другія выраженія: *владѣніе, родовое достояніе* и т. п.

На стр. 196 авторъ говорить, что такъ называемыя смѣшанныя дѣла, напримѣръ, бракъ и семейныя отношенія, составляли исключительную *собственность* церковнаго вѣдомства — слѣдовало бы сказать: область, или сказать, что они принадлежали къ вѣдомству.

На стр. 286 *молодые люди* — вм. молодшіе люди.

На стр. 319 читаемъ: *титулъ* его занялъ *мѣсто* «непосредственно послѣ князя и посадника».

На стр. 284 читаемъ: «Дворы многихъ посадниковъ были тотчасъ же преданы на потокъ и на разграбленіе». Спрашивается какимъ это образомъ дворъ могъ быть отданъ на потокъ? Людей отдавали на потокъ, а дворы на разграбленіе!

На стр. 23 читаемъ: «Однако съ теченіемъ времени, сообразно съ развитіемъ *антропоморфизма*, незамѣтно являлось въ жизни и раздѣленіе званій: на ряду съ княжескимъ возникало и самостоятельное жреческое». Спрашивается: антропоморфізма — чего? или какаго?

На стр. 35 читаемъ: «На Руси отсутствіе... храмовъ въ честь боговъ, равно какъ и слабое развитіе антропоморфизма (?), обнаруживающагося только въ позднѣйшее время».

На стр. 34 авторъ говорить «что съ развитіемъ антропоморфизма явилась возможность образованія жреческаго сословія. Чѣмъ больше боги усвоивали себѣ человѣческой образъ».... Здѣсь по крайней мѣрѣ можно отгадать, что авторъ говорить объ антропоморфізмѣ боговъ — но все таки нельзя выражаться подобнымъ образомъ.

На стр. 315 мы читаемъ: «Подобно тому, какъ первая форма свмоніи, взиманіе мзды за ставленіе, послужила поводомъ къ возникновенію ереси стригольниковъ, точно также и вторая форма, предоставленіе за деньги права священствовать вдовствующему духовенству, не осталась безъ параллельнаго стригольничеству явленія: она сопровождалась вмѣшательствомъ мірянъ въ собственно церковныя дѣла». Спрашивается кака я тутъ паралель? Вмѣшательство мірянъ въ дѣла церкви не выразилось же въ какой либо ереси или сектѣ, а было временное, какъ объясняетъ самъ авторъ.

Изслѣдованіе, раздѣляемое авторомъ на шесть главъ, изъ которыхъ первая содержитъ въ себѣ введеніе, на дѣлѣ распадается на двѣ части, неимѣющія между собою ничего общаго. Эти части суть

1) Введеніе (стр. 1 — 53). Взглядъ на родовой бытъ въ древней Руси.

2) Самое изслѣдованіе о внутренней исторіи Пскова. Эта вторая часть распадается на пять главъ.

I. Областной бытъ Великаго Новгорода, стр. 59 — 109.

II. Псковъ и его устройство, стр. 110 — 186.

III. Состояніе церкви во Псковѣ, стр. 187 — 238.

IV. Торжество московскаго порядка, стр. 239 — 311.

V. Вліяніе Москвы на дѣла церкви, стр. 312 — 344.

Въ введеніи авторъ излагаетъ свой взглядъ на родовой бытъ въ древней Руси и дѣлаетъ это не только на основаніи положительныхъ данныхъ, но вдаваясь въ общія разсужденія историко-философскаго содержанія и касаясь исторіи цивилизаціи народовъ. Спрашивается, не значитъ ли это забираться слишкомъ далеко, затрогивать развитіе цивилизаціи человѣчества въ доисторическое время, когда собираешься писать всего только *очеркъ* внутренней исторіи Пскова: По крайней мѣрѣ странно, въ введеніи къ совершенно специальному изслѣдованію, имѣющему неотъемлемое достоинство, видѣть какъ бы желаніе автора — выказать свою всестороннюю начитанность на поприщахъ, не относящихся непосредственно къ предпринятому имъ труду.

Авторъ начинаетъ весьма остроумнымъ философскимъ изреченіемъ: «что сумма событій опредѣляется суммою знаній». Изреченіе это, конечно, заимствовано у Милля, затѣмъ приведенъ еще Лотце и тутъ же для сравненія указано на Бѣкля. Въ столь важномъ обществѣ, конечно, дѣло должно идти, по крайней мѣрѣ, о цивилизаціи человѣчества. Авторъ такъ и объявляетъ, что онъ докажетъ справедливость этого изреченія въ древнѣйшемъ періодѣ цивилизаціи человѣчества. Если сумма событій опредѣляется суммою знаній, то слѣдовало бы, при изложеніи внутренней исторіи Пскова, оставить въ сторонѣ исторію цивилизаціи человѣчества, такъ какъ сумма знаній нашихъ о вліяніи послѣдней на первую, или хоть на оборотъ, равняется нулю, значитъ и сумма событій повліявшихъ изъ этихъ періодовъ другъ на друга, также должна быть нуль.

Однако авторъ придаетъ выше приведенному изреченію другое очевидно значеніе, значеніе по крайнему нашему разумѣнію неудобоповятное. Мы поэтому обратимся къ тѣмъ именно изреченіямъ упомянутыхъ авторитетовъ, на которыя ссылается самъ г. Никитскій.

J. S. Mill, System der Logik 1863. II, 564: Ich stimme mit der Meinung des H. Buckle überein, dass die intellectuellen Elemente

der Menschheit — in diesem Ausdruck die Natur ihrer Meinungen (Glauben), die Summe ihres Wissens und die Entwicklung ihrer Intelligenz inbegriffen — der vorherrschende Umstand in der Bestimmung ihres Fortschritts sind.

Н. Lotze, *Микрокосмос* III. 186. Welches auch die eigenthümlichen Wurzeln sein mögen, aus denen die schöpferischen Triebe der Kunst, die sittlichen Ueberzeugungen, der religiöse Glaube entspringen: sie alle sind in dem Reichthum und der Sicherheit ihrer Entfaltung theils von der Ausdehnung abhängig, in welcher das Wissen die Wirklichkeit ihrem beherrschenden Einfluss unterordnet, theils von der Klarheit, mit der es über sich selbst, seine Aufgaben und seine Mittel sich verständigt hat.

Buckle, *History of Civilization in England*. L. 1858, стр. 205 и 6. Въ IV главѣ Бёкль говоритъ о законахъ, подъ вліяніемъ которыхъ происходитъ развитіе духовныхъ (умственныхъ и нравственныхъ) силъ человѣчества, и находитъ, что главнымъ элементомъ, подвигающимъ цивилизацію впередъ, есть развитіе умственныхъ силъ, знанія. Глава заключаетъ въ себѣ стр. 153 — 206, въ концѣ на стр. 205 и 206 онъ говоритъ: the changes in every civilized people are, in their aggregate, dependent solely on three things: first, on the amount of knowledge possessed by their ablest men; secondly, on the direction which that knowledge takes, that is to say, the sort of subjects to which it refers; thirdly and above all, on the extent to which the knowledge is diffused, an the freedom with which it pervades all classes of society.

Спрашивается: есть ли какая бы то ни была возможность, выразить мысли приведенныхъ г. Никитскимъ авторитетовъ такимъ образомъ, какъ дѣлаетъ это онъ?

Таково начало! Далѣе авторъ затрогиваетъ разные обширные вопросы исторіи цивилизаціи, которые въ двухъ, трехъ словахъ не могутъ быть, ни рѣшаемы, ниже излагаемы ясно и понятно.

«Во взглядѣ на окружающій міръ, историческіе народы въ древнѣйшій періодъ своего развитія находились на той же ступени, на которой до сихъ поръ остаются народы неисторическіе, чуждые культурѣ, и на которой дѣти будутъ оставаться, вѣроятно, навсегда». Затѣмъ авторъ вызывается «показать связь существовавшую между знаніемъ или міросозерцаніемъ и ходомъ событий или народнымъ бытомъ въ древнѣйшій періодъ цивилизаціи человѣчества».

Посмотримъ какъ онъ за это прннимается. Г. Никитскій из-

лагаеть вкратцѣ, и въ ущербъ ясности и опредѣленности, положенія Дельбрюка и Штейнтала о возникновеніи и значеніи мифовъ. Далѣе продолжаетъ (на стр. 4), что мифологическое міросозерцаніе представляло удобную почву, на которой легко могли возникнуть и развиваться юридическія фикціи, что во всякомъ развивающемся обществѣ социальныя потребности нѣсколько опережаютъ движеніе законодательства, что между ними всегда остается пропасть, что развитіе общества зависитъ отъ быстроты, съ которою пропасть эта закрывается. Между средствами для этой цѣли не мало важную роль играютъ юридическія фикціи. «Въ римскомъ законодательствѣ фикція носитъ судебный характеръ и обозначаетъ ложное показаніе истца, котораго, т. е. показанія, отвѣтчикъ однако опровергать не могъ» . . . . При помощи этой фикціи иноземцу дозволялось искать и отвѣчать по суду, если онъ выдавалъ себя за римскаго гражданина.

Авторъ, какъ видно, излагаетъ свой взглядъ ясно и безъ обиняковъ, не смотря на то однако фикція подобнаго значенія никогда не имѣла. Совершенно неправильно, что фикція является въ древнѣйшее время, вслѣдствіе неясности и недостаточности понятій мифологическаго міросозерцанія. Напротивъ того, она является лишь въ такихъ правахъ и юридическихъ системахъ, которыя находятся уже на извѣстной ступени развитія и отличаются строго послѣдовательнымъ, одностороннимъ развитіемъ немногихъ основныхъ положеній, которыхъ онѣ придерживаются исключительно, узко и формально, такъ что иной разъ явная несправедливость можетъ быть устранена лишь предположеніемъ, что фактическія обстоятельства, не соотвѣтствующія буквальному смыслу закона, считаются какъ бы соотвѣтствующими ему. Именно такимъ характеромъ отличалось древнѣйшее римское право. Оно совершенно уже освободилось отъ мифологическаго и символическаго характера и единственно обращаетъ вниманіе на ясное выраженіе воли. Родовой и общинный бытъ устранены вездѣ, во всемъ видна власть государства. Все это ясно и понятно излагается въ томъ же самомъ мѣстѣ исторіи Момзена, на которое ссылается авторъ. Тутъ же прямо сказано, что чужіе считались совершенно безправными, если не было договоровъ между Римомъ и ихъ государствомъ. Изъ любого руководства исторіи римскаго права авторъ могъ бы узнать, на что Момзенъ только намекаетъ, что кромѣ того чужой могъ пользоваться, если былъ гостемъ римскаго гражданина, защитою сего послѣдняго, который вступался за гостя, какъ бы за своего кліента.

Здѣсь конечно была фикція, что гость равенъ клиенту. Однако кто сколько нибудь знакомъ съ римскимъ правомъ, не можетъ сказать, что фикція обозначаетъ ложное показаніе истца, котораго т. е. показанія, отвѣтчикъ однако опровергать не могъ!! Если бы авторъ не побоялся труда справиться хоть въ литературѣ, не говоря уже объ источникахъ, то настоящее значеніе фикціи могъ бы изучить у Демеліуса ¹⁾ и у Игеринга ²⁾, да не только у нихъ, а въ любомъ руководствѣ исторіи римскаго права, или институтовъ, или пандектовъ, наконецъ у Момзена въ томъ самомъ мѣстѣ, на которое онъ ссылается, и гдѣ нѣтъ ни одного слова, на которое авторъ могъ бы основывать свою теорію.

Въ Англіи фикція также встрѣчается именно вслѣдствіе строго односторонняго и формальнаго развитія права.

Напротивъ того въ тѣхъ правахъ, въ которыхъ, еслибы предположеніе г. Никитскаго было основательно, фикція должна была встрѣчаться всего чаще, въ германскомъ и славянскомъ, такъ какъ въ этихъ правахъ сохранилось множество всякихъ воспоминаній изъ древняго времени преобладанія родовыхъ и общинныхъ понятій — въ этихъ правахъ фикція и не встрѣчается, развѣ въ позднѣйшее время подъ вліяніемъ римскаго права. Но это г. Никитскаго не останавливаетъ; задавшись разъ своею теорію, онъ уже не знаетъ никакихъ препятствій. Родъ для него фиктивная семья — вотъ фикція и есть у Славянъ и съ нею доходитъ (на стр. 30) наконецъ до того, что объясняетъ: «родовой бытъ основывался собственно на двойной фикціи или лучше на фикціи двойнаго родства!» На стр. 32 авторъ доходитъ даже до слѣдующаго положенія: «Такое высшее патріархальное общежитіе, полученное посредствомъ расширенія фикціи родства, называлось на Руси *княженъемъ*». Какъ ни станешь расширять фикцію родства, получишь все таки лишь расширенную фикцію, т. е. отвлеченное понятіе, между тѣмъ княженіе была вещь весьма положительная.

Г. Никитскій развиваетъ цѣлую теорію фикцій въ древнѣйшій періодъ. По его мнѣнію, въ немъ господствовала одна фикція и то, что мы знаемъ о юридическихъ фикціяхъ въ римскомъ и англійскомъ правахъ, лишь жалкія остатки обширной системы, обнищавшей всю жизнь древнѣйшаго человѣка. Въ томъ, что люди бра-

¹⁾ Die Rechtsfiction in ihrer geschichtlichen u. dogmatischen Bedeutung. Weimar 1850.

²⁾ Geist des römischen Rechts. Bd. II. Leipzig 1864.

тались между собою, что въ сказаніяхъ, сагахъ и т. п. выводится единство цѣлаго племени отъ баснословныхъ лицъ, онъ видитъ фикцію! Вѣдь это вещи совершенно розныя! При фикціи чтонибудь не существующее принимается за существующее, потому что односторонне развитое право ставить признаніе какого либо субъективнаго права въ зависимость отъ такихъ обстоятельствъ, которыя иной разъ могутъ быть и несущественными, и которыя въ такомъ случаѣ, безъ ущерба справедливости, могутъ быть приняты за существующія, хотя бы они на дѣлѣ и не существовали. Такъ напр., если преторъ считалъ справедливымъ признать собственникомъ извѣстное лице, которое по *jus civile* не могло быть собственникомъ, то онъ въ своей формулѣ, препровождаемой судѣ, уполномочивалъ его — буде дѣло на самомъ дѣлѣ окажется таковымъ, какимъ считаетъ его преторъ — рѣшать его такъ, какъ будто истецъ не только фактически, но и по *jus civile*, былъ собственникомъ.

Народы германскаго и славянскаго племенъ жили въ древнѣйшее время подѣ влияніемъ родоваго быта. Самыми тѣсными узами для нихъ были узы родственныя. Когда Германецъ или Славянинъ вступалъ въ близкія отношенія съ неродственнымъ ему лицомъ, то, чтобы упрочить эти отношенія, они старались закрѣпить ихъ на столько же, на сколько были крѣпкими родственныя узы. Для этого они прибѣгали къ обрядамъ, которые должны были установить эту тѣсную связь. Убѣдившись въ хорошемъ расположеніи къ себѣ своего друга, они не ограничивались фикціею дружбы и братства, но старались установить, такъ сказать, матеріальное братство, связать друга еще болѣе сильными узами, нежели было родство кровное (отсюда обычай пить кровь другъ друга и др.).

Что образованіе сказаній нельзя объяснить юридическою фикціею, это кажется не требуетъ доказательства — хотя конечно много родоначальниковъ должно признать мнѣнческими.

Отъ теоріи образованія сказаній авторъ переходитъ къ изображенію древнѣйшаго быта человѣчества ¹⁾, все подѣ руководствомъ своей теоріи о фикціи. Впрочемъ за исключеніемъ тѣхъ мѣстъ, въ которыхъ авторъ примѣняетъ свою теорію, изслѣдованіе подвигается впередъ весьма логично и изложено ясно. Авторъ трезво оцѣниваетъ значеніе скудныхъ извѣстій о томъ времени, съ зоркимъ глазомъ осторожнаго и строгаго критика открываетъ фантазіи и увлеченія другихъ изслѣдователей, и, конечно, отвергаетъ

---

¹⁾ Стр. 8 и сл.

ихъ, доказывая односторонность взгляда или теоріи, породившей ихъ. Такъ напр. вполне справедливо его замѣчаніе, что прежніе изслѣдователи напрасно старались провести или *чисто* родовое или *чисто* общинное начало въ древней исторіи Россіи, и что, напротивъ того, древній бытъ имѣлъ смѣшанный характеръ, что въ немъ рядомъ существовали явленія того и другаго характера. Соображенія и замѣтки автора читаются съ интересомъ. Жаль только, что слабую сторону своей собственной теоріи авторъ не замѣчаетъ; и не даетъ ему покоя эта теорія: авторъ постоянно самъ портитъ свое изложеніе, стараясь всюду помѣстить какую нибудь фнкцію!

Излагая основанія общаго владѣнія въ древнѣйшій періодъ человѣчества ¹⁾, авторъ замѣчаетъ относительно Россіи, что скудость русскихъ источниковъ не допускаетъ дальнѣйшаго разъясненія мысли объ общемъ родовомъ владѣніи въ древней Руси, что въ особенности о формѣ его нельзя сказать достоверно, дѣлилась ли земля на участки съ передѣломъ, или же обрабатывалась сообща съ раздѣломъ продуктовъ. Авторъ соглашается съ мнѣніемъ тѣхъ, которые полагаютъ, что первая форма, существующая нынче въ Великороссіи, образовалась подъ вліяніемъ фискальных и полицейскихъ соображеній правительства. За существованіе въ древнѣйшее время общаго владѣнія землею подъ другою формою говорить, по мнѣнію автора, аналогія турецкихъ и австрійскихъ Славянъ. По нашему мнѣнію, врядъ ли въ этомъ случаѣ можно ссылаться на бытъ турецко-австрійскихъ Славянъ. Гораздо вѣроятнѣе, что въ древней Руси существовалъ свой особый способъ владѣнія землею. Какъ владѣнія каждаго рода опредѣлялись мѣрою занятія и пользованія землею членами рода и пространство ихъ опредѣлялось также мѣрою фактическаго владѣнія и пользованія, такъ и отношеніе отдѣльнаго лица къ землѣ было чисто фактическое, зависѣло отъ воли и дѣятельности отдѣльнаго лица. Обширныя пространства незаселенныхъ земель и непроходимыхъ лѣсовъ предоставляли каждому селиться въ волю, пользоваться тѣмъ количествомъ земли, которое онъ считалъ необходимымъ для удовлетворенія своихъ житейскихъ потребностей. Пространство поземельныхъ владѣній опредѣлялось постепенною разработкою земель и введеніемъ ихъ въ составъ предметовъ, приносящихъ пользу. Жилище лица и рода составляло опредѣленный центръ неопредѣлен-

---

¹⁾ Стр. 14.

ной окружности, объемъ которой опредѣлялся тѣмъ «куда плугъ и топоръ и коса и соха ходили». Все это считалось достояніемъ рода. На этой землѣ отдѣльныя лица селились гдѣ хотѣли, расчищали лѣсъ подъ пашню и когда пашня стала скудѣть, то переходили на другое мѣсто; земли было вдоволь, простую хату легко устроить, матеріалъ вездѣ въ изобиліи, необъятный лѣсъ покрывалъ равнины Россіи ¹⁾.

Довольно любопытно изслѣдованіе автора о различіи между круговою порукою, существовавшею вѣроятно уже въ древнѣйшее время, и тою, которую встрѣчаемъ въ позднѣйшее, уже историческое, время (стр. 15 и сл.). Вообще мы находимъ у автора многія основательныя замѣчанія, къ сожалѣнію слишкомъ часто прерываемыя фикціями или уже слишкомъ искусственными объясненіями. Примѣръ подобнаго объясненія находимъ на стр. 22. Авторъ говоритъ:

«Жреческій характеръ родоначальника можетъ служить объяснительною причиною разныхъ явленій позднѣйшаго времени, которыя бы безъ того остались совершенно непонятными.... представительствомъ родоначальника предъ богами.... можетъ быть объяснена та отвѣтственность, которую въ послѣдующее время возлагалъ народъ на своихъ князей и владыкъ (епископовъ) за тѣ естественныя бѣдствія, которымъ ему случалось подвергаться». Авторъ, разсуждая такимъ образомъ, приводитъ примѣры изъ XIII и XV вѣковъ. Намъ кажется, что здѣсь авторъ совершенно напрасно ссылался на событія изъ доисторическаго времени, чтобы объяснить ими происшествія XIII и XV вѣковъ. Епископовъ и князей народъ прогонялъ, если полагалъ, что они лихіе и не умѣютъ ладить съ Богомъ, и если ихъ считалъ причиною Божія гнѣва. Такой образъ дѣйствія народа, въ то время, самъ собою ясенъ и понятенъ, и объясняется изъ тогдашняго уровня образованности и тутъ незачѣмъ прибѣгать къ глубокомысленному подведенію княжеской и епископской власти подъ власть родоначальниковъ временъ доисторическихъ. Авторъ ссылается при этомъ на Грима. И что мы находимъ у Грима, въ томъ мѣстѣ, на которое ссылается авторъ? Приведеніе факта что, *Untüchtigkeit des königs ergab sich*

¹⁾ Любопытныя свѣдѣнія о существованіи понынѣ подобнаго способа пользованія землею въ Олонецкой губ., т. е. въ мѣстахъ куда не проникли, ни помѣщичья власть, ни крѣпостное право, на которыя не распространялись фискально полицейскія мѣры, установившія послѣднее — напечатаны въ Отечеств. Записк. 1874. Февраль въ ст. «Сельская община въ Олонецкой губерніи».

nicht bloss aus leiblichen gebrechen... auch schicksal und aberglaupe kamen dabei ins spiel; kriegsunglück, hungersnoth wurden der schuld des königs angerechnet ¹⁾. Нельзя не сожалѣть, что авторъ не воспользовался примѣромъ трезваго отношенія къ своему матеріалу, какое нашелъ у Грима.

Тѣ же самыя достоинства и тѣ же самыя недостатки мы находимъ въ слѣдующихъ за тѣмъ изслѣдованіяхъ, о характерѣ родовыхъ отношеній, значеніи родоначальника, городовъ и т. п. На стр. 24 авторъ говоритъ: «Въ древнѣйшее, патріархальное время народъ и войско были явленіями почти тождественными: тогда выраженіями «войско» «полкъ» (ahd. folh, ags. folc, altn. fôlk, lat. vulgus) обозначали просто народъ, тогда какъ въ послѣдствіи оба реченія перешли на военный классъ людей».

Замѣтка эта чрезвычайно любопытна и въ сущности авторъ правъ. Однако дѣло вовсе не такъ ясно, какъ полагаетъ авторъ. То, что ему кажется несомнѣннымъ, слѣдовало бы доказать. У Грима въ Gesch. d. d. Spr. находимъ слѣдующее: ahd. folh, ags. folc, altn. fôlk, agmen populus, litt. pulkas, sl. плѣкъ, acies castra, poln. polk, bôhm. plk., а также указаніе на *πόλχος* и vulgus. Здѣсь нужно замѣтить что послѣднія два слова приведены Гримомъ напрасно; они сюда вовсе не идутъ и къ сравненію съ корнемъ, о которомъ здѣсь говорится, приведены быть не могутъ: сл. *πόλχος* вообще весьма сомнительное, а латинское vulgus принадлежитъ къ другому корню; древнегерманскому *f* въ латинскомъ языкѣ соотвѣтствуетъ *p*, а никогда *v*. Оставляя эти слова въ сторонѣ, изъ приведенныхъ у Грима примѣровъ видимъ только, что слова одного и того же корня употребляются: въ древнескандинавскомъ въ смыслѣ *agmen* и *populus*, въ германскихъ языкахъ для означенія «народа», въ славянскихъ для означенія «войска». Но г. Никитскій утверждаетъ, что у одного и того же народа «народъ» и «войско» означались однимъ и тѣмъ же словомъ. Это требуетъ болѣе положительныхъ доводовъ, которые слѣдовало бы привести. Дѣйствительно въ древнескандинавскомъ языкѣ ²⁾ *fôlk* употребляется прежде всего въ значеніи *войска*, затѣмъ въ значеніи *людей* и наконецъ *народа*. Въ древнегерманскомъ языкѣ ³⁾ *folh* означаетъ *народъ*, но употребляется и въ смыслѣ *войска*; въ среднегерман-

¹⁾ Rechtsalterthümer. S. 231.

²⁾ Egilsson, Lex. poeticon ant. linguae septentr. Kopenhagen 1860.

³⁾ Graff, Althochdeutscher Sprachschatz. Berlin 1884 — 42.

скомъ языкѣ ¹⁾ послѣднее значеніе встрѣчается рѣже, но употребляется подобно тому, какъ и въ нынѣшнемъ германскомъ языкѣ говорится Kriegsvolk, Fussvolk. Относительно древнеславянскаго языка у Миклошича ²⁾ приведены три примѣра употребленія слова плѣкъ въ смыслѣ народа: у Іереміи 6, 19, въ двухъ рукописяхъ пророковъ, и въ жизнеописаніи сербскаго епископа Саввы. А. Х. Востоковъ ³⁾ переводитъ слово «плѣкъ» ὄμιλος, populus и приводитъ кромѣ того два мѣста, гдѣ оно употреблялось въ значеніи cohors и castra. У Даля встрѣчается указаніе на выраженія «Слово о полку Игоревѣ», «княжій полкъ» = жениховы поѣзжане и замѣтка, что въ Сибири «полкъ» употребляется въ смыслѣ ватаги.

Авторъ наконецъ (на стр. 47) переходитъ къ вопросу о паденіи родового быта и установленіи государственнаго начала. Тутъ неуможимо критикуется г. Чичеринъ. Если авторъ былъ бы менѣе занятъ мыслью о проведеніи своей теоріи и постарался бы глубже вникнуть въ мысль г. Чичерина, то нашелъ бы у него много полезныхъ указаній для разрѣшенія этого вопроса. На стр. 48 читаемъ: «Родъ не былъ явленіемъ естественнымъ, а фиктивнымъ, государствомъ, дальнѣйшія потребности общества состояли въ созданіи усиленной монархической власти; поэтому (sic) очевидно (т. е. вовсе не очевидно, даже не понятно какъ попало сюда это «поэтому»), что дружина и на Руси не могла имѣть на распаденіе родовыхъ началъ... никакого опредѣлительнаго вліянія, также какъ она не имѣла его и въ Германіи». При этомъ авторъ ссылается на Зибеля (Entstehung des deutschen Königthums). Мимоходомъ замѣтимъ, что Зибель въ этомъ вопросѣ вовсе не сказалъ послѣдняго слова, что гораздо болѣе обширное и основательное изслѣдованіе издано Ф. Даномъ (F. Dahn, die Könige der Germanen 1861—1871). Впрочемъ, не въ этомъ дѣло, а въ томъ правильно ли воспользовался г. Никитскій изслѣдованіемъ Зибеля. Зибель дѣйствительно говоритъ, что у древнихъ Германцевъ дружина образовалась на подобіе рода, и что собственно монархическаго начала и въ ней никакого нѣтъ. Такое начало онъ видитъ въ герцогствѣ, изъ котораго, подъ исключительнымъ римскимъ вліяніемъ, развилась королевская власть. Герцогствомъ онъ называетъ княжество, получившее вполнѣ твердое военное устройство. Если бы авторъ не

¹⁾ W. Müller, *Mittelhochdeutscher Wörtrb.* Leipzig 1854—66.

²⁾ *Lex. Palaeosloven. Greco-latinum.*

³⁾ *Словарь Церк. Слав. яз.*

только ссылаясь на Зибеля для подкрѣпленія своей предвзятой мысли, но читая его, то убѣдился бы, что образованіе королевской (государственной) власти въ Германіи шло подъ совершенно другими условіями, нежели у насъ въ Россіи, что поэтому при сравненіи слѣдуетъ поступать чрезвычайно осторожно. Изъ изложенія Зибеля видно, что германская Gefolgschaft рѣзко отличалась отъ княжеской дружины на Руси, такъ что изъ значенія первой никакъ нельзя дѣлать заключеніе о значенія послѣдней. Наконецъ впрочемъ самъ авторъ сознается, что на основаніи его соображеній можно развѣ дойти до отрицательныхъ результатовъ.

Въ заключеніе своей характеристики родового быта авторъ считаетъ не лишнимъ (стр. 51) «ориентировать ее (sic) въ кругѣ существующихъ въ русской наукѣ представленій». Значитъ послѣднія двѣ страницы введенія писаны не для насъ, читателей, а для самой статьи.

Переходя наконецъ къ разбору самого изслѣдованія о внутренней исторіи Пскова, мы въ I главѣ, изображающей *областной бытъ Великаго Новгорода*, находимъ собственно введеніе въ трудъ автора. Но и эта глава имѣетъ опять свое введеніе: она начинается Гегелемъ и его диалектикою, которую г. Никитскій разрушаетъ въ пухъ и прахъ, послѣ чего онъ обращается противъ г. Чичерина. Изложивъ вкратцѣ взглядъ г. Чичерина на Новгородскій бытъ (стр. 56—58), г. Никитскій продолжаетъ: «Не смотря на всю полную достовѣрность, приводимые здѣсь факты въ двухъ отношеніяхъ недостаточны для доказательства выводимаго изъ нихъ слѣдствія, будто бы Новгородская земля носила простой вотчинный характеръ: 1) хотя Новгородцы дѣйствительно распоряжались въ области (своей) правомъ суда, точно также, какъ они распоряжались тамъ землями, водами и лѣсами, тѣмъ не менѣе это явленіе свидѣтельствуетъ только о томъ, что къ правительственной дѣятельности, суду они прилагали нормы частнаго права (это г. Чичеринъ и говоритъ), а отнюдь не о томъ, чтобы судъ былъ ихъ вотчиннымъ, а не государственнымъ правомъ». Послѣднее очевидно игра словами. «2) Можно серьезно опасаться (!), что здѣсь представлено не только совершенно односторонне, но даже прямо противоположно тому, чѣмъ въ дѣйствительности было Новгородское устройство». Прежде всего замѣтимъ, что это предложеніе довольно странно выражено: изслѣдователь-критикъ не имѣетъ права опасаться, что что-нибудь представлено не такъ какъ было, но обязанъ доказать. Этотъ образъ выраженія тѣмъ страннѣе, что г. Никитскій выше говорилъ о

довичъ, тогдашній Новгородскій князь, былъ сущій интриганъ и заводчикъ распрей сперва между братьями, затѣмъ между племянниками, не пропускавшій случая нарушать порядокъ и губить свободу въ Новгородѣ, изъ мести морившій Новгородцевъ сотнями, даже пословъ ихъ. Дѣло происходило въ первой четверти XIII вѣка. Въ какомъ же положеніи были тогда дѣла?

Ярославъ мудрый какъ-то пытался укрѣпить русское господство въ Балтійскомъ краѣ, построивъ Юрьевъ и, вѣроятно, посадивъ въ семь городѣ мужа для собиранія дани въ окрестности. У его потомковъ были дѣла по важнѣе: они должны были ратоборствовать за старшинство, за волости и изъ удовольствія къ бою. Гдѣ тутъ было вспоминать объ одинокомъ городкѣ, поставленномъ въ чужомъ краѣ для собиранія дани! Объ немъ больше и не упоминается, онъ вѣроятно не долго существовалъ, какъ русскій городокъ. На Западной Двинѣ въ Герсикѣ (Kreutzburg) и Куkenойсѣ (Kokenhusen) сидѣли князья, подчиненные Полоцкимъ. Они собирали дань въ окрестностяхъ своихъ городковъ. О распространеніи христіанства, объ утвержденіи русскаго господства, о колонизаціи, такъ широко производившейся на востокъ, и помина не было. Прошло полтора столѣтія и дѣло не подвинулось ни на шагъ впередъ. Наконецъ явились нѣмцы, явился знаменитый основатель Ливоніи епископъ Альбертъ: онъ основалъ Ригу, учредилъ орденъ Меченосцевъ. Колонія явила свою жизнь. Въ 1205 г. князь Вячко въ Куkenойсѣ долженъ былъ заключить съ епископомъ договоръ. Въ 1206 г. Владиміръ, князь Полоцкій, безуспѣшно осаждалъ Искуль. Въ 1207 г. Вячко долженъ былъ уступить половину своего городка епископу. Въ 1208 г. Вячко, обижаемый васаломъ епископа, дѣлаетъ безуспѣшную попытку возстанія, сожигаетъ свой городокъ и бѣжитъ въ Полоцкъ. Въ томъ же году Всеволодъ, кн. въ Герсике, долженъ признать себя васаломъ епископа. Въ это же время Псковичи старались распространять русское господство, обращеніемъ пограничныхъ туземцевъ въ христіанство. Въ 1210 г. Мстиславъ Удалой взялъ городокъ Уггаунцевъ (Деритскихъ эстовъ), прежній Юрьевъ, крестилъ многихъ, бралъ дань и обѣщалъ прислать священниковъ, чтобы учить и укрѣплять въ вѣрѣ новокрещенцевъ; но никакихъ священниковъ прислано не было! Затѣмъ онъ пошелъ на Торму, опустошать землю Чюди. Въ томъ же году Полоцкій князь заключилъ договоръ съ Ригю. Въ 1212 г. Нѣмцы и Летты опустошаютъ страну Чюди. Съ своей стороны Новгородскій князь Мстиславъ Удалой, Давыдъ Торопецкій и Всеволодъ Псковскій съ 15000 вой-

ска опустошаютъ Ервенъ и берутъ Варболу, крѣпость Чюди, и собираютъ съ нихъ дань. вмѣсто того, чтобы соединиться съ Чюдью и вытѣснить нѣмцевъ, они съ своей стороны грабятъ ее. Владиміръ, князь Псковской, выдаетъ дочь свою за Дитриха, брата епископа Альберта. За дружбу съ нѣмцами Псковичи выгоняютъ его. Онъ ѣдетъ въ Ригу служить, его принимаютъ и ему даютъ фогтство, онъ дѣлается advocatus епископа; но его не жалуютъ за несправедливость и корыстолюбіе. Въ 1213 г. онъ на Руси, въ 1214 г. онъ опять advocatus въ Ливоніи. Между тѣмъ въ 1215 г. Новгородскимъ княземъ явился извѣстный Ярославъ Всеволодовичъ Переяславскій, въ Торжкѣ онъ заточаетъ Новгородскихъ купцовъ и пословъ, грабитъ и моритъ ихъ. Его прогоняетъ Мстиславъ Удалой сообща съ Владиміромъ Полоцкимъ и Владиміромъ Псковскимъ, послѣдній доказавъ между тѣмъ въ Ливоніи свою неспособность судить и рядить по закону, опять полюбился Псковичамъ. Въ 1216 г. онъ является въ Оденпе и собираетъ дань, Уггаунцы ищутъ помощи противъ него, у заклятыхъ враговъ своихъ Рижанъ, противъ которыхъ русскіе князья обѣщали имъ защиту. Нѣмцы укрѣпляютъ Оденпе противъ Русскихъ и вмѣстѣ съ Леттами и Уггаунцами опустошаютъ Псковскія волости на святкахъ, когда жители веселились и пили. Въ 1217 г. Владиміръ Псковскій и посадникъ Твердиславъ съ Новгородцами осаждаютъ и берутъ Оденпе, Дитрихъ, зять Владиміра, попадаетъ въ плѣнъ, его уводятъ Новгородцы. Альбертъ предлагаетъ миръ, Новгородцы не соглашаются. Въ 1218 г. Святославъ Новгородскій и Владиміръ Псковской опустошаютъ Ливонію до Вендена — въ отвѣтъ на что Летты опустошаютъ Псковскія волости. Мира не заключено, но войны собственно не ведется, не смотря на то, что нѣмецкая колонія въ весьма критическомъ положеніи: на нее собирается гроза. Въ 1219 г. Вольдемаръ II строитъ Ревель и является опаснѣйшимъ соперникомъ нѣмецкой колоніи. Летты жгутъ псковскія и новгородскія волости, Псковичи производятъ опустошенія въ Ливоніи. Въ 1220 г. Альбертъ напрасно ищетъ въ Новгородѣ мира, но настоящей войны не ведется. Тѣснимый со всѣхъ сторонъ, оставленный папою и Германскимъ императоромъ, онъ долженъ признать власть короля Датскаго. Въ 1221 г. однако нападеніе Эзельцевъ на Ревель доказываетъ Вольдемару слабость его начинаній, онъ опять признаетъ независимость Ливоніи. Всеволодъ Мстиславичъ, сдѣлавшись въ 1219 г. послѣ изгнанія Святослава Новгородскимъ княземъ, опустошаетъ Ливонію около Вендена. Въ 1222 г. Новгородцы прогоня-

ють его, Ливонцы опустошаютъ псковскія и новгородскія волости. Въ 1223 г. Эзельцы и вся Чюдь возстають, большинство Датчанъ перебито, господство нѣмцевъ распатано до основанія. Чюдь отправляетъ посольство къ Русскимъ, даже въ Суздаль, имъ на первый случай посылають нѣсколько сотъ воиновъ въ Феллинъ и Юрьевъ. Но Альбертъ не унываетъ, его неутомимой дѣятельности удалось собрать крестonosцевъ, онъ осаждаеть и беретъ Феллинъ и другіе городки, Чюдь прощаютъ, Русскихъ вѣшаютъ всѣхъ. Послѣ покоренія Феллина уже является огромное русское войско въ 20,000 чел.: Ярославъ Всеволодовичъ съ полками Великаго князя и Владиміръ Псковской идутъ на Ливонію. Кажется, насталъ конецъ ливонской колоніи. Дѣйствуя рѣшительно, Ярославъ могъ бы уничтожить немногочисленное войско нѣмцевъ; послѣ уничтоженія онаго, города врядъ ли могли бы держаться. Но тутъ явилось къ князю посольство Эзельцевъ. Заключенные враги Датчанъ, для нихъ дѣло первой важности уничтоженіе Ревеля. Ярославъ слѣдуетъ ихъ совѣту, оставляетъ нѣмцевъ въ покоѣ, опустошаетъ Чудскую землю, хотя она въ возстаніи противъ нѣмцевъ, и доказываетъ свою неспособность къ правильной осадѣ города: онъ не въ состояніи взять Ревель и возвращается назадъ съ богатою добычею и съ многими плѣнными изъ Чюди. Съ нѣмцами онъ вовсе не сражался, видѣлъ ихъ въ Феллинѣ, но осады Феллина не началъ, а грабилъ и покоренную нѣмцами и независимую отъ нихъ Чюдь! Вячко онъ оставляетъ съ небольшою дружиною въ Юрьевѣ.

Какимъ то чудомъ минула страшная опасность, грозившая колоніи гибелью: нѣмцы цѣлы и невредимы, пострадали Датчане, пострадала Чюдь. Послѣдняя послѣ такого урока легко покоряется. Нѣмцы всюду восстанавливають свою власть, нигдѣ не находятъ противодѣйствія. Соперничество съ Датчанами улаживается: общая опасность дѣлаеть противниковъ уступчивыми. Въ сентябрѣ 1224 г. Юрьевъ взятъ приступомъ послѣ четырехнедѣльной осады: защитники всѣ перебиты — только одному даютъ лошадь, чтобы могъ увѣдомить князя, обѣщавшаго помощь. Въ 1225 г. легатъ Вильгельмъ Моденскій въ Ливоніи — все устроивается. Въ 1227 г. островъ Эзель покоренъ въ немъ основывается особая епархія. Опасность минула окончательно!

Между тѣмъ какъ время, въ которое новая нѣмецкая колонія находилась на краю гибели, со стороны русскихъ князей проведено въ необдуманыхъ опустошительныхъ походахъ, не имѣвшихъ, кромѣ опустошенія, добычи и взаимнаго раздраженія, никакихъ по-

слѣдствій — теперь, когда колонія непреклонно неутомимостью своего основателя превозмогла превратности, когда она стала силою, когда волею или неволею слѣдовало принять положеніе, какимъ оно было на самомъ дѣлѣ, является вдругъ тотъ же Ярославъ Всеволодовичъ, чтобы начать войну, какъ къ тому привыкли князья въ своихъ волостяхъ, войну нескончаемую, безцѣльную. Притомъ Псковичи, не безъ повода, боялись, что князь при удобномъ случаѣ обратитъ свои силы противъ нихъ. Тутъ уже совершенно понятно, что простой здравый смыслъ заставилъ Псковичей отвѣчать, какъ они это сдѣлали.

Лѣтописецъ сообщаетъ объ этихъ дѣлахъ слѣдующее любопытное изложеніе:

«Томъ же лѣтѣ (1228) князь Ярославъ поиде въ Пльсковъ, съ Посадникомъ Иванкомъ и тысяцкымъ Вячеславъ. и слышавше Пльсковичи яко идеть къ нимъ князь, и затворишася въ городѣ, не пустиша къ собѣ; князь же постоявъ на Дубровнѣ, въспятися въ Новъгородъ, промъкля бо ся вѣсть бяше си въ Пльсковѣ, яко везеть оковы хотя ковати вяцшее мужи. и пришьдъ створи вѣче въ владычни дворѣ и рече: яко не мыслилъ есмь до Пльсковичъ груба ничего же, нъ везлъ есмь былъ въ коробьяхъ дары, паволоки и овощь, а они мя обьсчествовали; — и положи на нихъ жалобу велику ¹⁾. Тъгда же приведе пълкы изъ Переяславля, а река: хочю ити на Ригу. и сташа около городища шатры... То же слышавъше Пльсковичи яко приведе Ярославъ пълкы, убоявшеся того, взяша миръ съ Рижаны, Новгородъ выложивъше, а рекуче: то вы, а то Новгородьци, а намъ ненадобѣ; нъ оже пойдуть на насъ, ть вы намъ помозите. и они рекоша: тако буди. и пояша у нихъ 40 мужъ въ талбу. Новгородци же увѣдавъше, рекоша: князь насъ зоветъ на Ригу, а хотя ити на Пльсковъ. Тъгда же князь посла Мишу въ Пльсковъ, река: поидите съ мною на путь, а зла до васъ есмь не мыслилъ никотораго же, а тѣхъ ми выданте кто мя обадилъ къ вамъ. и рекоша Пльсковичи, приславъше Гръчина: тобѣ ся, княже, кланяемъ и братьи Новгородьцемъ, на путь не

---

¹⁾ Значить, что какія то коробья были у князя, когда онъ пошелъ къ Пскову, это фактъ. Изъ прошедшаго князя Ярослава Всеволодовича мы знаемъ, что онъ любилъ употреблять оковы и привыкъ уже не выпускать людей разъ заключенныхъ. Поэтому предположеніе Псковичей относительно заключающихся въ коробьяхъ подарковъ, кажется было не безъосновательное. Это подтверждается также образомъ дѣйствія Новгородцевъ, они уже по опыту знали своего князя.

идемъ, а братья своей не выдаемъ, а съ Рижаны есме миръ взяли; къ Колываню есте ходивъше серебро поимали, а сами пойдосте въ Новъгородъ, а правды не створисте, города не взясте, а у Кеси такоже, а у Медвѣжѣ Головѣ такоже, а за то нашу братью избиша на озерѣ, а инѣ поведени; а вы раздравъше ¹⁾ да прочь; или есте на насъ удумали? тѣ мы противу васъ съ святою Богородицею и съ поклономъ, то вы луче насъ изсѣчите, а жены и дѣти поемгѣте собѣ, а нежели поганіи; тѣ вамъ ся кланяемъ. Новгородци же князю рекоша: мы безъ своя братья, безъ Пльсковиць, не имаемъ ся на Ригу, а тобѣ ся, княже, кланяемся. Много же князь нудивъ, и не яшася по путь. Тѣгда же князь Ярославъ пѣлки своя домовъ посла. Пльсковици же тѣгда бяху подвели Нѣмьци и Чюдь и Лотыголу и Либь и отпустиша я опять, а тѣхъ кто ималъ при даткъ у Ярослава выгнаша изъ Пльскова: поидите по князя своему, намъ есте не братья. Тѣгдаже Ярославъ поиде съ княгынею изъ Новагорода Переяславлю».

Изложеніе это прямо и несомнѣнно доказываетъ, что рѣшительный отказъ со стороны Пскова идти на Ригу, имѣлъ гораздо болѣе обширное и важное значеніе, нежели то, какое придаетъ этому отказу г. Никитскій въ своемъ сочиненіи. Псковичи рѣшились дѣйствовать рѣшительно и самостоятельно, потому что убѣдились, что война, какъ она до сихъ поръ велась, вредна для всѣхъ и въ особенности для нихъ; что Ярославъ Всеволодовичъ, начиная вновь войну, имѣлъ въ виду не общерусскіе и не псковскіе, а единственно свои личныя интересы, что онъ въ войнѣ ищетъ «серебра» и что наконецъ походъ на Ригу врядъ ли только не предлогъ, чтобы найтѣ случай занять Псковъ своимъ войскомъ и распорядиться тамъ по-своему; что поэтому, прежде всего, нужно стараться, чтобы самому быть цѣлымъ и защищать собственную свободу противъ злобнаго и мстительнаго князя. Обвинить Псковичей въ пренебреженіи русскими интересами несправедливо. Псковскіе полки подъ предводительствомъ Псковскаго князя играли не мало важную роль не только въ Ливонскомъ, но и во внутреннихъ походахъ Мстислава Удалаго. Доказавъ на самомъ дѣлѣ свою готовность идти на непріятеля, чтобы поразить его, или принудить къ заключенію мира, Псковичи объявляютъ, что они, такъ какъ ни того ни другаго не сдѣлаю, нынче уже не намѣрены больше ратоборствовать изъ-за добычи и грабежа, не намѣрены раздражать непріа-

¹⁾ Т. е. раздраживши.

теля, и самому терпѣть отъ него. Наконецъ — и это вѣроятно главнымъ образомъ побудило ихъ къ столь самостоятельному и рѣшительному дѣйствию — они послали сказать князю, что имъ не безъизвѣстно, что его походъ главнымъ образомъ направленъ не на Ригу, а на нихъ, но что они готовы къ борьбѣ, прибавляя, очевидно съ цѣлью подѣйствовать на Новгородцевъ, что для нихъ лучше погибнуть разомъ, да отъ рукъ братьевъ, чѣмъ отъ поганныхъ, по крайней мѣрѣ ихъ дѣти и жены не попадутъ въ руки къ послѣднимъ.

Во всемъ этомъ дѣлѣ Псковичи выказали несомнѣнную политическую *зрѣлость*, прямо ставъ на почву положительной (реальной) политики, много политическаго *смысла*, вѣрно оцѣнивъ дѣйствія и цѣли кн. Ярослава, и рѣдкій политическій *тактъ*, умѣвъ возбудить къ себѣ сочувствіе Новгородцевъ, не смотря на то, что въ этомъ дѣлѣ затронуть былъ также вопросъ о господствѣ Новгорода надъ Псковомъ ¹⁾.

Излагая дальнѣйшій ходъ событій, доведшихъ Псковъ до совершенной независимости отъ Новгорода (стр. 90—109), г. Никитскій доказываетъ коренное различіе между положеніемъ князей во Псковѣ и въ Новгородѣ, на какое различіе до сихъ поръ не было обращено должнаго вниманія. Онъ именно доказываетъ, что Псковскіе князья были сначала только кормленщики, лишь мало по малу получаютъ другое значеніе, и наконецъ, съ конца первой четверти XIV вѣка, являются самостоятельными князьями. Г. Никитскій старается изобразить это измѣненіе въ характерѣ княжеской власти во Псковѣ, какъ происшедшее съ особенною послѣдовательностію, такъ что этотъ переходъ является необходимымъ слѣдствіемъ опредѣленныхъ политическихъ стремленій. Въ дѣйствительности же такого *стройнаго* развитія этихъ отношеній не было. И до XIV вѣка были самостоятельные князья, хотя изрѣдка, ихъ то г. Никитскій старается всѣми средствами низвести на степень «простыхъ» Новгородскихъ намѣстниковъ, «простыхъ кормленщи-

---

¹⁾ Странно, что г. Никитскій не обратилъ вниманія на этотъ болѣе развитой политическій тактъ, существованіе котораго во Псковѣ можетъ быть объясняемо именно преобладаніемъ въ немъ боярскаго элемента, а болѣе тонкій политическій тактъ, какъ извѣстно, есть отличительная черта аристократическихъ правительствъ. Между тѣмъ г. Никитскій самъ же доказываетъ, что во Псковѣ, гораздо болѣе нежели въ Новгородѣ, преобладалъ аристократическій элементъ.

ковъ», а Псковъ на ступень «простаго» пригорода¹⁾. Хотя все это изслѣдованіе о положеніи князей во Псковѣ (стр. 90—105) отличается несомнѣнными достоинствами, тщательнымъ обслѣдованіемъ источниковъ и отдѣльныхъ фактовъ, хорошою группировкою провереннаго матеріала, однако авторъ слишкомъ усердно старается доказать, что до первой четверти XIV стол. оставалось *все* по прежнему, а послѣ того *все* измѣнилось. Одинъ способъ подкрѣпленія этого положенія состоитъ въ томъ, что г. Никитскій щедро надѣляетъ Псковскихъ князей прилагательнымъ «простой», напр.: «простой намѣстникъ, кормленщикъ». Другой въ томъ, что говорить (стр. 102): «если же случались независимые князья... то это были претенденты или тотчасъ послѣ своего избранія Псковичами получали признаніе со стороны Великаго Новгорода». На счетъ Довмонта онъ выражается: «Новгородцы предпочли признать его своимъ намѣстникомъ». Фактически это справедливо, но выраженіе автора указываетъ на какое то формальное признаніе, между тѣмъ какъ о такомъ въ источникахъ не говорится. Какъ вообще, такъ и въ этихъ отношеніяхъ, быть Новгорода былъ чуждъ юридической и законной опредѣленности. Псковскіе князья назначались Новгородомъ, но на Новгородскомъ вѣчѣ участвовали Псковичи. Какъ на вѣчѣ дѣло иной разъ доходило до драки, но за тѣмъ успокоивались и мирились; точно также иной разъ Новгородцы ссорились съ Псковичами, а затѣмъ мирились. Въ первый разъ Псковъ имѣлъ своего собственнаго князя изъ претендентовъ на Новгородскій столъ. Новгородцы хотѣли было прогнать его, но передумали и предоставили уладить дѣло Господу Богу. И дѣло уладилось: Всеволодъ умеръ. Хотя Всеволоду слѣдовалъ Святополкъ, но Новгородцы опять мирились²⁾. Чрезъ столѣтіе въ Псковъ является Довмонтъ съ значительною дружиною — онъ крестится и «посадиша его на княженіе мужи Псковичи». Довмонтъ тотчасъ отличился и доказалъ, что онъ на своемъ мѣстѣ, предпринявъ счастливый походъ на Литву, гдѣ успѣлъ выказаться богатыремъ. Когда послѣ того Новгородскій князь Ярославъ Ярославичъ явился съ низовыми

¹⁾ Ср. напр. изложеніе автора на стр. 90. 92. 93. 98 съ Пск. I Лѣт. подъ лѣтомъ 6646. Далѣе на стр. 100: «Если не считать въ числѣ Псковскихъ князей, получившихъ признаніе со стороны Великаго Новгорода, Святослава, такъ какъ послѣдній, хотя дѣйствительно пользовался признаніемъ, тѣмъ не менѣе имѣлъ въ виду не Псковъ, а самый Новгородъ...» Между тѣмъ въ источникахъ этого не сказано.

²⁾ Псковская I Лѣтопись въ л. 6646. Новг. I и IV Лѣт. въ л. 6645.

полками «хотя ити на Довмонта, Новгородцы възбраниша ему глаголюще: «оли княже тобѣ съ нами увѣдавшеся, тоже ѣхати въ Пльсковъ?»¹⁾ Новгородцы видѣли, что Довмонтъ на своемъ мѣстѣ, князь какъ подобаеть быть князю, имъ полюбился Довмонтъ; нечего тутъ оспаривать неправильность его выбора. Ярославъ, конечно, только поневолѣ уступилъ и формально сохранилъ свое право назначать намѣстника въ Новгородѣ: уѣзжая въ орду оставилъ въ Новгородѣ Андрея Воротиславича, «Пльсковичамъ дасть князя Айгуста». Г. Никитскій успокоивается на томъ, «что взаимныя отношенія двухъ намѣстниковъ во Псковѣ неизвѣстны». Кажется вѣроятнѣе всего, что кн. Айгустъ вовсе во Псковъ и не являлся, или, если явился, то вѣроятно воздержался отъ всякаго вмѣшательства въ дѣла. Въ Лѣтописи объ немъ не упоминается.

Повторяемъ: за исключеніемъ указанной нами натяжки въ нѣкоторыхъ выраженіяхъ и въ объясненіи нѣкоторыхъ фактовъ, изложеніе автора о значеніи княжеской власти и о достиженіи Псковичами независимости — прекрасно.

Какъ извѣстно, въ 1348 г. заключенъ былъ Болотовскій договоръ, въ которомъ Новгородцы признали самостоятельность Пскова: «даша жалованье городу Пскову: посадникамъ нашимъ у васъ не быти, а отъ владыцѣ судити вашему Плесковитину, а изъ Новгорода васъ не позывати; но назваша братомъ младшимъ Новугороду Псковъ»²⁾. Любопытно, что о князѣ намѣстникѣ ни словомъ не упомянуто въ договорѣ.

Переходя къ вопросу о времени составленія Псковской пошлинной грамоты, г. Никитскій утверждаетъ, что время достиженія независимости отъ Новгорода было вмѣстѣ съ тѣмъ и временемъ начала самостоятельнаго законодательства Пскова³⁾. На стр. 105 авторъ говоритъ:

«Будучи все предшествующее время *простымъ* Новгородскимъ пригородомъ, Псковъ долженъ былъ подчиняться *во всемъ* чужому порядку, слѣдовать *вездѣ* принесеннымъ *изъ* Новгородскимъ пошлинамъ и обычаямъ; теперь же наступало время думать и о заведеніи своей собственной пошрины. Прежде всего замѣщеніе Новгородскихъ намѣстниковъ выборными князьями настоятельно тре-

¹⁾ Пск. I л. 6773. — Новгородская I Лѣт. 6774.

²⁾ Новгородская III Лѣт. (П. Р. Р. Л. III) стр. 227.

³⁾ Очевидно съ цѣлью подкрѣплять значеніе сего положенія, авторъ старался увеличивать рѣзкость перемѣны, происшедшей въ отношеніяхъ Пскова къ Новгороду въ началѣ XIV вѣка.

бывало опредѣленіе отношеній послѣднихъ къ самому Пскову: результатомъ этого опредѣленія было составленіе мѣстной Псковской правды».

Авторъ за тѣмъ справедливо замѣчаетъ, что время сочиненія первоначальной части Псковской пошлинной грамоты («великого князя Александрова грамота») вовсе не такъ ясно и неоспоримо опредѣлено, какъ до сихъ поръ полагали ¹⁾. Именно онъ указываетъ на то, что Александръ Невскій былъ въ это время только мѣстнымъ Новгородскимъ княземъ, но отнюдь не великимъ; что «самый ходъ событій совсѣмъ не благопріятствовалъ дарованію Псковичамъ какой либо жалованной грамоты, предполагающей во Псковѣ и князя, и посадника, совершенно независимыми отъ Новгорода: такое пожалованіе только могло быть вызвано собственными заслугами Псковичей, но отнюдь не могло быть слѣдствіемъ оказанной имъ Новгородцами помощи, которая могла вести только къ усилію власти Великаго Новгорода надъ Псковомъ. Такимъ образомъ, всѣ эти обстоятельства — невозможность появленія Псковской Правды въ XIII ст., несообразность дарованія ея съ событіями, при которыхъ Александру Невскому привелось быть во Псковѣ, наконецъ положительное замѣчаніе Ивана III о псковскихъ грамотахъ вообще, какъ объ актахъ, получившихъ свое начало не отъ великихъ князей, несомнѣнно свидѣлствуютъ, что начало Псковской Правды нужно относить не къ XIII, а къ первой половинѣ XIV ст., ко времени Александра Михайловича Тверскаго, княжившаго во Псковѣ 1327—1330 и 1332—1337. Съ этимъ заключеніемъ вполне согласуется и то, что около 1322 г. Псковичи окончательно порвали связь съ Великимъ Новгородомъ и вступили въ союзъ съ Литовскими князьями, изъ рукъ которыхъ принимали между прочимъ и Александра Тверскаго; а въ 1348 г. послѣдовало и официальное признаніе самобытности Пскова со стороны Новгорода. Въ виду этихъ обстоятельствъ было не только естественно, но и необходимо позаботиться о составленіи, въ періодъ времени отъ 1322—1348 г., особенной мѣстной Правды».

Это изложеніе во многихъ отношеніяхъ заслуживаетъ вниманіе, но не лишено и натяжки.

Псковъ не былъ *простымъ* Новгородскимъ пригородомъ. Это

---

¹⁾ Н. В. Калачовъ въ своей рецензіи на 1 изд. Пск. суд. грам. Москвитинъ 1848 I; и я въ своемъ сочиненіи Гражданскіе законы Псковской судн. грам. Спб. 1855 — приписавшіе эту честь Александру Невскому.

былъ пригородъ, который въ свою очередь имѣлъ свои пригороды, и занималъ совершенно особое, исключительное положеніе. Это былъ пригородъ, который рано привыкъ защищаться самъ отъ непріятелей и для котораго была необходима доля самостоятельности. Порядокъ, которому онъ подчинился, былъ отчасти *свой*, ибо Псковичи участвовали въ Новгородскихъ вечахъ, такъ что порядка не приносились *извнѣ*, а устанавлились при ихъ участіи. Мы видѣли, что Псковъ не *вездѣ* слѣдовалъ даже симъ порядкамъ, что часто шелъ своей дорогой, и что изрѣдка, уже въ XII и XIII вѣкахъ, вмѣсто Новгородскихъ намѣстниковъ, избиралъ своихъ князей, и что этимъ избраніемъ нисколько не порвалъ связей съ Новгородомъ — не смотря на относительную самостоятельность, на которую такъ сердились князья Ярославъ Всеволодовичъ и Ярославъ Ярославичъ, но съ которою примирялись Новгородцы. Мы видѣли, что послѣдніе не рѣдко принимали во вниманіе мнѣнія и рѣшенія Псковичей. Наконецъ мы видимъ, что даже избраніемъ Литовскихъ князей около 1322 ¹⁾ Псковичи вовсе не порвали *окончательно всякую* связь съ Великимъ Новгородомъ: именно еще въ 1341 году они просили намѣстника и помощи отъ Новгорода, хотя въ этомъ году не получаютъ, но въ 1348 г. во всякомъ случаѣ были въ союзѣ.

Относительно соображеній г. Никитскаго, заимствованныхъ изъ содержанія Псковской пошлинной грамоты, замѣтимъ, что, если бы грамота, по своему содержанію, носила характеръ жалованной, и въ ней заключалось бы дѣйствительно «жалованье»: право избирать князя, посадника и т. п., то доводы автора были бы рѣшительны. Но эта грамота не содержитъ въ себѣ постановленій объ отношеніяхъ политическихъ. Мы находимъ въ ней опредѣленія, какія дѣла какъ рѣшать, сколько пошлинъ взимать, какія принимать доказательства, какъ рѣшать разныя спорныя дѣла, правила о подсудности дѣлъ князю и посаднику, судіямъ, владычню намѣстнику и т. д. — однимъ словомъ правила равно примѣнимыя и при независимыхъ князьяхъ и посадникахъ, и при такихъ же, назначаемыхъ отъ Новгорода. Единственное постановленіе, имѣющее политическое значеніе, правило о составленіи новыхъ законовъ, принадлежитъ безспорно не къ древнѣйшей части грамоты.

Что же касается «положительнаго замѣчанія в. к. Ивана III о

---

¹⁾ Неизвѣстно почему г. Никитскій полагаетъ, что Псковичи приняли Александра Михайловича Тверскаго изъ рукъ Литовскихъ великихъ князей, въ Лѣтописи никакихъ намековъ на это нѣтъ!

псковскихъ грамотахъ», то объ немъ въ Лѣтописи ¹⁾ читаемъ слѣдующее: «въ лѣто 6982.... и князь великой челобитье Псковское и дарови принялъ, и отвѣтъ таковъ далъ: «радъ есми отчину свою устроенъ держати, аже ми положите прежнихъ князей великихъ грамоты пошлинныя»... въ лѣто 6983 «и князь великой посмотря, и опять грамоты Псковскимъ посадникомъ отдалъ и самыхъ отпустилъ, а отвѣтъ имъ таковъ дали: «что деи то грамоты не самыхъ князей великихъ, и вы бы есте то все князю Ярославу освободили, чего у васъ нынѣ просить»».

Замѣтимъ мимоходомъ, что изъ образа выраженія лѣтописца, кажется, слѣдуетъ заключить, что великій князь лично никакого отвѣта не далъ, а что (ужь послѣ аудіенціи) отвѣтъ имъ «дали» т. е. бояре или дьяки. Какъ бы то впрочемъ ни было, дѣло состояло въ томъ, что великій князь хотѣлъ покончить съ псковскою вольностью, *потому* его намѣстникъ требовалъ пошлинъ вдвое. Какія бы грамоты Псковичи ему не представляли, въ Москвѣ всегда нашли бы поводъ къ непризнанію ихъ. Псковичи ссылались на старину, въ Москвѣ же считалось дѣйствующимъ только то, что дозволилъ или пожаловалъ великій князь и при томъ письменно: о признаніи обычая или права и помина не было. Въ отвѣтъ сказано было, что Псковичи не представили самыхъ великокняжескихъ грамотъ, т. е. не представили подлинныхъ грамотъ Александра и Константина ²⁾. Представили очевидно грамоту въ томъ видѣ, какъ она сохранилась до сихъ поръ. Псковскія пошлины дѣйствовали во Псковѣ не потому, что они были пожалованы в. к. Александромъ и кн. Константиномъ, но потому что такова была «старина». Княжескія грамоты имѣли для нихъ значеніе только потому, что заключали въ себѣ старину. Для Псковичей сохраненіе подлинныхъ Александровой и Константиновой грамотъ не могло имѣть никакого значенія. Для нихъ было важно сохраненіе содержанія ихъ, измѣненнаго и дополненнаго соотвѣтственно потребностямъ жизни. Въ Москвѣ же имѣла значеніе лишь подлинная великокняжеская грамота. Въ Москвѣ хотѣли отмѣнить Псковскую старину и только для формы обѣщали сохранить то, правильность чего будетъ доказана изъ великокняжескихъ грамотъ. Когда имъ представили грамоту, содержащую въ себѣ дѣйствующую старину, ухва-

¹⁾ Пск. I. Лѣт. стр. 250.

²⁾ Но и могло значить, какъ объясняетъ г. Никитскій, что это грамоты не Московскихъ великихъ князей, а только удѣльныхъ князей.

тились за формы — и поводъ къ отмѣнѣ былъ найденъ. Такимъ образомъ замѣчаніе Ивана III ничего не доказываетъ относительно вопроса, слѣдуетъ ли приписать древнѣйшую часть Псковской пошлинной грамоты Александру Невскому или Александру Тверскому, т. е. слѣдуетъ ли отнести составленіе ея къ XIII или къ XIV стол.

Самые важные доводы въ пользу послѣдняго мнѣнія, котораго придерживается г. Никитскій, это тѣ, которые заимствованы изъ общаго хода событій въ началѣ XIV вѣка и изъ личности великаго князя Александра Михайловича Тверскаго. Читая рассказъ лѣтописца о немъ ¹⁾, останавливаешься съ удовольствіемъ на благородной личности этого князя, который, ставя выше всего свою княжескую честь, свою обязанность защищать угнетенныхъ, карать убійцъ отца и брата, угнетателей народа, въ благородномъ порывѣ патриотизма ополчился на дерзкихъ, кровожадныхъ монгольскихъ баскаковъ. Читая въ лѣтописи о привязанности и признательности къ нему Псковичей, невольно проникаешься впечатлѣніемъ, что именно таково должно было быть отношеніе Псковичей къ князю, устройтелю земли. Изложеніе г. Никитскаго меня лично склонило къ убѣжденію, что упоминаемый въ Псковской пошлинной грамотѣ великій князь Александръ, по всѣмъ вѣроятіямъ, есть Александръ Михайловичъ Тверской, а не Александръ Ярославичъ Невскій; но какое значеніе можетъ имѣть убѣжденіе отдѣльнаго изслѣдователя, когда рѣшеніе вопроса можетъ послѣдовать лишь на основаніи несомнѣнныхъ данныхъ!

Въ пользу мнѣнія, по которому древнѣйшая часть грамоты приписывается Александру Невскому, говорить, — независимо отъ отрицательнаго довода, что по содержанію своему псковская пошлинная грамота не содержитъ въ себя ничего такого, что по духу своему противорѣчило бы характеру того времени, — что во время Александра Невскаго общественный строй Пскова, владычествомъ Нѣмцевъ въ союзѣ съ партією Псковичей и Новгородцевъ, былъ перевернуть и нуждался въ устроеніи снова. Наконецъ и археологическая догадка Н. В. Калачова, о которой какъ будто съ сожалѣніемъ упоминаетъ г. Никитскій, хотя и не есть рѣшительное доказательство, однако и не такъ незначительна, какою ее считаетъ авторъ ²⁾.

¹⁾ Пск. I Лѣт. стр. 185 — 186.

²⁾ Въ IV гл. авторъ еще разъ говоритъ о времени составленія псковской пошлинной грамоты, рассматривая вопросъ, какую часть грамоты слѣдуетъ приписать кн. Константину, упоминаемому въ заглавіи грамоты, и справед-

По видимому, вопрос о времени составления не только грамоты великаго князя Александра и кн. Константина, но и всей псковской пошлинной грамоты, пока долженъ оставаться открытымъ и я съ своей стороны могу только указать на такое обстоятельство, которое еще болѣе затрудняетъ, а не облегчаетъ, окончательное рѣшеніе его.

О времени своего составленія, какъ извѣстно, псковская пошлинная грамота содержитъ сама указаніе: «Ся грамота выписана изъ... по благословенію отецъ своихъ поповъ всѣхъ 5 соборовъ... на вѣчи въ лѣто ,*ѡцѣе*». Числительные знаки имѣютъ лишь три буквы ,*ѡцѣ*, о второмъ «е» Н. В. Калачовъ объясняетъ, что оно означаетъ числительное порядочное, значитъ въ грамотѣ сказано, что она составлена въ лѣто 6905-мъ отъ с. м., или въ 139⁶/₇ г. отъ Р. Хр. Съ этимъ положительнымъ и яснымъ извѣстіемъ обращались до сихъ поръ довольно безцеремонно, т. е. отвергали его достоверность на томъ основаніи ¹⁾, что въ томъ же самомъ заглавіи встрѣчается извѣстіе объ участіи на вѣчѣ священства *пяти* соборовъ, а 5-ый соборъ во Псковѣ былъ основанъ въ 1462 г. и шестой въ 1472 г., предполагая, что это противорѣчіе произошло отъ описки въ числѣ, заключали, при посредствѣ разныхъ соображеній, что грамота составлена на вѣчѣ 1467 г. Между тѣмъ этого вывода нельзя не признать слишкомъ поспѣшнымъ. Противорѣчіе въ заглавіи несомнѣнно! Но произошло ли оно отъ описки? Описка самая случайная причина противорѣчій и неясностей въ рукописяхъ, поэтому, прежде чѣмъ обратиться къ ней, слѣдуетъ отыскать не было ли менѣе случайныхъ измѣненій, не было ли нарочныхъ, провспедшихъ отъ несообразительности переписчика причинъ искаженія, напр. отъ его неумѣстнаго мудрствованія. Сборникъ, съ котораго сдѣлано изданіе Псковской судной грамоты, по описанію его, очевидно списанъ съ другаго древнѣйшаго сборника, а въ него вписана грамота, можетъ быть, также не съ подлинника. Положимъ, что грамота была переписана съ подлинника во Псковѣ, во время между 1462 и 1472 годами, тогда писецъ, читая, что она выпи-

---

ливо доказываетъ, что мое предположеніе (ср. Гр. зак. псковск. судн. грам. стр. 6—8) о томъ, что кн. Константину слѣдуетъ приписать вторую часть грамоты, основано лишь на формальныхъ внѣшнихъ доводахъ и что изъ грамоты кн. Константина заимствованы вѣроятно лишь нѣкоторыя статьи.

¹⁾ Эта критика главнымъ образомъ направлена противъ Н. В. Калачова и меня.

сана по благословенію священства 2 соборовъ, никакъ не рѣшался написать подобнаго, по его мнѣнію, анахронизма, такъ какъ онъ зналъ о существованіи 5 соборовъ и написалъ «всѣхъ 5 соборовъ». Годъ онъ оставилъ какъ былъ, для него было главное исправить ошибку относительно своей брата, священниковъ ¹⁾. Конечно, это только предположеніе, но предположеніе менѣе произвольное, чѣмъ то, котораго до сихъ поръ придерживались.

Въ главѣ II «Псковъ и его устройство» (стр. 110—186), авторъ изображаетъ возможно полную картину псковскаго общественнаго строя. Подробно и обстоятельно излагается положеніе и значеніе Псковской области и города. Характеризуется княжеская власть: отличіе отъ власти Новгородскихъ князей авторъ видитъ въ томъ, что власть Псковскаго князя была болѣе ограниченная, но вмѣстѣ съ тѣмъ и болѣе опредѣленная и предѣлы ея тверже очерченные. Не было столь пагубнаго, какъ въ Новгородѣ, двоевластія: неограниченной власти князя и неограниченной власти веча. Несомнѣнно, что во Псковѣ власть веча стояла выше власти князя. При томъ Псковское вече умѣло ограничить само себя: запрещало судъ на вечѣ ²⁾ и отсылало рѣшеніе споровъ къ князю, къ судіямъ (Псковскимъ сотскимъ), и къ владычню намѣстнику, устанавливало правила подсудности и т. д. Наконецъ авторъ доказываетъ, что во Псковѣ вліяніе бояръ на ходъ политическихъ дѣлъ выражалось гораздо опредѣленнѣе и дѣйствительнѣе, нежели въ Новгородѣ. Это положительное и обстоятельное изслѣдованіе представляетъ собою весьма драгоцѣнное приобрѣтеніе русской исторической литературы. Весьма любопытно изслѣдованіе автора о значеніи концовъ и кончанскаго управленія ³⁾. Здѣсь сравненіе концовъ съ аяинскими филами представляетъ меньше риска, чѣмъ сравненія автора, о которыхъ было говорено выше.

Въ III главѣ авторъ излагаетъ состояніе церкви во Псковѣ (стр. 187—238), а въ V вліяніе Москвы на дѣла церкви (стр. 312—

---

¹⁾ Обращаю вниманіе дальнѣйшихъ изслѣдователей оригинала рукописи на то обстоятельство, что въ заглавіи грамоты числительное порядочное € , въ означеніи года, написано по видимому другимъ почеркомъ , также € означающее «5 соборовъ». Въ другихъ частяхъ грамоты € такого вида встрѣчается лишь изрѣдка (на 2. 5. 8. 16 стр. снимка грамоты, въ изд. 1868 г.). Не можетъ ли это служить доказательствомъ того, что здѣсь сдѣланы позднѣйшія измѣненія въ рукописи?

²⁾ Хотя и тутъ встрѣчались исключенія. Ср. стр. 135—141.

³⁾ Стр. 157—178.

344). Эти двѣ главы состоятъ въ тѣсной связи между собою и V-ая есть просто продолженіе III-ей. Изслѣдованіе состоянія церкви во Псковѣ основано на подробномъ изученіи источниковъ и доказываетъ талантъ автора къ подобнаго рода изслѣдованіямъ изъ положительной исторіи и умѣніе его пользоваться источниками. Едва ли можно будетъ замѣтить что-нибудь существенное противъ изложеннаго авторомъ. Изложеніе автора тѣмъ важнѣе и тѣмъ болѣе заслуживаетъ вниманіе, что до послѣдняго времени свѣтскіе писатели, большею частію, упускали изъ виду вліяніе церковныхъ дѣлъ на гражданскія и политическія отношенія.

Въ IV главѣ излагается «торжество московскаго порядка», т. е. паденіе «Господина Пскова» и всей псковской земли, уничтоженіе въ ней мѣстной жизни, ея строя, ея права, ея стариннаго быта. Относительно образа изслѣдованія эта глава отличается тѣми же достоинствами, какъ и II, III и V главы. Однако, читая изложеніе о происшествіяхъ и столкновеніяхъ, подготовившихъ трагическую развязку, читатель поражается странностью общихъ сужденій автора, которыя противорѣчатъ не только изложеннымъ имъ же фактамъ, но и его собственной характеристикѣ отдѣльныхъ происшествій и въ особенности поступковъ московскихъ дѣятелей.

Приведемъ два примѣра.

На стр. 265 читаемъ:

«Столкновенія съ Великимъ Новгородомъ мѣшали Ивану III сосредоточиться на Псковскихъ дѣлахъ, заставляя его *бросать безъ исполненія* свои планы и даже искать дружбы Господина Пскова. Такъ уже первый походъ великаго князя на Новгородъ *не только остановилъ развитіе финансовыхъ правъ Псковскаго князя...* но даже содѣйствовалъ установленію болѣе выгодныхъ отношеній Пскова къ своему старѣйшему брату. *Еще большую услугу оказало Псковичамъ окончательное паденіе Великаго Новгорода*, когда великій князь, окрыленный успѣхомъ своего перваго похода на Новгородцевъ, снова возвратился во Псковъ къ разрѣшенію вопроса объ окончательномъ уравненіи правъ Псковскаго князя съ намѣстниками Восточной Руси».

Невольно все это принимаешь за неумѣстную иронию: какъ можно говорить, что Иванъ III *бросалъ свои планы*, что походъ на Новгородъ *остановилъ* развитіе финансовыхъ правъ, если тутъ же рассказывается, что великій князь немедленно приступилъ къ разрѣшенію этого вопроса, что его планъ «далеко оставлялъ за собою всѣ предшествовавшія попытки» (стр. 266).

Далѣе мы читаемъ (стр. 276): «Такимъ образомъ Новгородская катастрофа *не только совотъмъ не имѣла* для Пскова того роковаго характера, какой приписываетъ ей Псковскій лѣтописецъ, утверждая, что съ паденіемъ Новгорода кончилось все и для Пскова, *но даже повела къ совершенно противоположнымъ результатамъ*».

Неужели авторъ въ самомъ дѣлѣ полагаетъ, что паденіе Новгорода могло быть выгодно Пскову? Между тѣмъ авторъ очень хорошо знаетъ, что паденіе Новгорода неминуемо влекло за собою паденіе Пскова и что держаться могли они развѣ вмѣстѣ.

Конечно Иванъ III былъ не такъ близорукъ, чтобы награждать Псковичей за оказанную братоубійственную помощь немедленно же казнями, да рubeжемъ и вывозомъ, при чемъ легко могъ вспыхнуть отчаянный бунтъ и въ Новгородѣ; это было бы неполитично. Иванъ III пока пощадилъ Псковъ, чтобы заручиться Псковичами, да успокоить оставшихся Новгородцевъ, а главнымъ образомъ, потому что достигъ важнѣйшаго. Автору, кажется, хотѣлось выставить московскую политику благовидною и поэтому онъ намекаетъ на узкій будто бы взглядъ лѣтописца. Что лѣтописецъ на дѣлѣ правъ, это автору не безъизвѣстно, потому что онъ тутъ же прибавляетъ: «Правда, самобытность, которою пользовался Псковъ по паденіи Новгорода, была не столько дѣйствительною, сколько *призрачною*; независимость, сохраненная имъ, носила собственно одинъ формальный характеръ; вече и посадники *существовали болѣе по имени*, не имѣя на ходъ Псковскихъ дѣлъ *никакою* опредѣлительнаго вліянія; однако не должно опускать изъ виду и того, что всѣ эти явленія отнюдь не были слѣдствіемъ паденія Новгорода, а получили свое начало гораздо раньше. Тѣмъ не менѣе Новгородская катастрофа не осталась безъ послѣдствій и для Пскова».

Нельзя не удивляться постоянному колебанію автора; то онъ выставляетъ одно, то другое мнѣніе. На стр. 278 читаемъ: «Но отстранивъ на время отъ Пскова окончательную развязку, Новгородская катастрофа не могла остановить естественнаго хода исторіи» — естественнаго впрочемъ тутъ ничего не было! — «а потому новый періодъ существованія, въ который Псковъ вступилъ послѣ паденія Великаго Новгорода, представлялъ нечто иное, какъ *постепенное уничтоженіе и самой формальной независимости*».

Другой примѣръ.

Излагая общій ходъ событій и мѣръ, имѣвшихъ своимъ послѣдствіемъ уничтоженіе самобытности и всего юридическаго и

экономического строя Псковской жизни, авторъ говоритъ (стр. 253 и 254):

«Однако паралельно съ этимъ стремленіемъ [Псковскихъ князей къ расширенію своей судебной власти, не внушавшимъ Псковичамъ никакихъ серьезныхъ опасеній, уже рано открывается другое движеніе, которое, исходя отъ самихъ великихъ князей Московскихъ, грозило въ дальнѣйшемъ своемъ развитіи ниспроверженіемъ всего Псковскаго устройства и потому встрѣтило со стороны Псковичей самое живое противодѣйствіе. Но къ величайшему удивленію, это движеніе противъ вечеваго порядка *отнюдь не являлось вразомъ историческаго права*: какъ представитель вечевыхъ вольностей, Господинъ Псковъ, такъ равно и поборники единства всей Русской земли, великіе князья Московскіе, *одинаково стояли* въ этой борьбѣ *на почвѣ пощлины или старины*. Конечно вѣтъ ничего страннаго въ томъ, что подъ защиту послѣдней прибѣгали Псковичи, желая сохранить за собою прежнюю самобытность; но во всякомъ случаѣ, достойно замѣчанія, что подъ тоже самое знамя старины становились и великіе князья Московскіе, и что они не только умѣли соединить *безусловное признаніе старины* со всѣми стремленіями къ водворенію новаго порядка, но даже находили въ старинѣ *самое надежное оружіе* къ уничтоженію своихъ противниковъ. Дѣло въ томъ, что *признавая безусловную обязательность* старины, великіе князья не допускали ни малѣйшихъ отступленій отъ нея и со стороны Псковичей, считая себя въ противномъ случаѣ свободными въ своихъ дѣйствіяхъ... великіе князья еще строже, чѣмъ сами Псковичи, смотрѣли за всякимъ нарушеніемъ старины своими противниками, не оставляя безъ вниманія самыхъ ничтожныхъ мелочей, въ вѣрной надеждѣ, что эти мелочи легко могутъ повести къ чрезвычайно важнымъ результатамъ. Но одно простое наблюденіе за нарушеніемъ старины, во всякомъ случаѣ, поставило бы великихъ князей въ совершенную зависимость отъ образа дѣйствій ихъ противниковъ и обрекло бы на слишкомъ пассивную роль, если бы они, въ случаѣ надобности, не умѣли *создавать нарушенія старины искусственно* и не прибѣгали бы къ разнаго рода *кознямъ и ухищреніямъ*, чтобы только *добиться* отъ противниковъ *хоть бы невольнаго отступленія отъ старины*. Московская политика... отличалась большою сдержанностью и крайнею искусственностью вслѣдствіе стремленія сохранить за собою *внѣшнюю справедливость* при помощи *вынужденнаго отступленія отъ старины* со стороны представителей вечеваго порядка».

На стр. 260 мы читаемъ: «Василій Васильевичъ *ни мало не справляясь съ стариной*, спѣшилъ присвоить себѣ право назначать Псковскихъ князей по своему усмотрѣнію, чтобы сдѣлать ихъ послушнымъ орудіемъ великокняжеской воли».

На стр. 271 читаемъ:.... тѣмъ болѣе, что великій князь, полагаясь во всемъ на своихъ бояръ, *не шушавтихся подтверждать ложь крестникамъ цѣлованіемъ*, не обращалъ никакого вниманія на доходившія до него временами жалобы Псковичей».

На стр. 283 читаемъ: «Такъ какъ однако въ Москвѣ и теперь еще остерегались явнаго нарушенія старины, то для обхода этого подводнаго камня, Псковской намѣстникъ и въ дѣлѣ со смердами долженъ былъ *прибѣгнуть къ самому грубому подлогу*, къ замѣнѣ грамоты, опредѣлявшей положеніе смердовъ, новою, составленною въ благопріятномъ для послѣднихъ духѣ. Подобный поступокъ, конечно, необходимо требовагь согласія важнѣйшихъ Псковскихъ властей; но добиться этого согласія было ни сколько не трудно, такъ какъ въ это время во Псковѣ было ужъ не мало вліятельныхъ людей, явно державшихъ сторону великихъ князей Московскихъ» ¹⁾).

Спрашивается: вправдѣ ли авторъ, который самъ такимъ образомъ рисуетъ и описываетъ дѣйствія Московскихъ великихъ князей и ихъ подручниковъ, утверждать, что Московскіе великіе князья, къ величайшему удивленію, *отнюдь* не являлись врагами историческаго права, *стояли на почетъ пошмны* и старины, и успѣли соединить *безусловное* признаніе старины и *безусловную* обязательность ея со своими стремленіями? Кажется авторъ, излагая впрочемъ совершенно основательно и правдиво ходъ дѣла, въ своихъ сужденіяхъ увлекся желаніемъ похвалить Московскихъ великихъ князей, которые въ этомъ эпизодѣ русской исторіи являются въ не очень привлекательномъ видѣ.

Конечно не подлежитъ никакому сомнѣнію, что Московскіе великіе князья, собиратели русской земли, основатели Московскаго царства, сослужили великую службу Россіи. Но все это не снимаетъ съ историка обязанности правдиво и откровенно разсматривать образъ дѣйствія ихъ, какъ историческихъ дѣятелей, не съ тѣмъ чтобы осуждать ихъ, но съ тѣмъ, чтобы потомство изъ исторіи

---

¹⁾ Последнее предложеніе выражено такимъ образомъ, какъ будто авторъ хотѣлъ намекнуть, что лица державшіяся Московской партіи были, по этому самому, и лица готовыя на всякіе обманы и подлоги.

ясно могло видѣть, по какой дорогѣ пришлось идти народу, чтобы достигнуть существующаго порядка. Дѣло историка показать и тѣ трущобы и окольные пути, по которымъ пробирался народъ — показать почему онъ долженъ былъ пробираться по нимъ и по чьей винѣ. Историкъ не долженъ забывать, что онъ обязанъ сказать правду: всю правду и одну правду. Въ этомъ отношеніи онъ вмѣстѣ съ тѣмъ есть представитель народной совѣсти, онъ обязанъ указать и на недостатки историческихъ дѣятелей и на неправду ихъ — иначе изложеніе его не будетъ исторія, а политическій памфлетъ.

У насъ давно уже вошло въ моду превозносить все то, что дѣлалось въ московскомъ періодѣ, между тѣмъ, какъ тѣ недостатки, отъ которыхъ государство страдаетъ и по сю пору, всѣ имѣютъ свое основаніе въ Московскомъ строѣ и въ тѣхъ обстоятельствахъ, которыя создали Московское государство. Въ Московскій періодъ единство и крѣпость государства основались на счетъ самостоятельности областной жизни и стойкости права. Между тѣмъ и то и другое въ зародышѣ существовало въ Новгородѣ и въ особенности во Псковѣ. Москва же уничтожила и то и другое ради собиранія земли и ея объединенія. Во Псковѣ была самостоятельная мѣстная жизнь, были хотя неясныя чувство и сознаніе права (*Rechtsgefühl u. Rechtsbewusstsein*) въ привязанности къ старинѣ. Свообразный строй Псковскаго быта и права не мѣшалъ Пскову, но сдѣлалъ его способнымъ служить сторожемъ русской народности на границѣ непріятельской. Не смотря на разныя колебанія, къ которымъ принуждался Псковъ для защиты самостоятельности отъ нападений собственныхъ соотечественниковъ, не смотря на временные союзы съ Ливонцами и Литовцами, онъ оставался вѣрнымъ стражемъ русской народности и сослужилъ Россіи великую службу вѣрой и правдой. Псковъ и Новгородъ, оставаясь при своей старинѣ, могли бы внести въ Московскую жизнь важные элементы гражданственности. Но не таковы были монгольско-византійскіе подлинники, по которымъ великіе князья сплотили Московское государство, чтобы потерпѣть рядомъ съ ними развитіе, хотя бы въ нѣкоторомъ отношеніи самостоятельнаго права, самостоятельной мѣстной жизни. Въ Московскомъ строѣ никакого мѣста для самостоятельнаго права не было, а были указы; подъ властью великаго князя безотвѣтственно распоряжались бояре и дьяки — чиновничество въ самыхъ широкихъ размѣрахъ.

Изъ Псковско-Новгородскаго строя не сохранилось ни одного

камня, который был бы употребленъ при возведеніи зданія Московскаго государства! Это фактъ! Но было ли это необходимо? — это другой вопросъ.

Авторъ заключаетъ IV главу характеристикой сужденій Псковскаго лѣтописца о Московскихъ порядкахъ. Его «злыя повѣсти», умножать число которыхъ ему мѣшаетъ «грубость разума и смысла», доказываютъ въ немъ мѣткое остроуміе и юморъ. Но между тѣмъ какъ, по мнѣнію г. Никитскаго, жалобы на несправедливости суда и управленія, о вредномъ вліяніи испорченныхъ Московскихъ нравовъ, имѣютъ глубокое основаніе въ разнузданности Московскихъ правителей и ихъ людей — въ то время въ нападкахъ на Грознаго, за страшныя опустошенія Ливонской войны, будто бы «выражается не болѣе, какъ мѣстная ограниченность самихъ Псковичей. Лѣтописецъ какъ-бы забываетъ, что дѣло шло объ уничтоженіи заклятаго врага его родины и закрываетъ глаза на то, что если Ливонская война и имѣла печальный исходъ, то все же привела къ низверженію ордена, и такимъ образомъ доказала, что послѣдній не имѣетъ права даже существовать самостоятельно тамъ, гдѣ онъ рассчитывалъ властвовать».

Прежде чѣмъ разобрать сужденіе автора, посмотримъ, что говорить лѣтописецъ ¹⁾.

Въ л. 7066. «Разгнѣвася царь и великій князь Иванъ Васильевичъ на Ливонскія Нѣмцы и послалъ на нихъ рать свою... а воевали и за Раковоръ и до Ругодива... а пришедъ къ Юрьеву... изготовили приступъ и постреляли... и бискупъ и Нѣмцы посадники воеводамъ градъ Юрьевъ сдали, по мирному совѣту, на томъ что имъ жити по старинѣ и съ царевыми намѣстники судити судьямъ ихъ, и изъ домовъ своихъ и изъ града не пзвести; а воеводы дали имъ на томъ и слово свое. А потомъ и Раковоръ сдаша и иныхъ много городовъ, всѣхъ 23 города и взятыхъ и сами сдалися.

Въ лѣто 7067. «и разориша тоя зимы 7 градовъ...»

Въ л. 7068.... «а всѣхъ съ Вельяномъ 5 городовъ взято того лѣта, и т. д.

Въ л. 7073. «Выведоша Нѣмецъ изъ Юрьева и съ женами и съ дѣтми и сведоша ихъ иныхъ въ Нижній и др. города, а не вѣдаемъ за что, Богъ вѣсть, измѣнивъ прямое слово, что воеводы дали имъ, какъ Юрьевъ отворили, что было ихъ не изводить изъ своего города, или будетъ они измѣну чинили.

¹⁾ Псковская I лѣтопись, стр. 309—319.

Въ лѣто 7078.. «прииде царь съ великою опалю въ великій Новгородъ, и многія нарочитыя люди погуби и множество людей на правези побіено бысть. Еще же повелѣ правити посоху подъ нарядъ и мосты мостити въ Ливонскую землю и Вишлянскую и зеленую руду собирать и отъ того налога и правезу обнищаша и въ посоху поидоша сами.... и тутъ сгнили и людей погубили. И взять 24 города Ливонскіе у Нѣмцевъ, и своихъ людей посади съ нарядомъ и съ запасы, а запасы возили изъ далнихъ городовъ изъ Замосковнихъ и наполни грады чюжіе Рускими людми, а свои пусты сотвори. Егда же возвратися царь на Русь, Нѣмцы же собравшися изъ заморья, изъ столнихъ городовъ и Литва изъ Полши пришедши, непомнозѣ всѣ тѣ городки очистивша себѣ и поимаша и людей избивша; а къ нему прислаша Нѣмчина лютого волхва нарицаемаго Елисѣя, и бысть ему любимъ, въ приближеніи. И положи на царя страхованіе, и выбѣглець отъ невѣрныхъ находенія, и конечнѣ былъ отвелъ царя отъ вѣры: на Рускихъ людей царю возложи свѣрѣпство, а къ Нѣмцамъ на любовь преложи. Понеже безбожніи узнали своими гаданіи, что было имъ до конца разоренымъ быти, того ради таковаго злаго еретика и прислаша къ нему, понеже Рускіе люди прелестни и падки на волхвованіе; и много множества роду боярскаго и княжеска взусти убити цареви, послѣди же и самого приведе наконецъ еже бѣжати въ Аглинскую землю и тамо женитися, а свои было бояре оставшіе побити. Того ради и не даша ему тако сотворити, но самого смерти предаша, да не до конца будетъ Руское царство разорено и вѣра христіанская. Сидева бысть держава грозного царя Ивана Васильевича.

«Въ лѣто 7081. Ходилъ царь и великій князь Иванъ Васильевичъ всея Русіи, на зимѣ, градъ Нѣмецкій Пайду взялъ и многихъ Нѣмецъ погуби лютою смертію.

«Въ л. 7085... Тогоже лѣта Иванъ Васильевичъ взялъ Нѣмецкихъ городовъ 24.

«Въ л. 7086. Пришли государевы воеводы подъ Кесь... и пришли на нихъ Нѣмцы и Литовскіе люди, государевыхъ воеводъ и нарядъ поймали и людей побили.

»Въ л. 7087. Литовскій король Полоцко взялъ ¹⁾; и Сокольъ взя-

---

¹⁾ О взятіи Полоцка Иваномъ Грознымъ въ 7071 г. лѣтописецъ разсказываетъ: «а которыя были въ городѣ жили люди жидове и князь великій велѣлъ ихъ и съ семьями въ воду въ рѣчную вметати, и утопили ихъ.... и бысть моръ и много людей мерло».

ли людей побили 40000 ратныхъ и городъ сожгли. И Царь Иванъ Васильевичъ стоялъ все лѣто во Псковѣ.

«Въ л. 7088. Того же лѣта Луки Великіе взяли король. Того же лѣта Свѣйскіе Нѣмцы пришедъ взяли городъ Корѣлу и Ругодивъ и Иванъгородъ и Сыренскъ на Наровѣ, Орѣшекъ, Копорью и Яму.

«Въ л. 7089, по лѣту, пришедъ Колыванскіе Нѣмцы, поймали свои города 10 и воеводъ и людей всѣхъ побили; и сбысться Писаніе глаголющее: еже аще кто чюжаго похочеть, помалѣ и своего останеть; Царь Иванъ не на велико время чюжую' землю возьмъ, а помалѣ и своей не удержа, а людей вдвое погуби.

«Того же лѣта приде король Литовской Стефанъ Обатуръ... подъ пресловущій градъ Псковъ съ нарядомъ и стоялъ 30 недѣлъ и стѣну разбивъ много приступалъ: и милостию Божіею... сохраненъ бысть. А Литовскіе люди воевали до Новагорода... А въ Новѣгородѣ рати было 40000 со князь Юремъ Голицынымъ... А у великого князя царя Ивана было въ собраніи тогда 300,000 въ Старицы, а на выручку бояръ своихъ не посылалъ подо Псковъ, ни самъ не пошолъ, но страхомъ одержимъ бѣ; глаголють нѣмцы, яко сына своего царевича Ивана того ради остнемъ покололъ, что ему учалъ говорити о вырученіи града Пскова. И не бысть ему слуха о Псковѣ, и велии скорбя о немъ, и оманиша его Литва... повѣдаша царю, яко взять Псковъ бысть, и царь Иванъ послалъ о мирѣ къ королю ко Пскову и вдасть ему на Псковъ 15 городовъ Ливонскихъ Юрьевскихъ; въ то же время приде сквозѣ Литвы проходецъ... повѣда, что сохраненъ Псковъ отъ поганыхъ, и на томъ миру преста ратяся съ государемъ и города ему отдаша Ливонскіе».

Спрашивается въ чемъ же въ этомъ разсказѣ проявляется «мѣстная ограниченность» лѣтописца?

Развѣ въ томъ, что онъ называетъ то, что считаетъ нарушеніемъ даннаго слова, именно тѣмъ, чѣмъ оно есть? или въ томъ, что осуждаетъ Грознаго за лютую кровожадность? или въ томъ, что не иначе можетъ объяснить себѣ дикіе поступки его, какъ слѣдствіемъ «волхвованія злаго еретика подосланнаго Нѣмцами?» Лѣтописецъ съ образованіемъ нашего времени дѣйствія Грознаго объяснилъ бы умственнымъ разстройствомъ, въ родѣ того, какому очевидно подвержены были Неронъ, Домиціанъ и др.

Мнѣ кажется, что русская литература можетъ гордиться этимъ лѣтописцемъ, въ разсказѣ котораго проявляется столь рѣдкая въ

то время гуманность, который жалѣеть даже о напрасной гибели непріятеля, который не одобряетъ утопленія жидовскаго населенія цѣлаго города, который, въ своемъ общемъ сужденіи о ливонской войнѣ, высказываетъ въ немногихъ намекахъ столько здраваго политическаго смысла. Лѣтописецъ взвѣшиваетъ фактическія обстоятельства и осуждаетъ Грознаго за то, что тотъ хотѣлъ идти противъ обстоятельствъ.

Грозный въ Ливонской войнѣ оказался тѣмъ, чѣмъ дѣйствительно былъ: человѣкомъ съ яснымъ взглядомъ, хорошо понимавшимъ, что нужно было для Московскаго государства, но не успѣвшимъ провести предполагаемаго, человѣкомъ безъ выдержки, у котораго не хватило стойкости неустанно и неусыпно идти къ своей цѣли, медленно и непрерывно приводить въ исполненіе разъ признанное за необходимое. Какъ въ своей внутренней политикѣ, Грозный совершенно правильно понялъ недостатки существующаго порядка: недостатокъ правильнаго и самостоятельнаго суда, отсутствіе права и господство произвола — и взялся совершенно правильно за реформу, но не въ состояніи былъ провести эту реформу; точно также и во внѣшней политикѣ: онъ совершенно правильно понялъ, что для того, чтобы Московскому государству выдти изъ своего тогдашняго положенія, необходимо приобрѣтеніе балтійскаго края — но и здѣсь онъ доказалъ несостоятельность своихъ начинаній на самомъ дѣлѣ, свою неспособность къ благотворной, истинно государственной дѣятельности. Онъ началъ войну, не взвѣсивъ свои средства, не сообразивъ въ состояніи ли онъ будетъ достигнуть своей цѣли, въ состояніи ли онъ будетъ завоевать этотъ край противъ воли Швеціи и Польши; а главное не приготовивъ средства отстоять свое завоеваніе противъ той и другой державы. Если же Московское царство еще не въ силахъ было вести войну противъ Польши и Швеціи вмѣстѣ и выдти непобѣжденнымъ, то непосредственно въ русскомъ интересѣ было, не начинать этой войны, а ограничиться тѣмъ, чтобы не допускать ни Швецію ни Польшу утвердиться въ семь краѣ, если нужно, явиться покровителемъ края противъ Швеціи и Польши, и между тѣмъ стараться внутренне усилить Русь, развивая ея средства

Вотъ почему и лучшіе люди временъ Ивана Грознаго, напр. Сильвестръ и Адашевъ, были противъ Ливонской войны. Они понимали лучше Грознаго, что Россія, хотя въ состояніи низвергнуть орденъ, но не въ состояніи удержать этотъ край противъ воли Швеціи и Польши, что при томъ положеніи, въ какомъ находилось

царство, война поведетъ только къ совершенно напрасной и бесполезной тратѣ русскихъ силъ, къ разрушенію уже безъ того безсильнаго и слабаго ордена, а вслѣдствіе этого къ усиленію и возвышенію главныхъ враговъ Россіи Польши и Швеціи. Они понимали, что Польша и Швеція только ждутъ случая, чтобы выступить наслѣдниками ордена, что только взаимныя недовѣріе и ревность удерживаютъ ихъ отъ того, что нападеніе Россіи на орденъ прямо подастъ имъ знакъ, завладѣть Ливонією, когда сила ордена будетъ окончательно ослаблена, и потрачены русскія силы.

Г. Никитскій восхищается низверженіемъ ордена, видитъ въ противоположномъ сужденіи лѣтописца «мѣстную ограниченность», и упрекаетъ его въ томъ, что онъ будто забываетъ цѣль войны и закрываетъ глаза на послѣдствія ея. На дѣлѣ же оказалось, что война Грознаго была война двадцатилѣтняя, раззорившая край, изнурившая Россію, и безрезультатная, такъ что при Петрѣ Россіи пришлось вновь потратить значительныя силы, какъ бы таковыя не были потрачены при Иванѣ Грозномъ. Замѣчаніе лѣтописца, что «Царь Иванъ... наполни грады чюжіе Рускими людьми, а свои пусты сотвори..... и сбытсѣя Писаніе глаголющее: еже аще кто чюжаго похочеть, помалѣ и своего останеть; Царь Иванъ не на велико время чюжую землю вземъ, а помалѣ и своей не удержа, а людей вдвое погуби» — заслуживаетъ вниманіе и вызываетъ удивленіе къ его политическому уму и доказываетъ, что это былъ человѣкъ не «грубаго разума и смысла».

Приводя къ одному знаменателю все замѣченное мною, относительно труда г. Никитскаго, я еще разъ повторяю, что почти всѣ указанные недостатки относятся, или къ введенію и приготовительнымъ сужденіямъ, которыя собственно не имѣютъ никакого прямого отношенія къ спеціальному труду автора, или же къ нѣкоторымъ воззрѣніямъ и общимъ сужденіямъ его, которыя какъ бы только внѣшнимъ образомъ связаны съ его разысканіями, и существенно не повліяли на внутреннее содержаніе изслѣдованія. Собственно историческія разысканія его изъ положительной исторіи обнаруживаютъ несомнѣнный талантъ автора къ такого рода изслѣдованіямъ, и русская историческая литература можетъ

много ожидать отъ г. Никитскаго, если онъ пойдетъ дальше именно по этому пути.

На основаніи всего изложеннаго я полагаю, что сочиненіе г. Никитскаго «Очеркъ внутренней исторіи Пскова» вполне достойно меньшей Графа Уварова награды.
